

18293
А-35

2/3 2

В. Д. АРСЕНЬЕВ

ВОПРОСЫ
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ
СУДЕБНЫХ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В. Д. Арсеньев

ВОПРОСЫ
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ
СУДЕБНЫХ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1964

Предисловие

Успешное разрешение задач советского уголовного процесса во многом зависит от того, насколько совершенны правила, определяющие понятие доказательств, их соби́рание, исследование и оценку. Поэтому необходимо исследовать данный институт, изучить новейшую практику применения доказательств, чтобы наметить пути их дальнейшего совершенствования. Это вытекает из требований Программы КПСС о дальнейшем укреплении социалистической законности, строгом соблюдении процессуальных норм и развитии демократических основ советского правосудия.

Важной задачей советской теории доказательств является также разоблачение порочных взглядов А. Я. Вышинского, проповедовавшего чуждые марксистско-ленинской гносеологии взгляды. Он фактически отрицал возможность достоверного познания истины в уголовном процессе, принижал значение строгого соблюдения законности в доказывании и, таким образом, оправдывал произвол и беззаконие в период культа личности.

Разоблачение этих порочных взглядов приобретает особенно важное значение в свете задач, поставленных в области идеологической работы июньским (1963 г.) Пленумом ЦК КПСС, в решениях которого указывается на необходимость дальнейшего развития общественных, в частности правовых, наук путем проведения творческих дискуссий по основным их проблемам.

В настоящей работе автор сделал попытку исследовать ряд вопросов общей теории судебных (уголовно-процессуальных) доказательств на базе действующего общесоюзного и союзно-республиканского уголовно-про-

цессуального законодательства, не претендуя при этом на исчерпывающее решение их.

Правильное решение указанных проблем может быть дано лишь на основе марксистско-ленинской теории познания. Для раскрытия сущности уголовно-процессуальных доказательств и некоторых особенностей доказывания по уголовным делам в книге, в частности, использованы отдельные положения кибернетики (теории информации), естественно-научной основой которой является ленинская теория отражения.

Понятие уголовно-процессуального доказывания, его предмет и задачи

§ 1. Понятие уголовно-процессуального доказывания

Общие правила доказывания изучает наука логика. С точки зрения логики доказывание (доказательство) представляет собой мыслительную деятельность по обоснованию истинности одного суждения (тезиса) путем приведения других истинных суждений (аргументов).

Таким образом, доказывание выступает как одна из форм опосредствованного познания неизвестных фактов, явлений, положений.

При расследовании и рассмотрении уголовных дел возникает необходимость доказать (обосновать) ряд положений, в частности:

✓а) наличие или отсутствие определенных фактических обстоятельств; ✓б) наличие или отсутствие в таких обстоятельствах признаков определенного состава преступления; ✓в) вопрос о том, подлежит ли обвиняемый наказанию за совершенное им преступление или может быть освобожден от ответственности и наказания (при передаче на поруки и т. п.); ✓г) иные положения (подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в пользу кого, в каком размере и т. п.).

При доказывании, например, наличия в действиях обвиняемого состава преступления последнее выступает как тезис, истинность которого устанавливается путем приведения таких аргументов, как установленный ранее факт совершения обвиняемым определенного деяния, а также уголовного закона, предусматривающего это деяние как преступное.

Как и всякая мыслительная деятельность, доказы-

вание имеет две стороны — содержательную и формальную¹.

Логика (формальная) изучает доказывание со стороны форм, в которых происходит эта деятельность, и осуществляется переход от одних истинных положений к другим. Эти формы выработаны и закреплены в сознании людей в течение многовековой практики и представляют собой субъективное отражение объективно существующих отношений в природе и обществе².

Строжайшее соблюдение таких форм — необходимое условие правильности всякого утверждения. Кроме того, условием правильности положений, устанавливаемых в процессе доказывания, является также истинность тех посылок (аргументов), из которых мы исходим. Она может быть установлена таким же опосредствованным путем, как и истинность конечных результатов доказывания, а также непосредственно (непосредственное восприятие фактов, сведений о фактах и других данных).

При доказывании истинности аргументов на первый план выступает содержательная сторона процесса мышления, связанная с анализом конкретных данных и т. д. Она подчиняется уже законам не формальной логики, а диалектики (диалектической логики).

Так при доказывании наличия в действиях обвиняемого состава преступления, прежде чем использовать в качестве аргументов уголовный закон и факт совершения обвиняемым определенного деяния, их нужно тщательно проанализировать, с тем чтобы установить, что данный факт подпадает под действие определенного закона.

Большую роль играет здесь и практический опыт судей, следователей и других субъектов процесса, а также их мировоззрение, правосознание и эрудиция.

Практика, являясь основой познания и критерием истинности наших знаний, в процессе доказывания как мыслительной деятельности выступает двояко. В содержательной стороне она проявляется в виде практического опыта, знаний, накопленных субъектами дока-

¹ См. А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 228—233.

² См. В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1947, стр. 152, 158, 188.

ывания в результате определенной практической деятельности: чем больше их опыт, чем разностороннее знания о явлениях природы и общества, тем больше гарантия того, что посылки, из которых исходят субъекты при доказывании, будут истинными. В формальной стороне практика проявляется в том, что сама форма доказывания — умозаключение от вывода к посылкам — сложилась в результате многовековой практики человечества.

Таким образом, доказывание как мыслительный процесс приводит нас к установлению истинности определенного тезиса без использования прямых данных опыта, непосредственной практики¹.

Среди положений, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, особое место занимает наличие или отсутствие фактических обстоятельств по каждому конкретному делу. Установить их с помощью одной лишь мыслительной деятельности невозможно. Здесь большое место занимает область непосредственного познания (восприятие отдельных фактов, предметов), а также непосредственная практическая деятельность, направленная на получение сведений об этих обстоятельствах (допрос, назначение экспертизы), предметов, связанных с ними (осмотр, обыски), а также на установление фактов, которые дали бы основание для выводов об искомых фактах. Эти факты и сведения о них в уголовном процессе выступают как доказательства, а соби- рание, исследование и оценка их являются доказыванием фактических обстоятельств дела.

Таким образом, доказывание фактических обстоятельств уголовного дела представляет собой не только мыслительную деятельность по установлению искомых фактов на основе доказательств, но и непосредственную практическую деятельность по собиранию и исследованию доказательств².

¹ Л. А. Смирнов правильно указывает, что «логическое доказательство есть форма опосредствованной связи между доказываемым положением и практикой» («О месте и роли доказательств в процессе познания», автореферат канд. диссертации, Калинин, 1954, стр. 13).

² Следует согласиться с С. В. Курылевым в том, что при производстве таких, например, действий, как осмотр, дающий возможность непосредственного познания предметов, связанных с исследуемым событием, доказательство в логическом смысле

Отметим, что и сама мыслительная деятельность при доказывании фактических обстоятельств дела¹ имеет некоторые особенности². На первый взгляд доказывание их можно уложить в обычную схему формально-логического доказательства, представив фактические обстоятельства в качестве тезиса, истинность или ложность которого обосновывается данными, выступающими в качестве аргументов.

Однако не по всем делам на начальном этапе процесса доказывания мы имеем такой тезис в полном его объеме, ибо не всегда знаем, где и когда совершено преступление, а иногда даже достоверно не известно, совершалось ли вообще преступление. Вот почему при доказывании фактических обстоятельств по уголовному делу нельзя выдвинуть какой-либо тезис, подлежащий обоснованию, а можно наметить лишь ряд версий, подлежащих проверке, что дает возможность на конечном этапе процесса доказывания остановиться на одной из них и обосновать ее как тезис.

Кроме того, доказательство в формальной логике основывается на аргументах, истинность которых уже ранее доказана или общепризнана. Установление же истинности аргументов выходит за пределы формально-логического доказательства³.

вообще отсутствует («Доказывание и его место в процессе судебного познания», «Труды Иркутского Государственного университета, им. А. А. Жданова», т. XII, 1955, стр. 66).

¹ В процессуальной литературе обычно говорят о «доказывании фактов», что строго логически является неправильным, так как доказываются (обосновываются) не факты, а их наличие либо отсутствие. Однако в дальнейшем мы будем пользоваться этим оборотом речи, поскольку «доказывание» в уголовно-процессуальном смысле — это не только обоснование наличия или отсутствия фактов, но и прежде всего их познание.

² На это правильно указывает А. А. Старченко, который рассматривает в своей работе «Логика в судебном исследовании» (М., 1958) «только вопросы, связанные с логикой достоверного познания фактической стороны дела», отмечая при этом, что «проблема применения права с логической стороны имеет существенные особенности» (стр. 30).

³ В. И. Свинцов, отмечая, что «сущность доказательства ни в коем случае не исчерпывается наличием в ней логической формы», пишет далее: «Необходимым условием состоятельности доказательства является истинность его основания, но в рамках самой формальной логики требование исходить из истинности положения остается чисто формальным требованием, ибо сама-то логика своими собственными силами не может обосновать истинности даже

Между тем при доказывании фактических обстоятельств по уголовному делу мы должны обратиться прежде всего к известным нам фактам и сведениям о них, установить их истинность и только потом уже с их помощью обосновать утверждение о фактических обстоятельствах дела.

Основной упор при этом делается прежде всего на установление истинности аргументов, т. е. на содержательную сторону процесса мышления.

Логическое доказательство (доказывание), как известно, происходит в форме умозаключения, только в обратном порядке, т. е. от выводов к посылкам. При доказывании же фактических обстоятельств дела хотя и используют различные формы умозаключений (например, индуктивное умозаключение от одного частного факта к другому)¹, но вместе с тем доказывание нередко выражается в информации об искомых фактах, т. е. в получении сведений об этих фактах из показаний свидетелей, заключений экспертов, документов и т. д.

✓ Процесс доказывания в данном случае состоит в проверке указанных сведений, в ходе которой они из предположительных данных превращаются в достоверные, т. е. связан в основном с содержательной, а не с формальной стороной мышления.

✓ С философской точки зрения доказывание наличия или отсутствия фактов относится не только и даже не столько к предмету логики, сколько к предмету гносеологии (теории познания), представляя собой разновидность познания объективной действительности диалек-

самого простого суждения» («Доказательство, его место и роль в процессе познания», автореферат канд. диссертации, М., 1954, стр. 11).

¹ См. М. С. Строгович, Логика, М., 1954, стр. 342.

В этой связи, представляется, нельзя согласиться с В. И. Свинцовым, который, правильно указывая, что «понятие доказательств в процессе познания гораздо шире логического доказательства, использующего форму умозаключения с истинными посылками», рассматривает такой вид доказательств, как ссылку на факты, не как логическое доказательство, а как особое «фактическое доказательство» («Доказательство, его место и роль в процессе познания», автореферат канд. диссертации, М., 1959, стр. 10).

Между тем доказательство фактами использует форму индуктивного умозаключения и относится к числу логических доказательств. Иное дело, когда доказывание происходит посредством информации об искомых фактах — в этом случае оно действительно выходит за пределы логического доказательства.

тико-материалистическим путем: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике...»¹

Доказывание фактов по уголовному делу как определенной частицы объективной действительности, являясь актом познания этой частицы, включает в себя, как и всякое познание, восприятие, мышление и практику в их диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности.

В юридическом отношении отмеченная особенность доказывания фактических обстоятельств по уголовному делу породила особый уголовно-процессуальный институт доказательств (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства, гл. 5 УПК)². Это и понятно, поскольку в уголовном процессе закон не может не регулировать практическую деятельность соответствующих органов и лиц по собиранию и исследованию доказательств. Если бы доказывание фактов выражалось только в одной мыслительной деятельности, то она не могла бы стать предметом процессуального регулирования и породить соответствующий правовой институт. К. Маркс писал: «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности,—я вступаю в сферу, подвластную законодателью»³.

Поэтому доказывание таких положений, как наличие состава преступления в действиях обвиняемого, целесообразность назначения ему определенного вида и размера наказания и т. п., представляющее собой только логическую, мыслительную деятельность, не породило специального правового института.

То, что институт уголовно-процессуальных доказательств связан именно с фактами, обстоятельствами, вытекает из ст. 15 Основ уголовного судопроизводства, которая называется «Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу». Предметом доказывания по уголовному делу являются только факты, обстоятельства. Но из этого не следует, что закон исключает возможность доказывания иных положений, не

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, М., 1947, стр. 146—147.

² Здесь и в дальнейшем при ссылках на статьи и главы УПК мы будем иметь в виду УПК РСФСР, а также соответствующие статьи и главы УПК других союзных республик, если не оговорено иное.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, т. I, стр. 14.

предусмотренных в ст. 15 Основ. В соответствии с законом (ст. 314 УПК) суд в приговоре во всех случаях должен указывать «доказательства, на которых основаны выводы суда» (имеются в виду выводы суда об указанных ранее в этой же статье фактических обстоятельствах дела), а также обязан «привести мотивы изменения обвинения, если таковое было произведено в суде, а в необходимых случаях — мотивы относительно избранной меры наказания» (разрядка наша.— В. А.). Таким образом, обязав суд всегда доказывать фактические обстоятельства дела, закон в ряде случаев прямо требует доказывать также квалификацию преступления и избранную меру наказания.

Исходя из изложенного, представляется необходимым различать в общем понятии доказывания в уголовном процессе, предметом которого являются различные положения, особое понятие уголовно-процессуального доказывания как специфического уголовно-процессуального института, предметом которого являются только фактические обстоятельства дела. В дальнейшем, говоря об уголовно-процессуальном доказывании, мы будем иметь в виду именно это понятие.

Выяснение содержания понятия уголовно-процессуального доказывания имеет большое значение для теории доказательств, являясь предпосылкой для решения многих теоретических вопросов доказывания, например о критерии истины в уголовно-процессуальном доказывании, и практических, в частности о содержании обязанности доказывания.

В данный вопрос немало путаницы внес в свое время А. Я. Вышинский. Отмечая, что доказывание в уголовном процессе имеет дело не только и не столько с логическими категориями, логическими понятиями, сколько с живыми фактами, самой жизнью, он подчеркивал при этом «ограниченность» и «бессилие» формальной логики в установлении истины и указывал на необходимость преодолеть такую «ограниченность» путем применения диалектического метода. При этом он не усматривал никакой связи между законами формальной логики и диалектики. У него получалось, например, что если объективную сторону состава преступления можно доказать по правилам формальной логики, то для до-

казывания субъективной стороны они уже недостаточны. Таким образом, исследуя проблему судебного доказывания якобы с позиций материалистической диалектики, он на деле метафизически противопоставлял законы диалектики законам формальной логики.

А. Я. Вышинский совершенно игнорировал роль практики в процессе судебного познания как основы познания и объективного критерия истины, в связи с чем его «изыскания» в этой области были проникнуты духом субъективизма.

Неправильная трактовка А. Я. Вышинским роли и значения формальной логики в судебном исследовании была подвергнута критике А. А. Старченко¹, который, однако, допускает, на наш взгляд, серьезную ошибку, ограничивая понятие доказывания одной мыслительной деятельностью. Он пишет: «Вся практическая деятельность судебно-следственных органов по обнаружению, закреплению, проверке и оценке доказательств выступает по существу как исследование... Центральное место в этом исследовании принадлежит доказыванию, то есть логически обоснованному, опирающемуся на достоверно установленные факты, выводы о виновности привлекаемого к ответственности лица. Поэтому судебное исследование в целом нередко называют доказыванием. Центральное место, которое отводится доказыванию в судебном исследовании, не делает, однако, весь процесс исследования доказыванием, так как непосредственное изучение доказательственного материала нельзя включать механически в опосредствованное познание, расценивать как доказывание»².

Представляется, что подобный взгляд неправилен как с философской, так и с юридической точек зрения. С точки зрения марксистско-ленинской философии познание есть неразрывная связь восприятия, мышления и практики, т. е. чувственного, рационального и эмпирического. «Эмпирическое и рациональное,— утверждает А. А. Старченко,— этапы одного и того же процесса познания, они тесно связаны между собой...», и тут же добавляет: «но это не значит, что их не нужно различать

¹ А. А. Старченко, *Логика в судебном исследовании*, М., 1958, стр. 227—228.

² Там же, стр. 18—19.

в исследовании»¹. Конечно, различать рациональное и эмпирическое в исследовании необходимо как его стороны, элементы, но это не означает, что единый процесс судебного познания фактов надо искусственно расчленять на доказывание и исследование. Такое расчленение нежизненно и, следовательно, теоретически несостоятельно.

Еще более несостоятелен такой взгляд с юридической точки зрения. В главах о доказательствах в уголовно-процессуальных кодексах, наряду со статьями об оценке доказательств, представляющей собой только психическую (мыслительную) деятельность, помещены статьи о собирании и исследовании доказательств (ст. 70 УПК), т. е. о непосредственной практической деятельности, куда входит, конечно, и психическая деятельность. Следовательно, понятие процессуального доказывания включает в себя как чувственную и мыслительную, так и непосредственную практическую деятельность судебно-следственных органов.

Некоторые же авторы считают, что в понятие доказывания входит только практическая деятельность судебно-следственных органов. Так, С. В. Курьлев пишет: «Доказывание — это, прежде всего, совокупность определенных процессуальных действий. Процессуальные действия являются предметом процессуальных прав и обязанностей. Предметом процессуальных прав и обязанностей вообще не может быть чья бы то ни было мыслительная деятельность, им могут быть лишь внешние объективированные действия»².

На этом основании автор приходит к выводу, что установление истины по уголовному делу состоит из двух существенно отличных друг от друга по характеру и юридическим последствиям родов деятельности: процессуального доказывания и оценки доказательств, исключая, таким образом, оценку доказательств из понятия процессуального доказывания³.

¹ А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 20. При этом в понятие эмпирического автор, очевидно, объединяет как первоначальную чувственную ступень познания, так и практическую деятельность.

² С. В. Курьлев, Доказывание и его место в процессе судебного познания, «Труды Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова», т. XIII, 1955, стр. 57.

³ Там же, стр. 60.

С таким взглядом согласиться нельзя. Мыслительная деятельность, лежащая в основе оценки доказательств, действительно не может регулироваться законом, так как протекает по своим объективным законам — диалектики и формальной логики. Это означает, что закон не может регулировать содержание оценки доказательств, но не исключает того, что оценка доказательств может регулироваться процессуальным законом по форме. Не случайно ст. 17 Основ прямо устанавливает, что суд и другие органы, оценивая доказательства, руководствуются законом и своим социалистическим правосознанием¹. Отсюда теоретически необоснованна попытка исключить оценку доказательств как мыслительную деятельность из понятия процессуального доказывания, равно как и попытка исключить из данного понятия практическую деятельность по собиранию и исследованию доказательств.

Итак, уголовно-процессуальное доказывание следует рассматривать как направляемую и регулирующую в определенных пределах уголовно-процессуальным законом деятельность суда, прокурора и других органов или лиц по собиранию, исследованию и оценке доказательств в целях установления фактических обстоятельств по уголовному делу².

Рассматривая уголовно-процессуальное доказывание как единое понятие, в котором органически переплетаются чувственная, мыслительная и практическая деятельность, мы вместе с тем не исключаем возможности и необходимости отдельного, изолированного рассмотрения каждого из составляющих его основных элементов для более глубокого изучения их, а также для определения объема прав и обязанностей по доказыванию у отдельных субъектов уголовного процесса.

¹ Подробнее о процессуальном регулировании оценки доказательств см. § 1 гл. IV.

² Аналогично трактует понятие уголовно-процессуального доказывания А. И. Трусов в работе «Основы теории судебных доказательств» (М., 1960, стр. 84) и Л. Т. Ульянова в работе «Оценка доказательств судом первой инстанции» (М., 1959, стр. 48—50).

М. А. Чельцов, ранее сводивший уголовно-процессуальное доказывание к одной мыслительной деятельности («Советский уголовный процесс», М., 1951, стр. 139), в настоящее время включает в него также практическую деятельность («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 149 и др.).

Каковы же основные элементы понятия уголовно-процессуального доказывания?

~~Действующие уголовно-процессуальные кодексы дают основание различать в доказывании: а) получение (собрание и представление) доказательств (ч.ч. 1 и 2 ст. 70 УПК); б) исследование (проверка) доказательств (ч. 3 ст. 70 УПК); в) оценка доказательств (ст. 17 Основ, ст. 71 УПК).~~

✓ Собирание доказательств согласно ч. 1 ст. 70 УПК (статья называется «Собирание доказательств») заключается в действиях органа дознания, следователя, прокурора и суда по вызову и допросу свидетелей, потерпевших и других лиц, вызову эксперта для дачи заключения, по производству осмотров, обысков и других следственных действий, а также по истребованию от организаций и лиц предметов и документов, имеющих значение для дела, и в требовании производства ревизий. Следовательно, собирание доказательств — это активная деятельность судебно-следственных органов.

Но доказательства могут быть получены также путем представления их указанным органам участниками процесса (обвиняемым, потерпевшим и др.), любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями (ч. 2 ст. 70 УПК). Это уже иная форма получения доказательств судебно-следственными органами — пассивная, и, следовательно, термин «собрание» здесь не подходит. Поэтому в некоторых УПК в названии соответствующих статей наряду со словом «собрание» включено слово «представление», чем подчеркивается их отличие (см. ст. 66 УПК Украинской ССР, ст. 50 УПК Латвийской ССР, ст. 75 УПК Литовской ССР, ст. 62 УПК Грузинской ССР, которые называются: «Собирание и представление доказательств»).

Своеобразным сочетанием названных форм получения доказательств является представление их судебно-прокурорским органам по требованию последних различными организациями и лицами (ч. 1 ст. 70 УПК).

✓ Исследование (проверка) доказательств состоит в изучении содержания, качества, свойств полученных доказательств (осмотр и экспертиза веществен-

ного доказательства, следственный эксперимент и т. п.). Часть 3 ст. 70 УПК устанавливает: «Все собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда».

Проверка доказательств — необходимое условие их правильной оценки. Эта деятельность отлична от получения (собрания и представления) доказательств, поскольку распространяется на уже полученные доказательства, и, поэтому правильно в УПК Эстонской ССР в название соответствующей статьи включено слово «проверка» («Собрание, представление и проверка доказательств», ст. 49 УПК)¹.

В отличие от собрания доказательств исследование их производят только судебные следственные органы или, по их поручению, эксперт. Обвиняемый, потерпевший и другие участники процесса имеют право лишь участвовать в исследовании доказательств (ст. 38 Основ), в частности присутствовать при исследовании доказательств, обращать внимание суда на обстоятельства, связанные с осмотром (ст. 201 УПК РСФСР), представлять эксперту вопросы (ст. 288 УПК).

Оценка доказательств заключается в определении силы и значения каждого доказательства в отдельности и всех доказательств в совокупности по внутреннему убеждению лица, производящего дознание, следователя, прокурора и судей (ст. 17 Основ).

Как и проверка, оценка доказательств является

¹ Исследование доказательств, как и собрание, выражается главным образом в процессуальных действиях. Поэтому неправильно, на наш взгляд, сводить исследование доказательств к ознакомлению с ними и анализу (см. Ц. М. К а з, Доказательства в советском уголовном процессе, Саратов, 1960, стр. 47).

К тому же следует иметь в виду, что «ознакомление и анализ» имеют место и при собирании доказательств. Вообще в ходе практической деятельности по собиранию и исследованию доказательств осуществляется и активная психическая — чувственная и мыслительная деятельность соответствующих лиц, входящая в содержание как самих этих действий, так и оценки доказательств, осуществляемой в ходе указанных действий. Поэтому представляется недостаточно обоснованной попытка выделить из содержания такого процессуального действия, как осмотр документов, умственный процесс их исследования (см. Ф. Т. С е л ю к о в, К вопросу об исследовании и следственном осмотре первичных бухгалтерских документов, «Вестник Московского университета» 1963 г. № 3, стр. 42—43).

исключительно компетенцией судебно-следственных органов: оценив доказательства, они вправе в пределах своей компетенции принять соответствующее решение по делу.

Обвиняемый, защитник, потерпевший и другие участники процесса вправе лишь способствовать формированию у судей, прокуроров, следователей и лиц, производящих дознание, внутреннего убеждения путем высказывания мнений о доказательствах, об их истребовании и т. п.

Р. Д. Рахунов справедливо отмечает, что «доказывание составляет сердцевину процесса, оно пронизывает деятельность всех его участников»¹ и осуществляется на протяжении всего процесса. Однако в различных стадиях процесса доказывание имеет неодинаковое содержание в том смысле, что отдельные элементы его имеют различный удельный вес, определяемый местом и значением данной стадии. Так, если собирание доказательств на предварительном следствии занимает большую часть всего доказывания, то в последующих стадиях объем деятельности по собиранию доказательств уменьшается. Исследование доказательств занимает большое место на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве, а в других стадиях его роль более скромна.

Оценка доказательств имеет большое значение во всех стадиях, где происходит доказывание, однако содержание ее неодинаково².

Являясь неотъемлемой составной частью уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуальное доказывание носит строго правовой характер. Законодательное регулирование уголовно-процессуального доказывания — признак, отличающий его от доказывания в других областях науки и практической деятельности. При этом различные элементы доказывания, равно как и те виды деятельности, из которой она складывается, регулируются уголовно-процессуальными кодексами в различных пределах: одни — подробно, другие — в общих чертах.

¹ Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 1.

² Подробнее об этом.

Так, если собрание доказательств, выражающееся в производстве «предусмотренных настоящим кодексом следственных действий» (ч. 1 ст. 70 УПК), подробно регламентировано законом (допросы, обыски), то истребование от организаций и лиц предметов и документов, имеющих значение для дела, а также требование производства ревизий уголовно-процессуальный закон подробно не регулирует. Кодексы не регулируют и действия по представлению доказательств участниками процесса и гражданами, что следует считать пробелом закона¹.

Исследование доказательств посредством процессуальных действий подробно регулируется УПК, а оценка доказательств — лишь в общих чертах.

Законодательное регулирование процесса доказывания создает его уголовно-процессуальную форму, строжайшее соблюдение которой является важным условием для достижения задачи доказывания — установления истины и для ограждения прав и законных интересов граждан и организаций, участвующих в этой деятельности. В соблюдении уголовно-процессуальной формы доказывания в целом и уголовно-процессуальной формы ее отдельных элементов — собрания, исследования, оценки², а также уголовно-процессуальной формы самих доказательств³ находит свое непосредственное выражение принцип социалистической законности.

А. Я. Вышинский, ратуя на словах за соблюдение законности, всячески приижал такую сторону процесса доказывания и всего уголовного процесса, как уголовно-процессуальную форму. Он указывал, что «логику уголовного процесса» нельзя сводить к одним лишь прави-

¹ Подобные пробелы в прежних кодексах в известной степени восполнялись § 6 Инструкции Прокуратуры СССР и НКЮ СССР от 17 ноября 1943 г. № 90/66 «О порядке изъятия, хранения и сдачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества органами расследования и судами». Он устанавливал порядок представления вещественных доказательств и документов в суд и другие органы обвиняемым и иными лицами, а также организациями.

На необходимость строгой процессуальной регламентации этого порядка указывалось в статье «Предъявление вещественных доказательств» («Социалистическая законность» 1957 г. № 8, стр. 63—64).

² О процессуальной форме оценки доказательств см. § 1 гл. 4.

³ О процессуальной форме доказательств см. § 2 гл. 3.

лам собирания доказательств и пользования ими. Он писал, что в науке о доказательствах нельзя ограничиваться одной лишь технической стороной дела, причем к «технической стороне» он относил «все доказательственное право (принципы доказывания, методы отыскания доказательств, классификация доказательств и т. д.) в целом».

Конечно, уголовно-процессуальная деятельность в целом и доказывание в частности не сводятся к одной формальной процедуре, ибо нельзя игнорировать их общественно-политическую сущность. Однако это ни в коем случае не дает оснований для такого пренебрежительного отношения к уголовно-процессуальному праву и его институтам, к трактовке процессуальных правил как «технической стороны» процесса. Подобная трактовка уголовно-процессуальной формы А. Я. Вышинским противоречила требованиям строжайшего соблюдения законности в уголовном процессе¹.

§ 2. Предмет уголовно-процессуального доказывания

Предметом уголовно-процессуального доказывания являются фактические обстоятельства уголовных дел. Необходимость установления этих обстоятельств дела путем доказывания их связана с тем, что они лежат в прошлом по отношению ко времени их расследования, и, следовательно, органы расследования (и суд) не в состоянии воспринимать их непосредственно². В тех же

¹ В. Николаев в рецензии на книгу В. П. Радькова «Социалистическая законность в советском уголовном процессе» (М., 1959) правильно указывал: «Заявления о переоценке роли и значении процессуальной формы могут принести только вред. Они тянут нас назад. Известно, что имевшие место в прошлом нарушения социалистической законности прикрывались пренебрежительным отношением к процессуальной форме, гарантирующей права граждан в уголовном процессе. Надо ставить вопрос не о переоценке процессуальной формы, а о подлинно советском отношении к уголовно-процессуальным законам, предполагающим строгое и неуклонное выполнение их как по существу, так и по форме» («Коммунист» 1959 г. № 15, стр. 123).

² УПК РСФСР 1923 года допускал возможность непосредственного восприятия следователем и судом как таковыми обстоятельств лишь одного вида преступления — отказ свидетеля от дачи показания (ст. 92 УК РСФСР 1926 года), поскольку в этом случае

случаях, когда отдельные следователи и судьи являются случайными свидетелями обстоятельств, они не вправе осуществлять свои функции, а могут выступать в деле лишь в качестве свидетелей (ст. ст. 59, 63, 64 УПК).

До принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 года закон точно не определял круга обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Статья 320 УПК РСФСР 1923 года устанавливала круг вопросов, подлежащих разрешению в приговоре, среди которых, наряду с вопросами о фактах (например, «имело ли место деяние, приписываемое подсудимому»), фигурировали также вопросы права (в частности, «содержит ли это деяние состав преступления»). Поскольку не было иной нормы, которая бы четко устанавливала, что подлежит доказыванию по уголовному делу, отдельные авторы в предмет доказывания включали почти все вопросы, подлежащие разрешению в приговоре в соответствии со ст. 320 УПК.

Согласно ст. 15 Основ по уголовному делу доказыванию подлежат следующие обстоятельства:

1. событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

2. виновность обвиняемого в совершении преступления;

3. обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого;

4. характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Кроме того, в УПК добавлены еще «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления», «мотивы преступления», «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого» (ст. 68 УПК).

Из ст. 15 Основ и соответствующих статей УПК союзных республик вытекает, что предметом доказывания по уголовному делу являются факты, обстоятельства, имеющие значение для установления в действиях обвиняемого состава преступления и разрешения других правовых вопросов, а не сами право-

согласно ст. 60 УПК РСФСР не требовалось специального расследования: в случае отказа свидетеля от дачи показаний на предварительном следствии следователь составлял протокол и направлял его в суд; в случае такого отказа в судебном заседании суд сразу же мог осудить свидетеля, УПК РСФСР 1960 года устранил это единственное исключение из общего правила.

вые вопросы (подпадает ли установленное деяние под акт амнистии, подлежит ли обвиняемый наказанию за совершенное деяние и какому именно¹ и т. п.). Указанные вопросы могут быть предметом обычного логического доказывания.

Большое значение имеет четкое определение в законе круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, которое позволяет соответствующим органам при расследовании и рассмотрении уголовных дел сосредоточить усилия на установлении именно этих обстоятельств.

Приведенное положение важно в двух отношениях: а) чтобы не допускать пробелов расследования, могущих привести к неполному установлению обстоятельств дела, и б) чтобы не расширять безгранично пределы исследования и не загромождать дело ненужными данными. При этом следует четко различать круг обстоятельств, подлежащих установлению по каждому уголовному делу,— предмет доказывания и круг доказательств, необходимых для установления этих обстоятельств,— пределы или объем доказывания. Если предмет доказывания закон предусматривает для каждого дела (в общих чертах), то круг доказательств, нужных для его установления, определяют следователь и суд по своему внутреннему убеждению. Смещение указанных понятий ведет к отрицательным последствиям.

Факты, образующие предмет доказывания, можно разделить на две основные группы:

а) факты, имеющие уголовноправовое значение и составляющие в своей совокупности главный факт, т. е. все фактические обстоятельства, предусмотренные ст. 15 Основ (ч. 1 ст. 68 УПК)²;

б) факты, не имеющие уголовноправового значения, т. е. обстоятельства, способствовав-

¹ Эти вопросы в предмет уголовно-процессуального доказывания включает Л. Т. Ульянова («Оценка доказательств судом первой инстанции», М., 1959, стр. 43).

² Термин «главный факт» в применении к указанным обстоятельствам означает лишь необходимость их первоочередного установления и не должен давать основания рассматривать обстоятельства, способствующие совершению преступления, как «неглавные».

шие совершению преступления (ч. 2 ст. 68 УПК).

Такое деление предмета доказывания в настоящее время, по нашему мнению, соответствует закону. Исходя из него, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, приговоре и других процессуальных актах установлению подлежит главный факт, поскольку он в целом имеет значение для правильного разрешения дела с точки зрения уголовного закона (обладает уголовно-релевантными свойствами).

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, не являются уголовно-релевантными для данного конкретного дела¹ и излагаются отдельно от главного факта в представлениях следователей и частных определениях судов (ст. ст. 140 и 321 УПК). Затем указанные органы направляют эти документы в соответствующие предприятия и учреждения для принятия мер к устранению выявленных обстоятельств.

Установление таких обстоятельств и принятие мер к их устранению — необходимая составная часть мероприятий по предупреждению преступлений, проведение которых является одной из важнейших задач судебно-следственных органов.

В литературе встречаются и иные определения предмета доказывания. Так, М. П. Шаламов, включая в понятие предмета доказывания «главный факт» и «иные обстоятельства», понимает под главным фактом «сумму фактических обстоятельств, совокупность которых образует основу, главное содержание состава преступления». К «иным обстоятельствам» он относит «обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, а равно обстоятельства, относящиеся к граж-

¹ Но эти обстоятельства могут быть уголовно-релевантными для другого дела (например, дела о преступно-халатном отношении должностного лица к своим обязанностям, что дало возможность другому лицу совершить преступление). Следует иметь в виду, что указанное деление предмета доказывания является условным, ибо, например, данные о личности обвиняемого, входящие в содержание главного факта, должны рассматриваться одновременно и как обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений (в частности, условия жизни и воспитания несовершеннолетних — ст. 392, п. 2 УПК).

данскоправовым последствиям преступления, к характеру личности обвиняемого, и другие»¹.

Представляется, что разделение предусмотренных ст. 15 Основ обстоятельств, подлежащих доказыванию, на «главные» и «неглавные» не оправдано и может неправильно ориентировать практику. Действительно, обстоятельства, предусмотренные в п. 3 ст. 15 Основ, могут дать основание иначе рассматривать обстоятельства, указанные в пп. 1 и 2 этой статьи (например, будет установлено, что обвиняемый совершил инкриминируемые ему действия при превышении пределов необходимой обороны). Характер и размер причиненного ущерба (п. 4 ст. 15 Основ) дает иногда основание решить вопрос, достигнуто ли деяние степени общественной опасности, необходимой для признания его преступлением, или нет. Вот почему все обстоятельства, предусмотренные ст. 15 Основ, должны быть включены в главный факт.

Некоторые авторы относят к предмету доказывания доказательственные факты. Так, М. С. Строгович дает такую схему предмета доказывания: «1. Главный факт. 2. Доказательственные факты. 3. Последствия преступления. 4. Обстоятельства, способствующие преступлению»².

Думается, что включать доказательственные факты в предмет доказывания, наряду с главным фактом, последствиями преступления (которые следует отнести к главному факту) и обстоятельствами, способствовавшими совершению преступления, принципиально неправильно и практически вредно.

Известно, что доказательственные факты являются средствами установления события преступления и других элементов предмета доказывания. При этом доказательственные факты прошлого, прежде чем стать доказательствами, сами должны быть доказаны и в данном смысле они являются предметом доказывания. Однако этот предмет доказывания находится в другой плоскости, чем та, в которой лежит главный факт и

¹ М. П. Шаламов, Теория улик, М., 1960 стр. 14—19. При этом автор совершенно игнорирует необходимость доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

² М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 281—282.

обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений. Установление главного факта и этих обстоятельств — конечная цель доказывания, в то время как установление доказательственных фактов — лишь этап на пути к доказыванию главного факта и обстоятельств, способствовавших совершению преступлений¹.

Игнорирование такого положения иногда приводит к неправильному составлению процессуальных документов, в которых изложение искомых фактов, инкриминируемых обвиняемому, смешивается с доказательственными фактами, и в результате обвинение теряет четкие границы, а доказательственный материал излагается с пробелами².

Например, при расследовании дела по обвинению продавца ларька в растрате товарно-материальных ценностей следователь в постановлении о привлечении в качестве обвиняемой, изложив факт растраты, указал далее, что образ жизни обвиняемой не соответствовал ее зарплате: она пьянствовала, покупала ценные вещи и т. п. Таким образом, обвиняемой, наряду с фактом растраты товарно-материальных ценностей, как бы вменялись в вину факты пьянства, приобретения вещей и т. д., которые играли лишь роль доказательственных фактов. Причем, поскольку остальные доказательства обвинения (показания свидетелей, документы и т. д.) в постановлении не были изложены, то приведенные в нем доказательственные факты выпали вообще из общей системы улик, на которых основывалось обвинение.

Главный факт как важнейший элемент предмета доказывания состоит из совокупности фактических обстоятельств, каждое из которых имеет большое значение для разрешения возникающих по делу юридических (уголовноправовых и гражданскоправовых) вопросов. В частности, установление обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 15 Основ, дает основание судить о наличии или отсутствии в этих обстоятель-

¹ В дальнейшем для краткости обозначения мы будем именовать все факты, входящие в предмет доказывания, «искомыми фактами».

² На неправильность включения доказательственных фактов в предмет доказывания обоснованно указывает М. П. Шаламов («Теория улик», М., 1960, стр. 14).

вах юридических признаков состава определенного преступления. Установление обстоятельств, указанных в п. 2 ст. 15 Основ, делает возможным решить вопрос о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности. Установление обстоятельств, указанных в п. 3 ст. 15, позволяет сделать вывод о степени общественной опасности деяния, без чего в свою очередь нельзя решить вопрос о наказуемости или ненаказуемости деяния, виде и размере наказания. Наконец, установление обстоятельств, указанных в п. 4, необходимо для решения вопроса о материальной ответственности обвиняемого и других лиц.

В этой связи возникает вопрос о соотношении в предмете доказывания фактических обстоятельств уголовного дела и юридических признаков состава преступления. Статья 15 Основ уголовного судопроизводства устанавливает, что доказыванию подлежит прежде всего событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства). Статья 3 Основ уголовного законодательства определяет преступление как «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие)», т. е. включает в приведенное понятие не только фактические обстоятельства общественно опасного деяния, но и его противоправность. Противоправным по уголовному праву считается деяние, содержащее состав преступления. т. е. такую совокупность юридических признаков, при наличии которой закон признает деяние преступным.

Устанавливая событие преступления, мы доказываем прежде всего факты, содержащие предусмотренные законом признаки и, следовательно, могущие иметь значение для решения вопроса о наличии (или отсутствии) в действиях обвиняемого состава преступления. Таким образом, при установлении фактических обстоятельств преступления мы исходим из юридических признаков состава преступления, по поводу которого возникло дело¹.

Перечисленные признаки дают возможность конкретизировать круг фактических обстоятельств, подле-

¹ Согласно ст. 108 УПК «дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления».

жащих доказыванию. Так, при наличии данных о факте разбойного нападения на гр-на, чтобы установить этот факт в соответствии со ст. 146 УК, мы должны выяснить: имело ли место нападение на гр-на, когда и где оно совершено, в чем выразалось (способ нападения), цель нападения, было ли оно связано с насилием или угрозой его применения, каков характер насилия и т. д. Следовательно, указанные в законе признаки состава преступления дают возможность конкретизировать требование п. 1 ст. 15 Основ, в котором говорится вообще об установлении события преступления. При этом, однако, в ходе расследования выявленные факты могут дать основание изменить первоначальную юридическую квалификацию исследуемого события либо установить отсутствие в нем признаков состава преступления. Наконец, может быть доказано, что факты, по поводу которых возникло дело, вообще не имели места. Отсюда неправильно было бы, на наш взгляд, считать, что установление фактических обстоятельств уголовного дела в соответствии с юридическими признаками состава преступления является одновременно установлением состава преступления.

Выявляя в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела его фактические обстоятельства, мы каждый раз как бы «примеряем» их к конкретному составу преступления¹, определяя таким путем направление исследования (версии о том или ином преступлении) и круг фактических обстоятельств, подлежащих исследованию. Но это не означает, что мы одновременно доказываем и факты и их правовую оценку — наличие юридических признаков состава преступления, ибо доказательством последних может быть только уже доказанный факт, содержащий признаки данного состава.

Уголовно-процессуальный закон не случайно различает разрешение таких вопросов, как: «Имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый», и «Содержит ли оно состав преступления и каким именно уголовным законом предусмотрено» (пп. 1 и 2 ст. 303 УПК), так как без разрешения пер-

¹ «Норма права,— пишет П. Е. Недбайло,— дает масштаб для классовой, политической и юридической оценки фактического поведения лица» («Применение советских правовых норм», М., 1960, стр. 225).

вого вопроса нельзя разрешить второй, хотя оба они взаимно связаны и находятся во взаимозависимости¹. При этом разрешение первого вопроса входит в предмет науки уголовного процесса, а разрешение второго — уголовного права.

Разграничение доказывания фактических обстоятельств дела и доказывания юридических признаков состава преступления предостерегает следственные органы и суд от встречающихся еще попыток обосновывать ту или иную уголовноправовую квалификацию определенного деяния независимо от установления его конкретных фактических обстоятельств.

Так, отменяя приговор по делу Ш., осужденного за хищение государственного имущества, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала: «Суд недостаточно полно исследовал фактические обстоятельства по настоящему делу, в частности, признавая Ш. виновным в хищении сиропа, суд не привел в приговоре ни одного факта хищения или присвоения им сиропа, в связи с чем из приговора не видно, имело ли место хищение сиропа или была недостача»².

Из примера видно, что суд обосновал квалификацию действий Ш. не на основе фактов, которые он обязан был установить, прежде чем давать такую квалификацию, а на основе предположений о противоправных действиях Ш.

Аналогичную ошибку допустил суд первой инстанции по делу прораба А., осужденного за хищение строительного камня. Отменяя приговор по данному делу, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 17 июня 1960 г. указал, что суд «ни одного конкретного факта хищения в приговоре не привел»³.

С. А. Голунский правильно указывал, что «закон... требует, чтобы суд при постановлении приговора решал отдельно вопрос о доказанности фактов, имеющих

¹ В соответствии с этим ст. 49 Основ (ст. 342 УПК) среди оснований к отмене приговора различает основания, относящиеся к фактам (в частности, «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела»), и основания, относящиеся к квалификации и мере наказания (пп. 4 и 5 ст. 342 УПК).

² «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР», М., 1955, стр. 73.

³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 5, стр. 17.

значение для установления наличия в действиях обвиняемого состава преступления, и отдельно вопросы о юридической квалификации этих действий и о том, подлежит ли обвиняемый наказанию и какому именно»¹.

Отметим, что в теории не всегда проводится достаточно четкая грань между указанными группами вопросов. Так, М. П. Шаламов утверждает, что установление главного факта означает установление состава преступления², сводя, таким образом, установление главного факта к правовой оценке деяния. С этим, по нашему мнению, согласиться нельзя³.

Прежде чем деяние окончательно станет предметом уголовноправовой квалификации (оценки), нужно установить все фактические обстоятельства, которые согласно требованию уголовного закона дают основание для такой квалификации.

При этом указанные фактические обстоятельства нельзя сводить к типу таких положений, которые классики марксизма-ленинизма квалифицировали как «плоскости и общие места худшего сорта»⁴. А. И. Тру-

¹ «Советское государство и право» 1955 г. № 7, стр. 70.

² М. П. Шаламов, Теория улик, М., 1960, стр. 14—15.

³ Основой таких ошибочных взглядов являются положения, развиваемые некоторыми авторами в общей теории права. Так П. Е. Недбайло утверждает, что «фактически процесс применения правовых норм начинается с установления фактов, требующих правового решения, а логически он начинается с выбора нормы, в соответствии с которой квалифицируются факты, т. е. идет от нормы к жизненным фактам...» («Применение советских правовых норм», М., 1960, стр. 221).

Представляет неоправданным такое противопоставление фактического и логического применения норм права, ибо последнее должно отражать первое. В данном случае это ведет к искажению реального процесса применения правовых норм.

На недопустимость смешивать установление фактов и их правовую оценку правильно указывает Н. Г. Александров: «Одно из требований социалистической законности при применении правовых норм заключается в том, чтобы норма права применялась тогда, когда с объективной достоверностью установлено наличие таких фактических обстоятельств, на которые рассчитана данная норма. Грубым нарушением социалистической законности будет применение нормы при отсутствии тех жизненных обстоятельств, которые предусмотрены данной нормой. Тем более грубым и даже злостным нарушением социалистической законности будет фальсификация фактов с целью «обоснования» применения нормы» («Право и законность в период развернутого строительства коммунизма», М., 1961, стр. 162).

⁴ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 82; В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 119—120.

сов, исходя из высказывания классиков марксизма-ленинизма об элементарных истинах, утверждает: «К такого рода элементарным положениям, в частности, относятся и выводы отдельного судебного приговора»¹. Между тем задача суда и других органов не ограничивается установлением «голых» фактов, явлений. Суд и другие органы обязаны, установив эти факты, раскрыть их общественно-политическую сущность, т. е. установить, представляют ли они общественную опасность, какова степень их опасности и каким именно охраняемым законом интересам опасность угрожает и наносит вред.

Общественно-политическая сущность деяния, как и его внешняя, фактическая сторона,— объективная категория², и устанавливается она путем доказывания. Ее не следует смешивать с общественно-политической оценкой этого же деяния. Последняя зависит от политических взглядов лиц (следователей, судей), устанавливающих деяние. Советские следователи, прокуроры, судьи, установив фактические обстоятельства дела и вскрыв их объективную общественно-политическую сущность, дают им затем политическую оценку с точки зрения их диалектико-материалистического мировоззрения. Это и предопределяет правильную правовую оценку деяния на основе закона и социалистического правосознания перечисленных лиц. При этом с логической точки зрения политическая и правовая оценка может выражаться в доказывании правильности квалификации, меры наказания и т. д.

Говоря о юридической значимости фактов, образующих главный факт, мы подчеркивали, что они имеют

¹ А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 128.

Ранее аналогичное положение высказывал Н. Н. Полянский. («Вопросы теории советского уголовного процесса», М., 1956, стр. 116).

² На общественную опасность деяния как объективную категорию правильно указывает П. С. Дагель («Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма», автореферат канд. диссертации, Л., 1962, стр. 18).

В уголовноправовой литературе отдельные авторы не проводят четкой грани между понятием общественной опасности как объективного свойства преступного деяния и понятием противоправности, которое является оценочной категорией (см., например, А. А. Пинотковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, М., 1961, стр. 29, 115 и др.).

такую значимость в целом. Остановимся на этом более подробно. Прежде всего уточним понятие юридической значимости фактов.

Под юридической значимостью фактов, на наш взгляд, следует понимать, во-первых, наличие у них таких признаков, которые как прямо предусмотренные уголовным законом непосредственно влияют на квалификацию преступления (например, та или иная тяжесть телесного повреждения); во-вторых, юридически значимыми являются факты, которые законом рассматриваются какотягчающие или смягчающие обстоятельства (повторное совершение преступления, недостижение лицом возраста, по достижении которого наступает уголовная ответственность, и т. п.).

Все ли факты и их элементы, образующие главный факт, содержат такие юридические признаки?

Каждое из обстоятельств, указанных в соответствующем пункте ст. 15 Основ, состоит из ряда элементов. Так, в событие преступления входят такие элементы, как время, место, способ совершения преступления и т. п. Они могут быть уголовно-релевантными и иррелевантными, так как они во многих случаях сами по себе не влияют ни на квалификацию преступления, ни на размер наказания (например, место и время убийства, кражи). Однако это не исключает необходимости точно устанавливать такие элементы, поскольку из них складываются юридически значимые обстоятельства.

Верховный Суд СССР определением от 27 августа 1955 г. отменил приговор народного суда по делу А., осужденного за хищение овец. В приговоре, в частности, указывалось, что 26 овец А. присвоил «разным путем»¹. В связи с тем, что способ совершения преступления не был установлен, Верховный Суд СССР признал недоказанным событие преступления в целом.

Причем по различным категориям дел указанные элементы нужно устанавливать с различной степенью точности: если по делам об убийствах и других преступлениях время преступления должно устанавливаться в ряде случаев не только в днях, но в часах и даже в минутах, а место — в метрах и в сантиметрах, то по делам о злоупотреблении служебным положе-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г. № 6, стр. 12.

нием, халатности и тому подобным преступлениям оно устанавливается в месяцах и годах (например, на период работы обвиняемого в данной организации), а установление места ограничивается указанием адреса соответствующей организации (местом растраты государственного или общественного имущества при определении подсудности дела считается место нахождения той организации, в которой работал растратчик и т. д.).

Таким образом, при установлении события преступления ряд его элементов должен быть установлен независимо от того, имеют они уголовноправовое значение или не имеют, поскольку без этого мы во всех случаях не можем считать полностью доказанным событие преступления в целом.

Далее, в свете задач, с одной стороны, по предупреждению и искоренению преступлений, применению мер общественного воздействия к лицам, впервые совершившим преступления, не представляющие большой опасности, а с другой — по применению строгих мер наказания к опасным преступникам особое значение приобретает установление данных о личности обвиняемого.

Они также могут быть уголовно-релевантными (данные о возрасте, прежней судимости, беременности и т. п.) и иррелевантными (наличие семьи, иждивенцев, образование, партийность и т. п.). При этом, если первые необходимы, прежде всего, для решения вопроса о возможности привлечения лица к уголовной ответственности, правильной квалификации преступления и определения наиболее целесообразного вида и размера наказания, то вторые имеют значение также и для принятия мер по предупреждению и искоренению преступности.

Итак, факты, образующие главный факт, отличаясь от обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, юридической значимостью, в то же время не во всех элементах имеют такую значимость. Поэтому установленные материальными уголовными законами юридические признаки различных составов преступления не определяют полностью предмета уголовно-процессуального доказывания.

Статья 146 УК, предусматривая юридические при-

знаки разбоя, для квалификации преступления как разбойного нападения не требует наличия данных о месте, способе и времени нападения личности нападавшего (кроме данных о его прежней судимости). Однако это не исключает необходимости установления при расследовании и рассмотрении дел об этих преступлениях всех указанных обстоятельств.

В связи с этим нетрудно еще раз убедиться в принципиальном различии между фактами, входящими в предмет уголовно-процессуального доказывания и образующими его основную часть — главный факт, и юридическим составом преступления.

Главный факт в каждом конкретном случае имеет неповторимое своеобразие. С таким важнейшим свойством его связано и особое качество ряда доказательств (показаний свидетелей, вещественных доказательств), а именно их незаменимость. Последнее оказывает влияние на процессуальные условия и тактику собирания и исследования подобных доказательств (отвод лица, являющегося свидетелем по делу, от выполнения большинства других процессуальных функций, правила о точном описании признаков вещественных доказательств и т. п.).

Юридический состав преступления одинаков для всех многообразных деяний и, следовательно, для различных главных фактов, поскольку предусматривает лишь признаки, в совокупности свидетельствующие об общественной опасности определенной группы деяния.

К. Маркс писал: «Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона,— единичен»¹. Отсюда юридический состав преступления, образуя содержание уголовного закона (в особенных частях УК), является общим правилом, мерилем, на основании которого дается оценка определенному конкретному деянию.

Практическое значение проведения различия между главным фактом и юридическим составом преступления состоит в том, что судебные органы при расследовании и рассмотрении конкретных уголовных дел ориентируются на установление фактов, не только имеющих уголовноправовое значение, но и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 66—67.

инных, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (ст. 68 УПК¹).

Несоблюдение данного требования приводит к тому, что по ряду уголовных дел фактические обстоятельства устанавливаются неконкретно, с целью «подвести» их под определенную статью Уголовного кодекса.

В обвинительном заключении по делу Кириллова формулировка обвинения была изложена так: «Кириллов Петр Михайлович обвиняется в том, что в ночь под 31 октября 1960 г. затащил в свою квартиру гр-ку К. и совершил изнасилование, т. е. в преступлении, предусмотренном...»². Такая формулировка лишь в общих чертах указывает на состав преступления изнасилования, что не дает возможности даже точно квалифицировать данное преступление (ч.ч. 1, 2 или 3 ст. 117 УК), так как не указаны, например, личность потерпевшей, последствия преступления.

Вторая часть предмета доказывания — обстоятельства (причины и условия), способствовавшие совершению преступления, лишь в основном определяются уголовно-процессуальным законом, не имея, как правило, уголовно-релевантных свойств (по данному делу).

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, могут быть одинаковы для большой группы дел. Задача следственных органов и суда состоит в том, чтобы в ходе расследования и рассмотрения дел установить и принять затем меры к устранению именно таких обстоятельств, являющихся общими для возможно большего числа преступлений.

При рассмотрении уголовного дела по обвинению В., который вместе с двумя приятелями, выпив водки в помещении столовой № 11 г. Иркутска, совершил затем дерзкие хулиганские действия, народный суд вынес по делу частное определение. Он отметил, что администрация столовой № 11 попустительствует упо-

¹ А. Н. Трайнин правильно указывал: «Одинаково недопустимы как игнорирование... фактов, образующих состав преступления, так и ограничение расследования только этими фактами» («Состав преступления по советскому уголовному праву», М., 1961, стр. 354).

К этому выводу присоединяется также Г. М. Миньковский («Пределы доказывания в советском уголовном процессе», М., 1956, стр. 38).

² См. «Советская юстиция» 1962 г. № 6, стр. 13.

реблению посетителями спиртных напитков, что в свою очередь неоднократно приводило к хулиганским действиям. Об указанных обстоятельствах суд довел до сведения директивных органов и предложил принять необходимые меры.

Статья 68 УПК, включив в предмет доказывания обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, вместе с тем указала, что эти обстоятельства «подлежат выяснению» (а не доказыванию, подобно обстоятельствам, образующим главный факт).

Такая формулировка, на наш взгляд, означает, что эти обстоятельства можно устанавливать не только путем доказывания, но и путем непосредственного познания. Действительно, большинство обстоятельств, способствовавших совершению преступления, имеет значительную протяженность во времени и, следовательно, существует в момент расследования и рассмотрения дела. Это и порождает необходимость их выявления и устранения. Таковы, например, условия работы на соответствующем предприятии (отсутствие необходимых предохранительных устройств, запыленность воздуха и т. д.). Эти обстоятельства могут быть непосредственно восприняты следователем (судом) при осмотре места происшествия, а также выявлены путем непроцессуальных действий (например, личная беседа с родителями обвиняемого). Возможность непроцессуального установления указанных обстоятельств дает основание привлекать к их выявлению и общественность.

Таким образом, если обстоятельства, входящие в главный факт, устанавливают только путем доказывания¹, то обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, могут быть выяснены и иными путями.

Круг обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в отличие от обстоятельств, образующих главный факт, законом не определен. De lege ferenda определение (в общих чертах) круга этих обстоя-

¹ Из числа этих обстоятельств не подлежат доказыванию только общеизвестные факты, а также факты, установленные вступившими в законную силу приговорами, определениями о прекращении дела, решениями по гражданскому делу, а также неотмененными постановлениями о прекращении дела прокурорско-следственных органов (п.п. 9, 10 ст. 5, ст. 28 УПК).

тельств следует признать важным для их всестороннего и полного установления по каждому делу.

Судебная практика в настоящее время обоснованно рассматривает неустановление указанных обстоятельств как существенную неполноту произведенного расследования¹.

А. Я. Вышинский не уделял серьезного внимания предмету доказывания. Такое пренебрежительное отношение к одному из основных вопросов теории доказательств не случайно и связано с тем, что вопрос о предмете доказывания А. Я. Вышинский «растворил» по существу в вопросе о понятии доказательств и объеме доказывания. Вышинский утверждал, что судебные доказательства различаются как: а) факты или обстоятельства, подлежащие доказыванию (установлению), т. е. факты, которые нужно доказать, и б) факты, являющиеся способом, средством доказывания.

Следовательно, у А. Я. Вышинского и то, что подлежит доказыванию, и то, чем оно доказывается, относится к доказательствам, т. е. понятие предмета доказывания поглощается понятием доказательств.

Следствием такой порочной «концепции» является смешение понятий предмета доказывания и пределов (объема) доказывания.

А. Я. Вышинский считал «естественным» отсутствие в нашем прежнем законодательстве правил, определяющих, какое именно обстоятельство является существенным для дела. По его мнению, таких правил на все случаи жизни нет и быть не может. Общее руководящее начало здесь А. Я. Вышинский формулировал лишь как требование исходить: а) из состава данного преступления и б) из причинной связи исследуемого обстоятельства с предметом судебного дела и его юридическими элементами.

Он утверждал, что следствие и суд в зависимости от конкретных условий и обстоятельств сами должны определять пределы расследования, решать в каждом конкретном случае, что важно, что полезно, что необходимо включить в поле своего внимания, сделать предметом исследования.

¹ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 января 1962 г. по делу П. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1962 г., № 2, стр. 33).

Итак, отсутствие в прежнем уголовно-процессуальном законодательстве правила, определяющего предмет доказывания, что было пробелом законодательства, А. Я. Вышинский «возводил в добродетель», оправдывая это тем, что таких правил на все случаи жизни нет и быть не может. Между тем, как известно, такое правило в настоящее время существует в нашем законодательстве (ст. 15 Основ) и оно необходимо.

Предлагая следственным органам, суду самим определять «пределы расследования», Вышинский объединил в этом понятии предмет и объем доказывания¹.

Ранее уже отмечалось, что пределы (объем) доказывания, действительно, определяют судебные органы исходя из конкретных обстоятельств расследуемого дела. Однако относить к компетенции этих органов установление предмета доказывания по каждому делу, как это делал А. Я. Вышинский, означало вносить в уголовный процесс недопустимый субъективизм и произвол. Подобная «концепция» могла привести лишь к тому, что вопрос об установлении или неустановлении определенных обстоятельств решался бы судебными органами по их усмотрению, а не в соответствии с предписаниями закона, изложенными хотя бы в самой общей форме, как это сделано в ст. 15 Основ. При этом указание А. Я. Вышинского исходить «из состава данного преступления» ничего не меняет, ибо состав преступления не определяет всего предмета доказывания².

§ 3. Задачи уголовно-процессуального доказывания

Уголовно-процессуальное доказывание — составная часть всей уголовно-процессуальной деятельности, в связи с чем задачи уголовного процесса, сформулиро-

¹ Первую группу обстоятельств (предмет доказывания) А. Я. Вышинский имел в виду, когда требовал «исходить из состава преступления», вторую группу обстоятельств (доказательства) он имел в виду, когда говорил о необходимости «исходить из причинной связи обстоятельств с предметом судебного дела».

² Смешение понятий предмета доказывания и пределов доказывания допускал также Г. М. Миньковский («Пределы доказывания в советском уголовном процессе», М., 1956, стр. 4).

ванные в ст. 2 Основ, в конечном итоге являются и задачами доказывания. Однако когда мы говорим о задачах доказывания, то имеем в виду специфические задачи этой части уголовно-процессуальной деятельности, которые определяются ее предметом.

Статья 2 Основ устанавливает следующие общие задачи уголовного процесса: а) быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных; б) правильное применение закона и справедливое наказание виновных; в) недопущение привлечения к уголовной ответственности и наказания невиновных; г) укрепление социалистической законности; д) предупреждение и искоренение преступлений; е) воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

Исходя из установленного ст. 15 Основ предмета доказывания и из задач, закрепленных в ст. 2 Основ, специфическим задачам уголовно-процессуального доказывания следует отнести быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, недопущение привлечения к уголовной ответственности невиновных.

Они сформулированы в ст. 14 Основ, согласно которой суд, прокурор и другие органы «обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства».

Задачи уголовно-процессуального доказывания, являясь составной частью задач, стоящих перед уголовным процессом в целом, необходимы для разрешения других задач уголовного процесса — обеспечения правильного применения закона, справедливого наказания преступника, предупреждения преступлений и т. д.

Так, для правильного применения уголовного закона и назначения справедливого наказания нужно достоверно установить факт преступления и умышленное или неосторожное совершение его определенным лицом. Для выполнения такой важной задачи, как предупреждение и искоренение преступлений, наряду с рас-

На необходимость различать понятия предмета и пределов доказывания указывает Л. Т. Ульянова («Оценка доказательств судом первой инстанции», М., 1959, стр. 23).

крытием преступлений, большое значение имеет установление обстоятельств, способствовавших их совершению.

Однако, на наш взгляд, было бы неправильно отделять задачу доказывания по установлению фактических обстоятельств дела от других задач уголовного процесса, рассматривая ее только как средство для решения их¹. Статья 2 Основ не случайно указывает на раскрытие преступления и изобличение преступника как на ближайшую, первоочередную задачу уголовного процесса наряду с другими. Этим подчеркивается, что выполнение ее — не только необходимое условие для разрешения других задач, но и само по себе в какой-то мере уже решает их, ибо, например, сам факт раскрытия преступления и изобличения преступника имеет большое предупредительное и воспитательное значение. Однако это не означает, что все задачи процесса можно рассматривать как задачи доказывания. Специфика последних определяется предметом доказывания. Вот почему неправы те авторы, которые, рассматривая задачу доказывания в отрыве от его предмета, включают в нее правильное применение закона и справедливое наказание преступника.

Задачу доказывания нельзя сводить и к предмету доказывания — установлению фактических обстоятельств дела. Когда мы говорим об установлении фактических обстоятельств дела как задаче доказывания, то подчеркиваем необходимость их достоверного установления в точном соответствии с тем, как они имели место в действительности. С целью выделить именно данную сторону задачи доказывания ее часто формулируют как установление истины².

¹ См. С. А. Голунский, Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, сб. «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 122.

² Как правильно указывает С. Л. Рубинштейн, истина «не существует вне и помимо познавательной деятельности людей. Объективная истина не есть сама объективная реальность, а объективное познание реальности субъектом» («Бытие и сознание», М., 1957, стр. 37).

Таким образом, если понятие предмета доказывания имеет своим содержанием факты объективной действительности, которые надо познать, то понятие истины как задачи доказывания имеет своим содержанием уже не сами факты объективной действитель-

Такая формулировка не содержится в нормах уголовно-процессуального закона, непосредственно определяющих задачи доказывания (ст. ст. 2, 3, 14 Основ). Однако, она вполне оправдана, во-первых, потому, что термин «истина» известен действующему законодательству (ст. 33 Основ, ст. 243 УПК и др.), а во-вторых, и это главное, формулировка подчеркивает необходимость абсолютно достоверного установления фактических обстоятельств дела, что является важным условием решения иных задач процесса.

С. А. Голунский правильно писал, что «ошибки в судебных приговорах, а следовательно, и нарушения социалистической законности в уголовном процессе гораздо чаще имеют место в результате неполного или неправильного установления судом фактических обстоятельств дела, чем в результате неправильной правовой оценки этих обстоятельств»¹.

Марксистско-ленинская теория познания дает основу для решения вопроса о познаваемости фактов, составляющих предмет уголовно-процессуального доказывания, т. е. для установления истины в уголовном процессе. Однако, к сожалению, в советской науке уголовного процесса это важнейшее положение марксизма-ленинизма не сразу было реализовано применительно к задачам уголовно-процессуального доказывания.

А. Я. Вышинский, игнорируя требования марксистско-ленинской гносеологии и опираясь на взгляды Л. Е. Владимирова и других буржуазных процессуалистов, отрицал не только возможность, но даже и целесообразность требования установления истины. При этом он подчеркивал «особый характер» судебного исследования, якобы принципиально отличного от исследования научного. А. Я. Вышинский писал, что судебная деятельность — это не обычная научно-исследова-

ности, а достоверное познание этих фактов судебно-следственными органами. Отсюда неверным является утверждение о том, что обстоятельства, указанные в ст. 68 УПК РСФСР, составляют «содержание понятия объективной истины» (А. Ривлин, С. Альперт и М. Бажанов, О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве, «Социалистическая законность» 1963 г. № 9, стр. 41).

¹ С. А. Голунский, Об оценке доказательств в советском уголовном процессе («Советское государство и право» 1955 г. № 7, стр. 71).

тельская деятельность. Специфические особенности такой деятельности, обусловленной, по его мнению, больше, чем какая-либо другая, обстоятельствами, независимыми от воли судьи, исключающими возможность экспериментирования, проверки выводов при помощи соответственно изменяемой обстановки и условий эксперимента, не требуют особых доказательств. Эти особенности,— утверждал Вышинский,— и создают условные пределы познания, с чем нельзя не считаться, ставя вопрос о соотношении между судебным решением и абсолютной истиной. Сам автор, «считаясь с этим», вслед за Л. Е. Владимировым, приходит к требованию «максимальной вероятности» фактов, подлежащих установлению судом, вместо требования их абсолютной достоверности.

Эти утверждения А. Я. Вышинского несостоятельны. Отметим, прежде всего, что не во всех научных исследованиях может быть использован экспериментальный метод получения и проверки фактов (например, во многих общественных науках), что, однако, не исключает научно достоверных выводов по различным вопросам в соответствующих областях знания¹. Не препятствуют достижению истины в уголовном процессе и установленные законом процессуальные сроки, которые вполне достаточны для полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела.

Таким образом, нет никаких оснований проводить принципиальное различие между достоверностью фактов, установленных в уголовном процессе и в научных исследованиях², и выводить отсюда положение о вероятном характере, «условных пределах» истины. Любая, даже самая высокая степень вероятности события не исключает того, что оно не имело места. Следовательно, признание возможности строить выводы суда на фактах, установленных с «максимальной вероятностью», означает оправдание судебных ошибок и грубейшего нарушения социалистической законности.

¹ Подробнее об этом см. § 2 гл. IV.

² Это, конечно, не означает, что между судебным и научным исследованием вообще нет никакого различия. Так, отмеченное различие в сроках этих исследований имеет определенное значение и именно его игнорирует А. Я. Вышинский, когда пытается механически применить к судебному познанию гносеологическое положение об «исторически-условных пределах познания».

Тезис об «условных пределах познания» фактов в уголовном процессе А. Я. Вышинский выдвинул в связи с дискуссией о природе устанавливаемой в суде истины, о том, является ли она абсолютной¹ или относительной². Дискуссию вели по существу о том, должен ли суд вообще устанавливать истину или же он вправе ограничиться только приблизительным, вероятным установлением фактов. Подобное их установление, как известно, не имеет ничего общего с относительной истиной, требующей такой же абсолютной достоверности, как и абсолютная истина.

«Философская» трактовка проблемы соотношения абсолютной и относительной истины в уголовном процессе, данная А. Я. Вышинским, была весьма путаной.

Ссылаясь на ленинское положение об отсутствии непреходимой грани между абсолютной и относительной истиной и об исторической условности приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине³, автор пытался утверждать, что «специфические особенности судебной деятельности» создают якобы «условные пределы познания» фактов в уголовном процессе. Положения, относящиеся к бесконечному процессу научного познания, А. Я. Вышинский механически переносил на познание конкретных фактических обстоятельств дела. Последнее, как известно, ограничено во времени и по предмету исследования и применительно к нему говорить об «исторически условных пределах приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине» не имеет смысла.

Далее, марксистско-ленинское понятие исторически условных пределов наших знаний означает, что последние на каждом историческом этапе развития имеют своим содержанием объективную относительную (неполную) истину и бесконечно приближаются к объективной, абсолютной истине. В трактовке же А. Я. Вышинского «условные пределы познания» означают не что иное, как пределы достоверности познания, вызванные «специфи-

¹ См. М. С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М., 1947, стр. 75—80.

² См. В. С. Тадевосян, К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе («Советское государство и право» 1948 г. № 6, стр. 66—68).

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 14 стр. 123.

ческими особенностями судебной деятельности». Таким образом, используя на словах, а по сути дела, искажая отдельные положения марксистско-ленинской теории познания, А. Я. Вышинский протаскивал в теорию доказательств порочную и вредную идейку о невозможности полного и достоверного познания фактов в уголовном процессе¹.

В настоящее время в советской теории доказательств порочный взгляд А. Я. Вышинского на вероятный характер познания фактов в уголовном процессе преодолен.

К важнейшим практическим задачам, стоящим перед судебно-следственными органами, относится достижение истины по каждому уголовному делу. Ус-

¹ Что касается существа проблемы соотношения абсолютной и относительной истины в уголовном процессе, то она представляется в значительной мере надуманной. Ведь абсолютная истина отличается от истины относительной не как абсолютно достоверная от менее достоверной, а как истина, абсолютно исчерпывающая предмет познания, от истины, которая исчерпывает лишь часть предмета познания (но отражает эту часть так же абсолютно достоверно, как и относительная истина). Применительно к исторически бесконечному процессу научного познания философская проблема диалектического взаимоотношения абсолютной и относительной истины имеет громадное значение, противопоставляя релятивизму и агностицизму (см. Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1951, стр. 81; В. И. Ленин, *Соч.*, т. 14, стр. 121 и др.).

В уголовном процессе, где познание фактов ограничено определенным кругом их (предмет доказывания) и определенными сроками, эта проблема выступает лишь в ходе процесса познания фактических обстоятельств дела. Применительно же к результату познания, т. е. к уже установленной по делу истине, указанная проблема не имеет практического значения. Сторонники признания устанавливаемой в уголовном процессе истины абсолютной (М. С. Строгович, И. Д. Перлов) усматривают практическое значение данной концепции в том, что «факты... которые суд устанавливает приговором, должны быть установлены абсолютно правильно» (М. С. Строгович, *Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе*, М., 1955, стр. 75—76). Однако требование абсолютной достоверности установленных в приговоре фактов вытекает и из концепции относительной истины (если правильно понимать относительную истину как абсолютно достоверную, но неполную). Поэтому вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины применительно к результатам судебного познания может представлять интерес лишь с философской точки зрения. Отсюда продолжающаяся уже много лет дискуссия по названному вопросу отвлекает усилия наших ученых-процессуалистов от решения других практических задач, возникающих в связи с проблемой установления истины в уголовном процессе.

тановление ее — это не только процессуальная проблема. Она в значительной мере относится к общей организации борьбы с преступностью: четкой работе всех звеньев судебно-следственного аппарата, тесному взаимодействию между ними, неуклонному внедрению в судебную и следственную практику научных приемов и методов расследования, широкому привлечению общественности к борьбе с преступностью, ее предупреждению и т. д.

В процессуальном отношении данная проблема состоит в создании необходимых правовых гарантий для достижения истины по каждому уголовному делу. 1

Для научного исследования проблемы истины ее необходимо рассматривать, на наш взгляд, как с точки зрения раскрытия каждого преступления и изобличения каждого лица, его совершившего, так и достоверного установления в соответствующих случаях отсутствия факта преступления или невиновности обвиняемого (подозреваемого) в нем лица.

Раскрытие преступления и изобличение каждого преступника — важнейшая и первоочередная задача судебно-следственных органов. Не случайно она стоит на первом месте среди других задач (ст. 2 Основ). Статья 3 Основ устанавливает обязанность суда, следователя, прокурора и органа дознания в «пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию».

Статьи 2 и 3 Основ достоверное установление события преступления и виновность лиц, их совершивших, связывают с наказанием. Однако обстоятельства могут и должны быть установлены и в случаях, когда исключается применение наказания.

Так, в соответствии со ст. 43 Основ обвинительный приговор может быть постановлен без назначения наказания, «если к моменту рассмотрения дела в суде деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным». Но это не исключает тех требований, которые ст. 43 Основ предъявляет к обвинительному приговору, постановляемому «лишь при условии, если в ходе су-

дебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана». Пункт 8 ст. 5 Основ не допускает прекращения дела в отношении умершего, когда это необходимо для возобновления дела в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам. Таким образом, виновность умерших устанавливается с полной достоверностью, хотя вопрос о их наказании не возникает.

Более того, даже при прекращении уголовных дел по основаниям, предусмотренным ст. ст. 6—9 УПК, достоверно устанавливаются все фактические обстоятельства. Это косвенно вытекает из ст. 10 УПК, допускающей направление материалов в Комиссию по делам несовершеннолетних, в товарищеский суд либо передачу виновного на поруки без возбуждения уголовного дела, в частности, при условии, «когда факт преступления очевиден», и, следовательно, не требуется специального производства для его достоверного установления¹. Когда же такой очевидности нет, передача на поруки, в товарищеский суд и Комиссию по делам несовершеннолетних допускается только при условии достоверного установления в ходе расследования уголовного дела виновности лиц, передаваемых на поруки и т. д. Наконец, если лицо совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или после совершения его заболело душевной болезнью, лишаящей его возможности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, факт совершения им общественно опасного деяния подлежит достоверному установлению и является необходимым основанием для применения к нему принудительных мер медицинского характера (раздел 7 УПК).

Таким образом, раскрытие каждого преступления (общественно опасного деяния) и изобличение лица, его совершившего, необходимо не только как обязательная предпосылка для справедливого наказания, но и независимо от него.

Данное положение вытекает из известного указания В. И. Ленина о значении раскрытия каждого совершенного преступления. «Важно не то,— указывал В. И. Ленин,— чтобы за преступление было назначено тяжкое:

¹ В данном случае речь, конечно, идет не о кажущейся, а о достоверной очевидности.

наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым»¹. Таким образом, само раскрытие преступления и установление лица, его совершившего, имеет большое предупредительное и воспитательное значение.

Это подчеркнул на XXII съезде КПСС и тов. Н. С. Хрущев. Говоря о необходимости полного и всестороннего установления фактических обстоятельств по делам, связанным с имевшими место в период культа личности злоупотреблениями, Н. С. Хрущев указал: «Наш долг тщательно и всесторонне разобраться в такого рода делах, связанных со злоупотреблениями властью... Мы обязаны сделать все для того, чтобы сейчас установить правду, так как чем больше времени пройдет после этих событий, тем труднее будет восстанавливать истину... Теперь уже, как говорится, мертвых не вернешь к жизни. Но нужно, чтобы в истории партии об этом было правдиво рассказано. Это надо сделать для того, чтобы подобные явления впредь никогда не повторялись»².

Устанавливая требования раскрытия каждого преступления, уголовно-процессуальное законодательство вместе с тем создает и необходимые гарантии для его осуществления. Эти гарантии заключаются в основном: а) в наделении судебно-следственных органов соответствующими полномочиями по производству действий, направленных на собирание и исследование доказательств, т. е. на раскрытие преступления и изобличение преступника (допросы, обыски и т. д.); б) в установлении общих правил производства и оформления указанных действий, гарантирующих доброкачественность полученных доказательств, а следовательно, на достоверное установление искомым по делу фактов; в) в учреждении прокурорского и судебного надзора за правильностью установления фактических обстоятельств дела органами дознания, следователями и судами первой инстанции; г) в требовании широкого привлечения общественности к раскрытию преступлений, расследованию и рассмотрению уголовных дел.

Таким образом, исходя из положения диалектического материализма о познаваемости мира и его зако-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 373.

² «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 252—253

номерностей, руководствуясь требованиями уголовно-процессуального закона, судебные органы имеют все возможности, чтобы раскрыть каждое преступление и изобличить каждого преступника. Но превращение указанной возможности в действительность происходит не само по себе. Это зависит от того, насколько каждый оперативный, следственный и судебный работник добросовестно, умело и со знанием дела будет выполнять свои обязанности.

При этом, конечно, нельзя не учитывать определенные объективные и субъективные факторы, могущие противодействовать раскрытию отдельных преступлений: благоприятная для преступника обстановка совершения преступления (например, безлюдное место), продуманный план совершения преступления, беспомощное состояние потерпевшего и т. д. Однако если объективные и субъективные факторы, способствующие раскрытию преступления, в основном действуют постоянно, то факторы, препятствующие установлению истины, случайны и потому не могут противостоять первым. Следовательно, можно сказать, что нет такого преступления, которое нельзя было бы раскрыть. И если все еще встречаются нераскрытые преступления, то это — результат недостатков в организации раскрытия преступления.

Проведенная прокуратурой Иркутской области проверка дел о нераскрытых преступлениях в 1961 году показала, что дознание и следствие по этим делам проводили на низком уровне, в частности, не исследовали все возможные версии о лицах, совершивших преступления, дела приостанавливались производством с нарушением установленного законом срока.

Требование установления истины по делу относится как в целом к искомому факту, так и к отдельным его элементам.

В этой связи отметим как неправильное, на наш взгляд, утверждение М. С. Строговича о возможности и допустимости недостоверного, вероятного установления отдельных инкриминируемых обвиняемому обстоятельств, исходя из правила о толковании сомнения в пользу обвиняемого.

Автор пишет, что сомнение о наличии тех или иных фактов «может касаться как самого существа обвине-

ния, когда оно подрывает его основу и влечет вынесение оправдательного приговора, так и отдельных фактов, входящих в состав обвинения, когда оно влечет смягчение обвинения...»¹. Указанное положение поясняется на примере. Некто обвиняется в совершении умышленного преступления, но утверждает, что совершил преступление по неосторожности. При этом обвинение в умысле и утверждение обвиняемого о неосторожности вызывают сомнения. По мнению М. С. Строговича, в данном случае суд должен признать указанные действия неосторожными. По такому пути в ряде случаев идет и судебная практика. Так, по делу об убийстве студентки П. в г. Алма-Ате обвиняемый отрицал свою причастность к преступлению. Однако, поскольку это было доказано, но не было собрано доказательств умышленного совершения им убийства, обвиняемый в судебном заседании утверждал, что совершил убийство по неосторожности. И хотя эти утверждения были сомнительными, суд все же признал наличие неосторожности и соответственно переквалифицировал обвинение². Полагаем, что с таким подходом согласиться нельзя. Взгляд М. С. Строговича противоречит его собственным утверждениям о необходимости абсолютно достоверного установления всех обстоятельств дела, в том числе и виновности (формы вины) обвиняемого.

В приведенном примере суд обязан был либо сам принять меры к достоверному установлению наличия определенной формы вины обвиняемого (умысла или неосторожности), либо вернуть дело на исследование прокурору с указанием принять такие меры, но не постановлять приговора, если виновность обвиняемого (форма вины) вызвала сомнение³.

Подобные приговоры противоречат и правилу о толковании сомнений в пользу обвиняемого, согласно которому обвиняемому не могут инкриминироваться обстоятельства, вызывающие сомнение в наличии их.

Рассмотрим проблему установления истины по каждому уголовному делу при прекращении дел (оправда-

¹ М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 214.

² См. «Следственная практика» 1951 г. № 6, стр. 70—81.

³ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 марта 1960 г. по делу Ш. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 5, стр. 34—35).

нии подсудимых). Уголовный процесс начинается при наличии достаточных данных об имевшем место преступлении (ст. ст. 2 и 3 Основ), но это не исключает того, что в ходе производства по делу первоначальные данные не подтвердятся. В этом случае, исходя из требования установления истины по каждому делу, перед следственными органами и судом стоит задача достоверно установить отсутствие события преступления и невиновность подозреваемых или обвиняемых в нем лиц. Она вытекает из требования закона о прекращении дела и вынесении оправдательного приговора ввиду неустановления события преступления (п. 1 ст. 5 и ч. 5 ст. 43 Основ), из определения доказательств, согласно которому последние «устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния» (ч. 1 ст. 16 Основ), из запрещения прекращать дело в отношении умершего, «когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего» (п. 8 ст. 5 Основ).

Задача достоверного установления отсутствия события преступления и невиновности лица, подозреваемого или обвиняемого в его совершении, тесно связана с задачей установления наличия преступления и виновности обвиняемого. Это вытекает из ст. 2 Основ. Необходимость раскрытия преступлений и изобличения виновных она связывает с указанием, чтобы «ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Следственная и судебная практика свидетельствуют, что нередко только достоверно установленная невиновность лица, необоснованно привлеченного к ответственности, дает возможность установить действительного виновника.

К. был дважды привлечен к уголовной ответственности и осужден по обвинению в убийстве Б. Приговор по делу дважды был отменен, и дело обращалось на доследование. В результате достоверно была установлена невиновность К. и виновность А¹.

Таким образом, установление наличия или отсутствия преступления, виновности или невиновности лица, его совершившего, может рассматриваться как «двуединая» задача доказывания. Однако установление события

¹ См. «Следственная практика», вып. 44, М., 1960, стр. 113—124; «Социалистическая законность» 1962 г. № 10, стр. 62—64.

преступления и виновности обвиняемого является первоочередной задачей уголовного процесса, ибо последний возникает в связи с данными о наличии (а не об отсутствии) события преступления. Но поскольку все же речь идет о действительном преступлении и действительно виновных лицах, неподтверждение в ходе расследования первоначальных данных о наличии преступления и виновности обвиняемого должно вести к установлению их достоверного отсутствия.

В связи с этим представляется важной разработка проблемы установления истины и значения последней при прекращении дел производством и вынесении оправдательных приговоров по основаниям, предусмотренным ст. 5 УПК, а также исследование вопроса о соотношении с требованием установления истины по каждому делу оснований прекращения дел и вынесения оправдательных приговоров по ч. 2 ст. 208, ч. 1 ст. 234, п. 3 ст. 309, ч. 2 ст. 349 УПК¹.

¹ Интересные соображения по этим вопросам имеются в работе В. З. Лукашевича «Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе» (Л., 1959, стр. 127) и в статье С. А. Шейфера «Некоторые вопросы прекращения дел в стадии дознания и предварительного следствия» («Вопросы криминалистики», М., вып. 1—2, 1961, стр. 58).

Субъекты уголовно-процессуального доказывания, их права и обязанности

Вопрос о субъектах, участвующих в уголовно-процессуальном доказывании, обычно ставят в связи с проблемой обязанности доказывания, а именно, на кого из субъектов ее возложить, может ли такая обязанность переходить от одного субъекта к другому и т. д. Подобная постановка вопроса, на наш взгляд, не способствует его полному и всестороннему исследованию. Действительно, любая обязанность, в том числе и обязанность доказывания, существует лишь применительно к определенным субъектам. Вот почему, прежде чем исследовать данную проблему, нужно рассмотреть вопрос о круге субъектов, участвующих в процессе доказывания, их роли и значении в нем. При этом возникает вопрос, можно ли вообще выделять из числа субъектов уголовного процесса субъектов доказывания. Такое выделение представляется оправданным, поскольку доказывание относится к одной из важнейших сторон уголовно-процессуальной деятельности, в связи с чем характер и степень участия субъектов уголовного процесса в ней дают основания рассматривать их в более узком плане — как субъектов доказывания¹.

К тому же следует иметь в виду, что круг субъектов доказывания и круг субъектов уголовного процесса не совпадают полностью. С одной стороны, к числу субъектов доказывания может относиться любой гражданин, а также учреждение, предприятие и организация, поскольку они согласно ч. 2 ст. 70 УПК вправе пред-

¹ Одна из первых попыток в нашей литературе выделить субъектов доказывания из общего числа субъектов уголовного процесса принадлежит В. П. Резепову (см. В. П. Резепов, Субъекты доказывания в советском уголовном процессе, «Вопросы государства и права», Л., 1958, стр. 110—123).

ставить доказательства, не занимая при этом определенного процессуального положения при производстве по уголовному делу. С другой стороны, субъектами доказывания не являются свидетели, эксперты, переводчики, понятые, секретари судебных заседаний, хотя они и имеют определенное отношение к собиранию и исследованию доказательств.

Кто же относится к субъектам доказывания? По нашему мнению, в качестве субъектов доказывания можно рассматривать те органы и тех лиц, которые имеют права и обязанности по участию в процессе доказывания, т. е. хотя бы одно из следующих прав и обязанностей: а) по собиранию доказательств или участию в собирании доказательств; б) по представлению их; в) по исследованию доказательств или участию в нем; г) по оценке доказательств или участию в ней.

При этом объем прав и обязанностей субъектов доказывания может быть различным: в него могут входить все перечисленные права и обязанности или только некоторые из них. Кроме того, права и обязанности по доказыванию у различных субъектов могут быть различными по содержанию. В это содержание может входить установление как всех обстоятельств предмета доказывания, так и отдельных из них (например, только смягчающих или устранивающих вину обстоятельств).

Субъектов доказывания необходимо отличать от лиц, дающих показания и заключения, т. е. от источников доказательств (свидетелей, экспертов и др.). При этом некоторые субъекты доказывания нередко выступают одновременно и в качестве источников доказательств¹ (обвиняемый, подозреваемый, потерпевший), поскольку они вправе (а потерпевший и обязан) давать показания об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство дает основание разделить субъектов доказывания по характеру их участия в процессе доказывания на три группы: 1) субъекты, являющиеся государственными органами борьбы с преступностью; 2) участ-

¹ Подробнее об источниках доказательств см. § 1 гл. III.

ники процесса; 3) любые граждане, организации, учреждения¹.

К первой группе относятся суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание. На них в соответствии со ст. 14 Основ возложена обязанность «принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства». Учитывая также требования ст. ст. 3 и 17 Основ можно утверждать, что закон возлагает на них обязанность по проведению всего процесса доказывания в целом с точки зрения объема и содержания.

Для выполнения такой обязанности закон предоставляет им определенные права, а именно: а) собирать доказательства путем производства следственных действий, истребования доказательств от участников процесса и других лиц и организаций, требования проведения ревизий² (ч. 1 ст. 70 УПК); б) исследовать доказательства посредством осмотра, назначения экспертизы и других следственных действий (ч. 2 ст. 70 УПК); в) оценивать доказательства (ст. 17 Основ).

Перечисленные права являются исключительными

¹ Менее удачной представляется классификация субъектов доказывания, которую дает Э. С. Зеликсон. Он разделяет их на две группы: 1) субъекты, обязанные устанавливать истину по делу (суд, прокурор, следователь и органы дознания), и 2) субъекты, которые имеют обязанности или права по доказыванию своих утверждений, — участники процесса («Распределение обязанности доказывания в советском уголовном процессе. Научная конференция на тему: «Вопросы применения новых кодексов союзных республик и кодификации законодательства», Алма-Ата, 1962).

При такой классификации из субъектов доказывания выпадают граждане и организации, имеющие право представлять доказательства. Кроме того, название второй группы субъектов дает основание включать в нее и субъектов первой группы.

² Нельзя согласиться с Ф. Т. Селюковым, отрицающим, что требование назначения ревизии является способом собирания доказательств по делу, поскольку, по его мнению, «использование следователем ревизоров для собирания через них доказательств является переложением на ревизоров своих функций, т. е. нарушением закона» («К вопросу об исследовании и следственном осмотре первичных бухгалтерских документов», «Вестник Московского университета» 1963 г. № 3, стр. 41). Автор при этом игнорирует то, что, требуя назначения ревизии и используя ее данные, следователь отнюдь не передает ревизорам свои процессуальные функции.

для данных органов, они не принадлежат ни одному другому субъекту доказывания¹.

Возложение всей полноты обязанности доказывания на суд, прокурора, следователя и орган дознания вытекает из основных принципов советского уголовного процесса, и прежде всего из публичности (официальности) советского уголовного процесса (ст. 3 Основ). В ней наиболее ярко выражен принцип социалистической законности, и проведение его в жизнь должно быть возложено в основном именно на суд и прокуратуру, а также на поднадзорные прокуратуре следственные органы, вся деятельность которых направлена на обеспечение строжайшего соблюдения законов.

Возложение всей полноты обязанности доказывания на судебно-прокурорские и следственные органы вытекает и из принципа полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 14 Основ), ибо только перечисленные органы в состоянии установить истину по делу. Наконец, это положение вытекает из принципа обеспечения права обвиняемого на защиту (ст. 111 Конституции СССР), так как лишь судебно-прокурорские и следственные органы, строго соблюдая уголовно-процессуальные нормы, могут обеспечить законные интересы обвиняемого.

Таким образом, возложение обязанности доказывания по делу на суд, прокурора, следователя и орган дознания имеет определенные основания, главным из которых является то, что только таким путем может быть обеспечено достижение истины по уголовному делу. Поэтому, с одной стороны, нельзя согласиться с С. А. Голунским, который писал, что указанное правило об обязанности доказывания действует в нашем уголовном процессе «просто потому, что таково прямое требование закона»². Он не усматривал воз-

¹ Право требовать проведения ревизии является исключительным правом судебно-следственных органов только в связи с уголовным делом, а не вообще. Право собирать доказательства путем истребования документов от учреждений, предприятий и организаций принадлежит в уголовном процессе также другим участникам его.

² С. А. Голунский, Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства, «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 137.

возможности обосновать это важное положение. С другой стороны, нельзя согласиться и с авторами, по мнению которых в основе правила об обязанности доказывания лежит презумпция невиновности¹.

Рассмотрим, как распределяется обязанность доказывания между судом, прокурором, следователем и дознавателем.

Статья 3 Основ подчеркивает, что суд и другие органы несут обязанности по возбуждению уголовного дела и дальнейшему проведению процесса доказывания «в пределах своей компетенции». Эти пределы определяются теми специфическими задачами, вытекающими из общих для названных субъектов задач доказывания, стоящих перед каждым из них в тех стадиях уголовного процесса, в которых они осуществляют свою деятельность.

II В стадии предварительного расследования обязанность доказывания возлагается соответственно либо на лицо, производящее дознание, либо на следователя и во всех случаях, кроме того, на прокурора. Для выполнения такой обязанности этим лицам предоставлены необходимые права.

I При производстве дознания обязанность доказывания несет орган дознания (ч. 1 ст. 118 УПК), причем оно различается в зависимости от того, действует ли орган дознания по делу, по которому обязательно предварительное следствие, или по делу, по которому предварительное следствие не обязательно (ч. 2 ст. 118 УПК).

В первом случае обязанность доказывания, возлагаемая на орган дознания, сводится к обнаружению преступления и лиц, его совершивших (ч. 1 ст. 118 УПК). Орган дознания выполняет ее в срок не более десяти суток (ст. 121 УПК) путем производства неотложных следственных действий — осмотра, обыска, выемки, освидетельствования, задержания и допроса по-

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 186.

О понятии и значении презумпции невиновности см. статью «Установление истины при прекращении производства уголовных дел и презумпция невиновности», «Труды Иркутского университета», XXXII, вып. 6, ч. I, 1963 г.

дозреваемых, допроса потерпевших и свидетелей (ч. 1 ст. 119 УПК)¹.

Если обязанность доказывания выполнена ранее десяти суток, орган дознания сразу же передает дело следователю. После этого он по поручению следователя обязан производить отдельные следственные и розыскные действия по делу. Если же в пределах десяти суток такая обязанность не выполнена, то дело также передается следователю, но орган дознания уже независимо от указания следователя обязан производить оперативно-розыскные действия для установления преступника, уведомляя следователя о результатах (чч. 3 и 4 ст. 119 УПК). При этом следователь не должен перелгать на органы дознания установление всех элементов предмета доказывания, например размера причиненного ущерба,отягчающих и смягчающих обстоятельств: это отвлекает органы дознания от выполнения их основной задачи.

По делам, по которым предварительное следствие не обязательно, орган дознания «возбуждает дело и принимает все предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» (ст. 120 УПК), т. е. в полной мере осуществляет обязанность доказывания по делу.

При производстве предварительного следствия установить все элементы предмета доказывания обязан следователь (ч. 1 ст. 127 УПК). Он может использовать орган дознания для производства (или содействия в производстве) отдельных следственных и оперативных действий (например, обыска, установления и задержания подозреваемого). Следователь вправе использовать и помощь следователя другого района, давая ему отдельные поручения (ч. 3 ст. 132 УПК).

В какой же мере обязанность доказывания при производстве предварительного расследования возлагается на прокурора?

¹ Указанный в ч. 1 ст. 119 УПК перечень следственных действий не является исчерпывающим: к последним могут быть отнесены также предъявление для опознания, следственный эксперимент и назначение экспертизы, поскольку их производство является неотложным.

В соответствии со ст. 17 Положения о прокурорском надзоре в СССР прокурор, осуществляя надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия, обязан, в частности, «принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось не раскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности». Таким образом, закон возлагает на прокурора обязанность доказывания по делам, подлежащим предварительному расследованию. Это подтверждается и тем, что в случае неполноты предварительного следствия и дознания, которая не может быть восполнена в судебном заседании, т. е. в случае невыполнения обязанности доказывания по делу на предварительном расследовании, суд возвращает дело прокурору (ст. ст. 232, 285 УПК)¹.

Обязанность доказывания по уголовному делу на предварительном расследовании прокурор выполняет, либо непосредственно принимая дело к своему производству (п. 3 ст. 19 Положения), либо поручая производство расследования следователю или органу дознания (если прокурор возбудил дело сам или получил для доследования из суда), либо, наконец, санкционируя производство расследования соответствующим органом, если последний самостоятельно возбудил дело и принял его к производству².

Осуществляя надзор за предварительным следствием и дознанием, прокурор выполняет обязанность доказывания путем дачи следователю или органу дознания указаний о проведении отдельных следственных действий, выявлении обстоятельств, собирании дополнительных доказательств, дополнительном расследовании и т. д.

При поступлении дела с обвинительным заключением от органа дознания или следователя прокурор

¹ И. М. Гальперин неправильно указывает, что при направлении дела на доследование суд, соблюдая правила подсудности, должен направлять его либо органам дознания, либо органам предварительного следствия («Направление судом уголовного дела на доследование», М., 1960, стр. 79—80).

Эту ошибку автора правильно отмечает в рецензии на указанную книгу В. М. Савицкий (см. «Советская юстиция» 1961 г. № 3, стр. 24—25).

² Поэтому закон не случайно обязывает следователя и орган дознания немедленно направлять прокурору копию постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 3 ст. 112 УПК).

в соответствии со ст. 213 УПК, наряду с другими вопросами, обязан проверить: имело ли место деяние, вменяемое обвиняемому; произведено ли дознание или предварительное следствие всесторонне, полно, объективно; обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами и др. Если он найдет, что не все обстоятельства, подлежащие доказыванию, выявлены или же недостаточно выявлены, дело возвращается для дополнительного расследования соответственно следователю или органу дознания¹.

Установленные ст. 30 Основ ограничения прав прокурора в части дачи обязательных для следователя указаний не препятствуют прокурору исполнять обязанности доказывания, так как хотя он и не вправе давать следователю обязательные для него указания о привлечении лица в качестве обвиняемого, прекращении дела, направлении его для предания обвиняемого суду и т. д., но все же он может либо прекратить дело или отменить постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, либо вернуть следователю направленное последним для предания обвиняемого суду дело с указанием о проведении дополнительных следственных действий².

После того как дело поступило от прокурора в суд, обязанность доказывания по делу возлагается на суд, и для исполнения ее ему предоставлены необходимые права. Содержание обязанностей доказывания у суда неодинаково в различных стадиях судопроизводства.

Так, в стадии предания суду судья (суд в распорядительном заседании) обязан оценить собран-

¹ Органу дознания дело возвращается для дополнительного расследования только по делам, по которым не обязательно предварительное следствие; по остальным делам недопустимо возвращать дела для «дополнительного дознания».

² Отдельные следователи неправильно понимают ст. 30 Основ. Так, следователь прокуратуры Нукутского р-на Иркутской обл. представил прокурору района законченное производством дело с обвинительным заключением по обвинению Т. в покушении на изнасилование. Прокурор не утвердил обвинительного заключения и предложил следователю допросить по делу еще трех свидетелей — очевидцев преступления. Следователь, не выполнив указания прокурора района, представил прокурору области письменные возражения. Прокурор области вернул дело следователю и обязал его выполнить указания районного прокурора, так как возражать против них следователь ни формально, ни по существу не имел права.

ные и исследованные по делу доказательства и решить вопрос о достаточности их для слушания дела в судебном заседании (п. 4 ст. 222 УПК).

Оценивая доказательства, судья (суд) не вправе предрешать вопрос о виновности обвиняемого (ст. 36 Основ). Однако он имеет право рассматривать и разрешать ходатайства участников процесса об истребовании дополнительных доказательств (ст. 223 УПК), истребовать их по своей инициативе, т. е. собирать доказательства. Это право судьи (суда) является и его обязанностью в том смысле, что он должен обеспечить надлежащую подготовку дела к слушанию его в судебном заседании.

В случае неполноты предварительного расследования, которая не может быть восполнена в судебном заседании, суд обязан вернуть дело прокурору для дополнительного расследования (ст. 232 УПК).

В стадии судебного разбирательства обязанность доказывания состоит главным образом в обязанности исследовать доказательства (при производстве судебного следствия) и оценить их.

В случае неполноты предварительного расследования суд при наличии к тому возможности обязан восполнить неполноту путем собирания дополнительных доказательств (вызов и допрос новых свидетелей, истребование и приобщение к делу новых документов и т. п. (ст. 276 УПК)¹. Если же ее восполнить в судебном заседании не представляется возможным, суд возвращает дело прокурору для дополнительного расследования (ст. 285 УПК).

При производстве дела в вышестоящем суде — в кассационной или надзорной инстанциях и при возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам обязанность доказывания заключается в основном в оценке доказательств по делу: оцениваются доказательства, как ранее собранные и исследованные в суде первой инстанции, так и дополнительно

¹ В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. отмечается, что «в практике отдельных судов имеются случаи, когда судебное разбирательство проводится без должной инициативы и активности в исследовании доказательств со стороны председательствующего и народных заседателей» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 3, стр. 4).

представленные (в кассационную инстанцию) участниками судебного разбирательства (ст. 337 УПК), а также доказательства, собранные и исследованные при возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. ст. 386—388 УПК).

Продолжает ли прокурор нести обязанность доказывания в различных стадиях судопроизводства? Такой вопрос возникает прежде всего применительно к стадии судебного разбирательства, в которой он участвует в качестве государственного обвинителя.

В соответствии со ст. 38 Основ обвинитель (имеется в виду государственный и общественный, а также потерпевший по делам частного обвинения), наряду с другими участниками судебного разбирательства, пользуется равными правами по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств. По смыслу ст. 3 и 14 Основ у государственного обвинителя эти права являются одновременно и его обязанностями, о чем более четко говорится в ст. 40 Основ: «Прокурор поддерживает перед судом государственное обвинение, принимает участие в исследовании доказательств...». Следовательно, в судебном разбирательстве он несет обязанность по представлению дополнительных доказательств (в случае необходимости), участвует в исследовании доказательств и их оценке, высказывая свои соображения суду о доказанности или недоказанности обвинения в речи. При недоказанности обвинения прокурор «обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа» (ст. 40 Основ).

Однако содержание обязанности доказывания у прокурора в судебном разбирательстве значительно уже, чем на предварительном следствии и дознании, и имеет вспомогательный характер по отношению к соответствующей обязанности суда. Кроме того, эту обязанность прокурор осуществляет лишь в случае участия его в судебном разбирательстве, которое обязательно для прокурора тогда, когда вынесено постановление судьи или определение суда (ст. 228 УПК). Это, конечно, не умаляет значения исполнения прокурором обязанности по доказыванию в судебном разбирательстве, поскольку таким путем он оказывает помощь суду, предупреждая, в частности, возможность необос-

нованного возвращения дела для дополнительного расследования.

Но основная обязанность доказывания (исследования и оценки доказательств по делу) в стадии судебного разбирательства возложена на суд. Последний не освобождается от нее даже тогда, когда прокурор не представил всех необходимых доказательств и не убедил суд в доказанности обстоятельств по делу, а также в случае отказа прокурора от обвинения. Если суд имеет возможность восполнить допущенные прокурором пробелы в доказывании, то обязан сделать это (ч. 4 ст. 248 УПК).

В стадии предания суду прокурор участвует в распорядительном заседании (ст. 224 УПК), куда дело вносится судьей в случае несогласия его с выводами обвинительного заключения, а также при необходимости изменить обвиняемому меру пресечения (ст. 36 Основ).

Задача прокурора здесь сводится к тому, чтобы обосновать, в частности, достаточность доказательств для предания обвиняемого суду.

Кассационным протестом и протестом в порядке надзора, а также заключением, даваемом в вышестоящем суде, прокурор способствует правильной оценке доказательств вышестоящим судом. Кроме того, в случае необходимости он вправе и обязан представить в вышестоящий суд дополнительные доказательства.

При возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам прокурор обязан доказать наличие новых обстоятельств и убедить вышестоящий суд в этом с целью отменить приговор по указанным обстоятельствам.

Таким образом, в последующих за предварительным расследованием стадиях процесса обязанность доказывания у прокурора сводится в основном к обязанности обосновывать обвинение, т. е. к логическому доказыванию, которое с процессуальной точки зрения является участием прокурора в оценке доказательств, производимой судом соответствующей инстанции. Сам же суд главным образом исследует и оценивает доказательства. Поскольку в итоге оценки доказательств суд приходит к определенному выводу (о достаточности доказательств для предания суду, о виновности или невиновности обвиняемого и т. д.), он должен обосновать

также этот вывод в мотивировочной части соответствующего процессуального акта. Такое обоснование — составная часть оценки доказательств судом¹

Отдельные авторы не считают суд субъектом доказывания. Так, Р. Д. Рахунов пишет: «Занимается ли доказыванием суд? Думается, что до удаления в совещательную комнату суд изыскивает, проверяет, исследует доказательства. Но это — не деятельность по доказыванию виновности или невиновности. Доказывание судом состоит в обосновании обвинительного или оправдательного приговора, большей или меньшей вины, применения того или другого уголовного закона»². Таким образом, Р. Д. Рахунов, на наш взгляд, во-первых, необоснованно исключает из понятия доказывания деятельность суда по собиранию и исследованию доказательств, во-вторых, признавая все же, что суд в определенной мере осуществляет доказательственную деятельность (обоснование обвинительного или оправдательного приговора), автор в то же время утверждает, что суд не является вообще субъектом доказывания³.

¹ Подробнее об этом см. § II гл. IV.

² Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 46.

³ В. Я. Вульф, рассматривая суд как субъект доказательственной деятельности, в то же время не считает его субъектом обязанности доказывания, что связано, по его мнению, с необходимостью различать понятие «доказывание» и «обязанности доказывания» («Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе», «Ученые записки ВЮОН», вып. 14, М., 1962, стр. 218).

Различать указанные понятия нужно, но это не дает основания для противопоставления суда как субъекта доказательственной деятельности и суда как субъекта обязанности доказывания.

Доказательственная деятельность, доказывание имеют в уголовном процессе строго правовой характер. Поэтому субъекты доказывания осуществляют ее в соответствии с их правами и обязанностями. Отсюда, если суд как субъект доказывания обязан производить собирание, исследование и оценку доказательств, то он, несомненно, выступает и как субъект обязанности доказывания. Далее В. Я. Вульф пишет: «Рассматривать суд как субъект обязанности доказывания, значит заранее установить, что лежит на обязанности суда: доказывание виновности или невиновности обвиняемого. Но в процессе собирания доказательств суд еще не формулирует никакого определенного тезиса о виновности или невиновности обвиняемого, который он должен обосновать» (там же). Такая постановка вопроса представляется неправильной. На обязанности суда лежит установление истины, а таковой может быть как виновность, так и невиновность обвиняемого.

Отрицание наличия обязанности доказывания у суда некоторыми авторами связано с необоснованным противопоставлением ими уголовно-процессуальных функций суда и прокурора, при котором прокурор только доказывает обвинение, а суд только разрешает дело. Между тем, при несомненном различии процессуальных функций названных органов нельзя не видеть единства их задач вообще (ср. ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве и ст. 2 Положения о прокурорском надзоре в СССР) и задач в уголовном процессе в частности (ст. 3 и 14 Основ уголовного судопроизводства)¹. Выполняют эти задачи указанные органы различными путями, но любой путь обязательно связан с доказательственной деятельностью, которую осуществляет каждый из органов в пределах своих полномочий в данной конкретной стадии уголовного процесса. Поэтому не случайно, говоря о собирании и исследовании доказательств (ст. 70 УПК), их оценке (ст. 17 Основ), закон предусматривает суд в числе органов, осуществляющих доказательственную деятельность².

Ко второй группе субъектов доказывания относятся обвиняемый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, представители интересов потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика (ст. ст. 21—26 Основ), а по УПК РСФСР еще подозреваемый (ст. 52) и переводчик (ст. 57), по

¹ Более правильным представляется говорить не о процессуальных функциях суда, прокурора и других органов, а об их процессуальной компетенции (М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 71—73). Понятие процессуальной компетенции имеет четкую нормативную основу (ст. 3 Основ и др.) и дает возможность более точно установить как особенности отдельных субъектов процесса, так и взаимосвязь между ними.

² М. А. Чельцов пишет: «Обязанность доказывания лежит одинаково на прокуроре, как на представителе органа охраны законности... и на суде, как на органе правосудия» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 127). К субъектам доказывания суд относит также и Ц. М. Каз («Доказательство в советском уголовном процессе», Саратов, 1960, стр. 38—39), и Э. С. Зеликсон (Распределение обязанности доказывания в советском уголовном процессе. Научная конференция по теме: «Вопросы применения новых кодексов союзных республик и задачи кодификации законодательства», Алма-Ата, 1962, стр. 70).

УПК Узбекской ССР также общественный обвинитель (ст. 35) и судебный секретарь (ст. 34)¹.

Какова же роль перечисленных субъектов в уголовно-процессуальном доказывании? В соответствии с наименованием указанных субъектов эту роль следует определить в основном как участие их в процессе доказывания, осуществляемого судебно-прокурорскими органами, причем это участие на различных этапах процесса доказывания может выражаться в разных формах. Так, при собирании доказательств судебно-следственными органами оно выражается прежде всего в форме представления доказательств. Это право закреплено за участниками процесса в общем виде в ч. 2 ст. 70 УПК и в статьях, устанавливающих процессуальное положение каждого участника процесса (ст. ст. 21—28 Основ). Конкретным выражением представления доказательств может быть предъявление находящихся у обвиняемого, потерпевшего и других участников процесса предметов и документов, имеющих значение для дела (похищенные вещи, орудия преступления, находящиеся у обвиняемого, и т. п.). Они могут оказаться в распоряжении участников процесса либо в связи с самим событием преступления, либо случайно, либо получены по просьбе участников процесса от соответствующих организаций и лиц. Представляя доказа-

¹ В Основах и в УПК союзных республик круг участников процесса определен недостаточно четко. Так, заглавие ст. 18 Основ («Отвод судьи, прокурора и других участников процесса») дает основание отдельным авторам отнести к кругу участников процесса судебно-прокурорские органы, а также секретаря судебного заседания, переводчика и эксперта (Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 9—10), хотя раздел II Основ («Участники процесса, их права и обязанности») не упоминает об этих лицах и органах. Переводчика и судебного секретаря относят к числу участников процесса УПК РСФСР и Узбекской ССР. Учитывая характер и объем полномочий судебно-прокурорских органов, а также секретаря, переводчика и эксперта, представляется неоправданным относить их к числу участников процесса. Не случайно поэтому УПК союзных республик не включают указанных субъектов (кроме переводчика и секретаря — в УПК РСФСР и Узбекской ССР) в главу о правах и обязанностях участников процесса. С другой стороны, в круг последних должны быть включены, на наш взгляд, подозреваемый, общественный обвинитель и общественный защитник, а также представитель обвиняемого, что частично сделали отдельные УПК союзных республик.

тельства органам уголовного преследования, обвиняемый и другие субъекты участвуют, таким образом, в собирании доказательств этими органами. При этом сами они не вправе путем производства следственных действий собирать доказательства, а также истребовать их от организаций и лиц. Однако последнее правило нельзя рассматривать как запрещение участникам процесса потребовать нужные им документы от учреждения, где они работали (характеристики, справки и т. п.), поскольку это вправе сделать любой гражданин.

Адвокаты, выступая в качестве защитников обвиняемых или представителей интересов потерпевших в уголовном процессе, могут запросить из государственных и общественных организаций и учреждений необходимые им документы (справки, характеристики и др.) через соответствующую юридическую консультацию¹ (ст. 26 Положения об адвокатуре РСФСР).

Несут ли участники процесса обязанность по представлению доказательств? На поставленный вопрос следует ответить положительно, оговорив, однако, что: а) речь идет только о доказательствах, имеющих в распоряжении участников процесса, и б) такая обязанность возникает лишь при наличии требования об этом со стороны судебно-следственных органов.

Основанием для положительного решения данного

¹ В практике встречаются случаи, когда участники процесса совершают правомерные действия, направленные на получение ими доказательств, которые, однако, в силу их внешнего сходства со следственными действиями, неправильно рассматриваются как таковые.

Так, Судебная коллегия Верховного Суда Латвийской ССР частным определением от 24 января 1958 г. по делу Р. отметила «нарушение закона» адвокатом Б. Последний, предъявив в суд первой инстанции четыре фотоснимка местности, в районе которой было совершено преступление, по мнению Судебной коллегии, выполнил не свойственную ему функцию, входящую в компетенцию следователя, а народный суд неправильно удовлетворил ходатайство адвоката о приобщении указанных снимков к делу. Отменяя это определение, Президиум Верховного Суда Латвийской ССР в постановлении от 3 февраля 1959 г. указал: «Ходатайство адвоката о приобщении к делу упомянутых фотоснимков нет основания рассматривать как осуществление действий, входящих в компетенцию следователя, так как фотоснимки не представляют процессуального акта осмотра места происшествия» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1953 г. № 5, стр. 34—35).

вопроса при указанных условиях является ч. 1 ст. 70 УПК, согласно которой судебные органы вправе истребовать вещи и документы, имеющие значение для дела, от организаций и граждан. К числу последних относятся и участники процесса. Это вытекает, в частности, из ст. 54 УПК, которая гласит: «Гражданский истец обязан по требованию суда представлять имеющиеся в его распоряжении документы, связанные с предъявленным иском». По смыслу ч. 1 ст. 70 УПК аналогичную обязанность, на наш взгляд, должны нести и остальные участники процесса.

Субъекты второй группы участвуют в собирании доказательств также путем заявления ими ходатайств о собирании доказательств на предварительном следствии и дознании (ст. 131 УПК), в стадии предания суду (ст. 293 УПК) и судебном разбирательстве (ст. 276 УПК). При этом следователь или суд обязательно удовлетворяют указанные ходатайства, если обстоятельства, которые должны быть установлены такими доказательствами, имеют значение для дела.

Участники процесса вправе принимать участие в исследовании доказательств. Данное положение относится прежде всего к судебному разбирательству и применительно к нему четко сформулировано в ст. 38 Основ. Это право выражается в том, что участники процесса (они же — участники судебного разбирательства) в судебном следствии вправе принимать участие в допросах подсудимых, потерпевших, свидетелей, в постановке вопросов экспертам и допросе последних, в осмотре вещественных доказательств, местности и помещения (ст. ст. 280, 283, 287—289, 291—293 УПК). Это право участников процесса в несколько меньшем объеме существует и на предварительном следствии.

Так, согласно ст. 51 УПК защитник вправе с разрешения следователя присутствовать при допросах обвиняемого и производстве других следственных действий, выполняемых по его ходатайству или по ходатайству его подзащитного.

Большими правами пользуется обвиняемый при назначении и производстве экспертизы (ст. 185 УПК). Обвиняемый, подозреваемый и потерпевший с разрешения следователя вправе участвовать в производстве следственного эксперимента (ст. 183 УПК).

Общего правила о правах участников процесса по участию в исследовании доказательств на предварительном следствии УПК не содержит. Участники процесса вправе лишь заявить ходатайство об исследовании доказательств путем производства экспертизы и других следственных действий (ст. 171 УПК)¹.

Несут ли участники процесса обязанности по исследованию доказательств? Применительно к стадии судебного разбирательства на поставленный вопрос следует ответить отрицательно. Участники процесса в суде могут принять лишь участие в исследовании доказательств. На предварительном расследовании следователь (орган дознания) вправе привлечь подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего к участию в производстве осмотра (ст. 179 УПК).

Участники процесса, наконец, могут принимать участие в оценке доказательств, производимой субъектами первой группы. Это участие выражается в правах участников процесса на предварительном следствии и дознании заявлять ходатайства о дополнении расследования в ходе ознакомления со всеми материалами дела по окончании следствия и дознания², а в суде высказывать мнение о доказанности обвинения в судебных прениях.

Высказанные мнения о доказанности обвинения способствуют правильному формированию внутреннего убеждения у следователя, суда и других органов, от которых непосредственно зависит разрешение дела. Участие в оценке доказательств — право, а не обязанность участников процесса.

Итак, субъекты второй группы в основном имеют права по участию в уголовно-процессуальном доказывании. Обязанности по участию в доказывании они имеют лишь в случаях, когда судебно-следственные органы требуют имеющиеся у них доказательства или привлекают их к участию в следственных действиях по исследованию доказательств. Благодаря этому участники

¹ В этой статье говорится о ходатайствах произвести следственные действия по собиранию доказательств, однако эти следственные действия могут быть направлены и на исследование доказательств.

² По окончании дознания такое право имеет только обвиняемый

процесса, имея возможность защищать свои законные интересы или интересы других участников процесса, в то же время не несут всей полноты обязанности доказывания (в смысле объема и содержания доказывания). Такую обязанность они в силу отсутствия у большинства из них соответствующей подготовки, а также и других необходимых условий, практически и не смогли бы осуществить. Поэтому закон не только не возлагает на них всю полноту обязанности доказывания, но и запрещает субъектам первой группы перелгать ее на участников процесса. Часть 2 ст. 14 Основ устанавливает: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого». Этим подчеркивается важность недопущения перелгания этой обязанности на участника процесса, против которого ведется уголовное преследование. Это одно из важных выражений подлинного социалистического демократизма советского уголовного процесса, нормы которого ограждают интересы гражданина от необоснованного их ущемления.

В буржуазном процессе, в частности английском, на обвиняемого может переходить обязанность доказывания утверждений, выдвигаемых им в свою защиту¹. Такое антидемократическое правило пытался перенести в советский уголовный процесс А. Я. Вышинский. Последний утверждал, что доказывание обстоятельств, опровергающих обвинение, входит в обязанность обвиняемого. Указанная порочная «концепция», имевшая целью оправдать произвол в судебно-следственной практике в период культа личности, одновременно была следствием неправильной установки А. Я. Вышинского на «цивилизацию» уголовного процесса. Так, он писал, что в советском гражданском процессуальном праве вопрос о тяжести доказывания решается в основном аналогично правилам уголовного судопроизводства, и что между теми и другими правилами принципиальной разницы нет. Однако правило об обязанности доказывания в гражданском процессе, исходящее из принципов диспозитивности и равноправия сторон и возлагающее обязанность доказывания на каждую сторону — истца и ответчика (ст. 118 ГПК), принципиально отлично от со-

¹ А. Уилшер, Уголовный процесс, М., 1947, стр. 150.

ответствующего правила в уголовном процессе, исходящего из принципов публичности (официальности) уголовного процесса, полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, а также обеспечения обвиняемому права на защиту.

В нашей литературе порочная трактовка А. Я. Вышинским вопроса об обязанности доказывания была подвергнута критике. Однако и после этого ее продолжали развивать некоторые авторы. Так, Н. Н. Полянский писал: «Может ли обвинитель — прокурор проверять каждое бездоказательное утверждение обвиняемого, например, утверждение, что он стрелял в потерпевшего, находясь в состоянии необходимой обороны? Не должен ли в этом случае обвиняемый назвать какое-либо доказательство своего утверждения, которое могло бы быть проверено?»¹. Очевидно, что на первый вопрос, вопреки мнению автора, следует ответить положительно, а на второй — отрицательно. Действительно, прокурор обязан проверить заявление обвиняемого о том, что он стрелял, находясь в состоянии необходимой обороны, даже если обвиняемый не привел никаких доказательств. Обвиняемый же, со своей стороны, не обязан даже ссылаться на источники доказательств. Обвиняемый, бесспорно, заинтересован в последнем, и ему следует разъяснить, что в его интересах назвать известные ему источники доказательств (указать на свидетелей и т. п.). Однако, если он все же почему-либо не делает этого, следственные органы обязаны принять все необходимые меры к проверке и установлению наличия или отсутствия этого обстоятельства (необходимой обороны). Любая позиция обвиняемого во всяком случае не должна привести к тому, что обвинение его окажется «доказанным» без достаточных к тому данных.

Вопрос о переходе обязанности доказывания, как нам представляется, должен рассматриваться не только применительно к обвиняемому, но и в отношении других участников процесса, в частности подозреваемого, на которого недопустимо переложить обязанность доказывания, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

¹ Н. Н. Полянский, Очерки развития советской науки уголовного процесса, М., 1960, стр. 98.

Известно, что потерпевший был признан участником процесса только в 1958 году. Предоставив потерпевшему права участника процесса, неправильно было бы перелagать на него, хотя бы частично, обязанность доказывания (кроме обязанности по представлению доказательств, имеющихс я у него). Такую ошибку иногда допускают органы милиции, отказывая в возбуждении уголовного дела по заявлениям потерпевших о совершенных на них разбойных нападениях по тем мотивам, что потерпевшие не смогли указать личности обвиняемых¹.

Нельзя перелagать, на наш взгляд, на потерпевшего обязанность доказывания по делам, предусмотренным ч. 1 ст. 27 УПК (делам «частного обвинения»). Однако по этому вопросу нет единого мнения в литературе, не одинаково решается он и на практике, в связи с чем представляется необходимым остановиться на нем подробнее.

По мнению В. Божьева, «особенностью дел частного обвинения является то, что обязанность доказывания возлагается на потерпевшего, и органы расследования не обязаны оказывать ему в этом помощь, кроме тех случаев, когда прокурор возбуждает дело и оно по существу превращается в дело публичного обвинения»².

Представляется, что с таким взглядом согласиться нельзя, поскольку он противоречит ст. 14 Основ. Последняя возлагает обязанность доказывания в целом исключительно на судебнo-следственные органы, а не на участников процесса. Особенности возбуждения дел «частного» обвинения и особое положение потерпевших по этим делам (как обвинителей) не дает основания перелagать на последних обязанность доказывания. Подобная обязанность в соответствии с законом должна быть возложена по указанным делам на судью, к которому потерпевший обратился с заявлением и который обязан принять необходимые меры к получению доказательств по делу, если потерпевший не представил их. Судья, в частности, вправе потребовать от потерпевшего представления имеющихс я у последнего документов

¹ См. В. Божьев, Особенности рассмотрения дел частного обвинения, «Советская юстиция» 1961 г. № 12, стр. 3.

² Там же.

(например, письма, содержащего оскорбление), поручить органам дознания и предварительного следствия провести расследование дела, возбужденного им по заявлению потерпевшего (п. 3 ст. 115 УПК), если сам он не может собрать необходимые доказательства, т. е. возложить на них частично обязанность доказывания по делу.

Конечно, нельзя отрицать того, что специфика дел частного обвинения может затруднить, а в ряде случаев даже исключить возможность собирания доказательств по этим делам следственными органами и судом, в связи с чем можно говорить о фактической заинтересованности потерпевшего в представлении доказательств обвинения, однако возлагать на него юридическую обязанность доказывания неправомерно.

Аналогичным образом невозможно переложить обязанность доказывания по уголовному делу в части, касающейся гражданского иска, на гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

В гражданском процессе на каждую из названных сторон закон возлагает такую обязанность (ст. 18 Основ гражданского судопроизводства), не освобождая при этом от нее и суд (ст. 16 Основ). Иное положение существует в уголовном процессе. Статья 29 УПК устанавливает: «Доказывание гражданского иска, предъявленного по уголовному делу, производится по правилам, установленным настоящим Кодексом». Это подчеркивает недопустимость перенесения в уголовный процесс правил доказывания, установленных в гражданском процессе.

Одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, является «характер и размер ущерба, причиненного преступлением», т. е. обстоятельства, являющиеся основанием гражданского иска в уголовном процессе. Обязанность установления этих и других обстоятельств возложена на судебные следственные органы, которые, таким образом, несут обязанность по доказыванию гражданского иска и не вправе переложить ее на гражданского истца, ответчика и их представителей¹.

¹ В уголовном процессе суд вправе разрешить вопрос о возмещении материального ущерба от преступления даже без предъ-

Нельзя согласиться с утверждением И. Д. Перлова о том, что гражданский истец в уголовном процессе обязан доказать основание и размер своего иска, причем он не может переложить ее (обязанность доказывания.— В. А.) на плечи государственного обвинителя¹. Конечно, гражданский истец более чем кто-либо иной заинтересован в представлении доказательств, подтверждающих иск. Более того, согласно ст. 54 УПК он обязан по требованию суда (и следственных органов) «представлять имеющиеся в его распоряжении документы, связанные с предъявленным иском». Однако это не освобождает суд и других субъектов первой группы от обязанности доказывания обстоятельств, связанных с гражданским иском.

К чему приводит несоблюдение данного положения на практике, видно из следующего примера. И. был осужден народным судом за хулиганские действия и нанесение умышленных легких телесных повреждений гр-ке П. Потерпевшая подала в областной суд кассационную жалобу. В ней П. просила отменить приговор ввиду мягкости наказания, а также ввиду того, что народный суд не рассмотрел вопрос о возмещении ей материального ущерба от временной потери трудоспособности, вызванной причиненными побоями.

Областной суд оставил приговор в силе, а жалобу без удовлетворения, указав в определении, что наказание обвиняемому назначено соразмерно судейному, а что касается возмещения материального ущерба потерпевшей, то «заявления она об этом с предъявлением к нему соответствующих доказательств в суд не подавала, поэтому данный вопрос не разрешен в порядке уголовного судопроизводства»².

Таким образом, по данному делу обязанность доказывания (представления доказательств) суд прямо возложил на гражданского истца, серьезно ущемив интересы П.³.

явления гражданского иска (ст. 29 УПК), что немисливо без установления им самим, по своей инициативе, оснований иска.

¹ См. И. Д. Перлов, Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе, М., 1957, стр. 181.

² «Архив Иркутского областного суда» за 1960 г.

³ На обязанность доказывания судом и другими органами гражданского иска правильно указывает П. П. Гуреев («Гражданский иск в уголовном процессе», М., 1961, стр. 55—59).

Итак, на участников процесса недопустимо возлагать всю полноту обязанности доказывания, хотя это и не исключает наличия у них отдельных обязанностей по представлению доказательств¹.

Некоторую особенность в этом отношении имеет процессуальное положение защитника. Он в соответствии со ст. 51 УПК обязан «использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность...».

Таким образом, закон обязывает защитника участвовать в процессе доказывания и производить в пределах его прав действия, направленные на представление доказательств в пользу его подзащитного, а также на участие в исследовании и оценке доказательств. В частности, в судебных прениях защитник приводит суду доводы в зависимости от конкретных обстоятельств дела либо в полной или частичной недоказанности вины обвиняемого, либо в доказанности его невиновности, а также в доказанности смягчающих или устраняющих вину обстоятельств и т. п. И. Д. Перлов правильно указывает: «Из того, что подсудимый не обязан доказывать свою невиновность, вовсе не вытекает, что и защитник свободен от обязанности доказывать правильность своих утверждений»².

Возложение на защитника обязанности доказывания не противоречит ст. 14 Основ, возлагающей такую обязанность на судебно-прокурорские органы. Последние должны провести доказывание в полном объеме и установить все необходимые для разрешения дела обстоятельства. Защитник же обязан провести доказы-

¹ Нельзя согласиться с Ц. М. Каз, утверждающей, что на обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика вообще не возлагается обязанность доказывания. «От желаний этих участников процесса,— пишет она,— зависит представление или непредставление тех или иных доказательств. Закон не обязывает их представлять доказательства» («Доказательства в советском уголовном процессе», Саратов, 1960, стр. 39). Это утверждение противоречит ч. 1 ст. 70 УПК, а в отношении гражданского истца и ст. 54 УПК, возлагающих на участников процесса в определенных случаях обязанность представления доказательств.

² И. Д. Перлов, Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе, М., 1957, стр. 104.

вание лишь в объеме компетенции участника процесса, а по содержанию его обязанность доказывания касается лишь обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его вину¹.

Невыполнение защитником обязанности по доказыванию может повлечь отказ обвиняемого от него, а в отношении адвоката и применение к нему дисциплинарных мер. Но это ни в коем случае не должно предопределить ухудшение положения обвиняемого, ибо оно не снимает с судебно-прокурорских органов всей полноты обязанности доказывания по делу, в том числе и доказывания обстоятельств, говорящих в пользу обвиняемого².

Защитник обязан осуществлять доказывание не только законными средствами, но и делать это по поводу законных интересов своего подзащитного. Таким образом, защитник не вправе, на наш взгляд, вслед за своим подзащитным пытаться убедить суд в недоказанности обвинения, если он сам считает его доказанным, ибо он содействовал бы этим защите незаконных попыток обвиняемого уклониться от ответственности. Поэтому нельзя согласиться с М. С. Строговичем, который рекомендует в данном случае защитнику не признавать обвинение доказанным, а пытаться всячески поставить его полностью или частично под сомнение³.

¹ М. А. Чельцов правильно указывает, что «Основы считают субъектом обязанности доказывания и защитника. Но так как защитник выполняет лишь функцию процессуальной охраны интересов обвиняемого, то его обязанность доказывания имеет гораздо более узкий предел» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 1128).

² В. Я. Вульф, отрицая роль защитника как субъекта обязанности доказывания, утверждает, что в указанном случае «невыполнение им этой обязанности должно повлечь за собой неблагоприятные последствия для обвиняемого» («Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе», «Ученые записки ВИЮН», вып. 14, М., 1962, стр. 231).

Между тем такое последствие невыполнения защитником обязанности доказывания в нашем уголовном процессе необязательно может иметь место, так же как невыполнение обязанности доказывания прокурором не предопределяет оправдания подсудимого.

³ М. С. Строгович, Процессуальное положение адвоката в советском уголовном процессе («Социалистическая законность» 1959 г. № 3, стр. 29).

К субъектам доказывания второй группы относятся также представители общественности — общественные обвинители и общественные защитники. Последние, участвуя лишь в судебном разбирательстве, имеют тот же объем процессуальных прав по доказыванию, что и остальные участники процесса (ст. 38 Основ), и не несут процессуальных обязанностей по доказыванию в целом.

Таким образом, участники процесса играют немало-важную роль в процессе доказывания, активно участвуя в собирании, исследовании и оценке доказательств, производимом судебно-следственными органами, а также представляя последним отдельные доказательства. Поэтому нельзя согласиться с авторами, относящими к субъектам доказывания только следственно-прокурорские и судебные органы, необоснованно исключая из числа этих субъектов других участников процесса¹.

К третьей группе субъектов доказывания может относиться любой гражданин, должностное лицо, организация, учреждение, предприятие (ч. 2 ст. 70 УПК). Они вправе представить доказательства (находящиеся у них предметы и документы) субъектам первой группы, а также обязаны сделать это, если субъекты первой группы потребовали у них соответствующие доказательства (чч. 1 и 2 ст. 70 УПК). Этим и ограничивается участие субъектов третьей группы в процессе доказывания — они не вправе заявлять ходатайства о собирании и истребовании доказательств², участвовать в проверке и оценке доказательств. Такое ограничение прав указанных субъектов в процессе доказывания не умаляет их значения, ибо именно в их лице непосредственно участвует в этом процессе общественность³.

¹ См. «Государственный обвинитель в советском суде», М., 1954, стр. 124.

² Отсюда нельзя согласиться, по нашему мнению, с авторами «Комментария к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 г.» (изд. ЛГУ, 1962), утверждающими, что указанные лица имеют право ходатайствовать перед соответствующими органами о собирании доказательств (стр. 30). Такое право указанных лиц законом не предусмотрено и из закона не вытекает.

³ Представители общественности, как уже говорилось, могут участвовать в процессе доказывания и в качестве субъектов второй группы.

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик закрепили обязанность следственных органов широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений и розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 128 УПК). На исключительно важное значение развития самодеятельности общественных организаций во всех областях хозяйственного и культурного строительства как на необходимое условие перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление указано в Программе Коммунистической партии Советского Союза. Это в полной мере относится к деятельности общественных организаций (народных дружин, товарищеских судов и др.) по обеспечению охраны общественного порядка, оказанию помощи судебным-следственным органам в борьбе с преступностью. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, как общественные организации и отдельные граждане, представляя доказательства (предметы, документы) следственным органам, помогают им раскрыть преступления и изобличать преступников¹.

На субъектов третьей группы кроме обязанности представлять имеющиеся в их распоряжении доказательства недопустимо возлагать какие-либо иные обязанности по доказыванию. На данном этапе борьбы с преступностью главная роль принадлежит еще государственным органам. Поэтому всемерно используя помощь общественности в раскрытии преступлений и изобличении преступников, следственные органы не вправе перекладывать на нее свои обязанности.

**
*

В заключении главы остановимся на постановке в нашей литературе вопроса об обязанности доказыва-

¹ При расследовании дела о хищении товаров из магазина РПС в одном из таежных совхозов Якутии большую роль сыграли представленные следственным органам группой местных жителей вещественные доказательства по делу: обнаруженные ими четыре куска снега со следами унт, паспорта наручных часов, ряд этикеток от товаров, два новых детских пальто и мужской шарф («Социалистическая законность» 1962 г. № 10 стр. 73).

ния. Он, на наш взгляд, может быть правильно решен только при условии, если предварительно четко будет выяснено содержание понятия доказывания и понятие субъектов доказывания, а следовательно и круг этих субъектов.

А. Я. Вышинский неправильно ставил данный вопрос. Не раскрыв содержания понятия доказывания, не выяснив круга его субъектов, он вопрос об обязанности доказывания свел к пресловутому «общему принципу» доказывания, согласно которому «доказывать должен тот, кто является автором положения, требующего доказательства» (*actori incumbit onus probandi*). Исходя из этого, А. Я. Вышинский и утверждал, что в уголовном процессе доказывание обстоятельств, подтверждающих обвинение, входит в обязанность обвинителя, а доказывание обстоятельств, опровергающих обвинение, — в обязанность обвиняемого.

Ранее уже отмечалась порочность приведенного утверждения, как противоречащего праву обвиняемого на защиту. Но оно порочно и по самой постановке вопроса об обязанности доказывания. Действительно, у А. Я. Вышинского в доказывании по уголовному делу участвуют два субъекта — обвинитель и обвиняемый. Все остальные субъекты (суд, потерпевший и др.) из процесса доказывания выпадают. Само доказывание сводится лишь к обоснованию (или опровержению) обвинительного тезиса. Вся же многообразная деятельность по собиранию, исследованию и оценке доказательств оказывается за пределами понятия доказывания. Наконец, предмет доказывания при такой постановке вопроса ограничивается лишь виновностью или невиновностью обвиняемого, и из него выпадают остальные элементы (время, место и другие обстоятельства преступления, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и т. п.).

Такая порочная постановка вопроса об обязанности доказывания, к сожалению, воспринятая в нашей литературе рядом авторов, явилась результатом механического перенесения А. Я. Вышинским в советскую процессуальную теорию конструкции английского уголовного процесса. В последнем основная тяжесть (бремя) доказывания лежит на сторонах, которые обязаны доказать правильность своих утверждений. Как известно,

такое построение процесса приводит к тому, что дело либо «выигрывает» обвинение, либо — защита, а истина далеко не всегда устанавливается. Совершенно очевидно, что такая конструкция неприемлема для нашего процесса, где суд и прокурор осуществляют доказательственную деятельность в направлении установления истины. Прокурор не обвиняет в нашем процессе ради самого обвинения, так же как и адвокат, защищая подсудимого, не вправе препятствовать установлению истины по делу.

Уголовно-процессуальные доказательства и их источники

§ 1. Понятие уголовно-процессуальных доказательств

Рассматривая сущность уголовно-процессуального доказывания, среди прочих отличительных признаков мы отмечаем использование для установления истины не только логических форм, но и информации об определенных фактах¹. Формально-логический путь познания неизвестных фактов связан с построением и проверкой гипотез (версий) о них на основе уже известных фактов. Информационный путь познания неизвестных фактов связан в основном с содержательной стороной процесса мышления. Он может выступать как самостоятельный путь познания искомых фактических обстоятельств дела (получение информации от свиде-

¹ В настоящее время информация является особым предметом кибернетики (теории информации), которая понимает ее весьма широко. «К информации,— пишет И. П. Блох,— относятся все сведения, полученные человеком из внешнего мира при помощи органов зрения, слуха, осязания, обоняния». («Основные понятия теории информации», Л., 1959, стр. 4).

Таким образом, с точки зрения кибернетики информация имеет место как при непосредственном, так и при опосредствованном познании. Сведения, образующие информацию, могут выступать при этом как определенные данные (например, сообщение лиц, документы), так и предположения (гипотезы).

Используя здесь и в дальнейшем понятия теории информации для раскрытия природы уголовно-процессуальных доказательств, мы будем иметь в виду информацию в узком смысле слова, т. е. как сведения о фактах, содержащиеся в показаниях лиц и документах. В таком понимании информация связана только с опосредствованным познанием фактов путем получения определенных сведений о них из соответствующих источников. О такой информации в математической литературе иногда говорят как о «смысловой информации» (А. М. Яглом и И. М. Яглом, «Вероятность и информация», М., 1960, стр. 20).

телей из документов о фактах преступления), так и в сочетании с гипотетическим путем (получение информации о различных побочных фактах, связанных с преступлением, дает основание построить версию о нем).

Оба указанных пути опосредствованного познания неизвестных фактов имеют значение для правильного уяснения сущности уголовно-процессуальных доказательств.

Закон (ч. 1 ст. 16 Основ) устанавливает: «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела». Таким образом, уголовно-процессуальные доказательства — это фактические данные, т. е. факты, обстоятельства, существующие вне нас и независимо от нас¹. Доказательствами они могут стать прежде всего лишь постольку, поскольку известны судебным органам, а таковыми они становятся в силу их непосредственного или опосредствованного познания.

Непосредственно воспринимаются факты, существующие в момент их восприятия, например, обстановка на месте происшествия, которую наблюдает следователь непосредственно и отдельные элементы которой в дальнейшем также может наблюдать суд (ст. 293 УПК); наличие у обвиняемого предметов, наблюдаемое при обыске лицами, его производящими (следователем, органом дознания); пребывание обвиняемого на месте происшествия после преступления, непосредственно воспринимаемое следователем (органом дознания) при задержании обвиняемого. Однако круг обстоятельств, которые субъекты доказывания могут

¹ См. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 132. Следует согласиться также с М. С. Строговичем, что нет принципиальной разницы между понятием «факт» и «обстоятельство» («Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 264—265).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство использует термин «обстоятельство» как в смысле фактов, подлежащих установлению по делу (ст. 15 Основ), так и в смысле доказательств, подлежащих оценке (ст. 17 Основ).

воспринять непосредственно, узок и ограничивается в основном перечисленными фактами, имеющими протяженность во времени, «фактами-состояниями».

Правда, в отдельных случаях ими могут быть и факты-события, искусственно воспроизведенные в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства с целью использовать их затем в качестве доказательств по делу.

Так, в результате проведенного следственного (судебного) эксперимента следователь (суд) устанавливает, что в отверстие, проделанное в стене магазина, мог (или не мог) проникнуть взрослый человек (или подросток).

Результат следственного (судебного) эксперимента будет фактом-доказательством по делу, непосредственно воспринятым следователем (судом). То же наблюдается при предъявлении для опознания, когда опознание, или, иначе говоря, идентификация лица или предмета по его отображению в памяти опознающего, также будет относиться к фактам, событиям, воспринимаемым непосредственно следователем (судом). Сюда относится и указание обвиняемым места совершения преступления или сокрытия похищенных вещей, орудий преступления и т. д.

Однако большинство фактов, могущих служить доказательствами по делу (определенные события, действия), лежат в прошлом по отношению к моменту, когда возникает необходимость использовать их как доказательство. Например, по делу об убийстве в качестве доказательств выступают иногда такие данные, как ссора обвиняемого с потерпевшим, побег обвиняемого с места, где был обнаружен труп. Подобные факты нельзя воспринять непосредственно в момент расследования преступления, а возможно установить лишь опосредствованно, т. е. доказать их. Поэтому ч. 2 ст. 16 Основ гласит: «Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

В частности, ссору обвиняемого с потерпевшим можно установить показаниями потерпевшего и обви-

няемого, побег обвиняемого с места происшествия — показаниями свидетеля, пребывание обвиняемого на месте происшествия — вещественными доказательствами (оставленными им следами ног, рук), заключением эксперта и т. д.

Когда же фактические данные относятся к настоящему времени, их в принципе можно установить непосредственно, т. е. без помощи показаний, протоколов и других средств. Но в целях процессуального закрепления результатов непосредственного восприятия их все же фиксируют в протоколах и из них в дальнейшем устанавливают соответствующие данные. Так, результат следственного эксперимента следовательно наблюдает непосредственно, но, будучи зафиксирован, этот результат может быть в дальнейшем установлен из протокола¹.

В ст. 16 Основ говорится дважды об «установлении» (доказывании): в части первой применительно к фак-

¹ Установление доказательственных фактов настоящего времени протоколами не дает основания считать, что такие факты вообще устанавливаются протоколами. В этом отношении получение доказательственных фактов настоящего времени аналогично получению средств доказывания — показаний свидетелей и других. Последние, как известно, воспринимаются непосредственно, и в законе не говорится, что они устанавливаются протоколами, но будучи восприняты непосредственно, они фиксируются в протоколах (в протоколах допроса, осмотра и др.) и могут устанавливаться с помощью их. Правда, такое установление, как нарушающее принцип непосредственности (ст. 37 Основ), допускается в суде лишь в строго определенных законом случаях (ст. 286 УПК). Отсюда, подобно тому, как фиксация средств доказывания в протоколах и возможность их последующего установления протоколами не исключает вообще их непосредственного восприятия, фиксация в протоколах доказательственных фактов настоящего времени не исключает их непосредственного установления. Например, суд вправе, не ограничившись ознакомлением с протоколом, произвести тот же эксперимент и т. д. Вот почему нельзя согласиться с утверждением М. А. Чельцова о том, что «фактов, как доказательств по уголовному делу, не существует вне какого-либо средства доказывания (источника), к которому обращаются следователь, прокурор и суд в ходе доказывания» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 134).

Факты настоящего времени чаще всего устанавливают непосредственно не фактические обстоятельства дела, а другие, подобные факты, выступающие как доказательства, например факт опознания — факт пребывания обвиняемого на месте происшествия. Однако это не исключает их доказательственного значения, как и средств доказывания, о чем будет указано далее.

тическим обстоятельствам дела, предмету доказывания, и в части второй — в отношении фактических данных, доказательств. В первом случае доказывание осуществляется путем построения гипотез на основе установленных фактических данных об обстоятельствах предмета доказывания, во втором — в основном информационным путем, т. е. с помощью сведений о подлежащих установлению обстоятельствах, содержащихся в показаниях, заключениях, документах.

Таким образом, если предусмотренные ч. 1 ст. 16 Основ фактические данные служат доказательствами фактических обстоятельств дела, то предусмотренные ч. 2 ст. 16 Основ средства являются доказательствами самих фактических данных, т. е. «доказательствами доказательств» (отсюда название одного из этих средств — «вещественные доказательства»). В теории первую группу доказательств обозначают «доказательственные факты», вторую — «средства доказывания».

Таково понятие доказательств на основе буквального анализа ст. 16 Основ, которым мы не можем ограничиться. Чтобы выяснить истинную природу уголовно-процессуальных доказательств и дать научное толкование ст. 16 Основ, необходимо глубже исследовать сущность доказательственных фактов и средств доказывания, установить их правильное соотношение между собой и с обстоятельствами дела, подлежащими доказыванию.

Для этого прежде всего сравним факты прошлого и настоящего. При сравнении нетрудно заметить, что если события настоящего времени мы устанавливаем как реальные факты — видим их, слышим и т. д., то события прошлого — лишь в виде сведений или предположений (версий) об этих фактах.

Так, при следственном эксперименте мы непосредственно наблюдаем его результат, например видим, что через отверстие в стене склада не могли проникнуть лица, которые пытались сделать это в ходе эксперимента. На основе данных реального факта настоящего времени мы можем представить факт прошлого, а именно как материально ответственное лицо взламывало стены склада с целью симуляции кражи. Об указанном же факте прошлого мы можем получить сведения, информацию от сознавшегося обвиняемого. Таки-

ми же версиями и сведениями о фактах будут по существу и фактические обстоятельства дела, искомые факты. Процесс установления фактов прошлого посредством сведений и версий (информационным и гипотетическим путем) представляет проверку достоверности данной информации или версии.

Теперь для дальнейшего исследования этой проблемы необходимо условиться об определенной терминологии: фактами прошлого (доказательственными и искомыми) мы будем именовать сведения или версии об указанных фактах, достоверность которых установлена (предварительно или окончательно); сведения же о фактах прошлого, содержащиеся в показаниях, заключениях, документах, а также версии, выдвинутые на основе известных фактов о неизвестных, поскольку данные сведения и версии подлежат еще проверке, будем называть сведениями и версиями. Такова сущность понятия фактов прошлого — доказательственных и искомых.

Обратимся к средствам доказывания. Показания свидетелей и другие средства обычно именуют «источниками сведений о фактах» или «источниками доказательств». Представляется, что с таким понятием согласиться нельзя, так как оно не отражает реального соотношения между указанными средствами и содержащимися в них сведениями.

В русском языке под термином «источник» понимают то, «что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь»¹. Следовательно, источник какого-либо факта, явления, как правильно указывает С. В. Курылев, «не может быть одновременно и элементом этого явления, его составной частью, источник должен находиться вне этого явления»². Между тем ни теоретически, ни практически невозможно отделить сведения о фактах от показаний свидетелей, документов и других средств, в которых они содержатся.

Для правильного объяснения соотношения между сведениями о фактах и средствами доказывания мож-

¹ «Словарь русского языка» под ред. С. П. Обнорского. М., 1955. стр. 225.

² С. В. Курылев, Сущность судебных доказательств, «Труды Иркутского Государственного университета имени А. А. Жданова», т. XVII, серия юридическая, вып. 2, 1956, стр. 81.

но использовать некоторые положения теории информации — составной части науки кибернетики.

Как известно, информация есть передача сведений, сообщений, происходящая как в обществе — между людьми, так и в природе — органической (в растительных и животных организмах) и неорганической (в машинах-автоматах)¹. Информация есть одно из свойств материи, одна из многочисленных форм связей, существующих в материальном мире: она связывает, в частности, предмет с сознанием, сознание одного человека с сознанием другого². При этом информация не может быть передана вне материи, без посредства материальных средств — сигналов: звуковых и электромагнитных колебаний, нервных импульсов и т. п. Помимо сигналов — материальных средств передачи информации, для нее требуется также код, т. е. система условных знаков, имеющих определенное значение, смысл. К таким сигналам относится и человеческая речь — устная и письменная, которая составляет вторую сигнальную систему³. Речь — наиболее совершенный сигнал информации, поскольку она благодаря языковому коду дает возможность экономно передавать максимальное число разнообразных сведений⁴.

С точки зрения теории информации показания свидетелей и других лиц, заключения экспертов и доку-

¹ Н. Винер, Кибернетика и общество, ИЛ, 1958, стр. 30—31.

² С. Анисимов и А. Вислобовов, Некоторые философские вопросы кибернетики («Коммунист» 1960 г. № 2, стр. 116).

³ «Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру,— писал И. П. Павлов,— есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь... есть вторые сигналы, сигналы сигналов» («Полное собрание сочинений», т. III, кн. 2, стр. 232).

Таким образом, если с первой сигнальной системой («конкретными сигналами») связано понятие информации, в которое входит непосредственное восприятие окружающего нас мира, то со второй сигнальной системой («сигналы сигналов») связано используемое нами понятие «смысловой информации».

⁴ Рассматривая здесь и в дальнейшем человеческую речь — устную и письменную — как сигнал информации, мы имеем в виду фонетическую и грамматическую сторону речи, но не ее смысловую (семантическую) сторону. Сигнал — материальный носитель информации, поэтому в устной речи сигналами будут определенная последовательность звуков, а в письменной — определенная последовательность букв и пунктуационных знаков. Семантическая же сторона речи относится к самой информации.

менты представляют собой сведения (информацию) о фактах, передаваемые посредством устной или письменной речи¹, выступающей в качестве ряда последовательных сигналов этой информации.

Таким образом, в понятие показаний, заключений и документов входят сведения о фактах и сигналы информации, с помощью которых они передаются². При чем между сведениями, содержащимися в показаниях свидетелей (и других лиц), и сведениями, имеющимися в заключениях экспертов, есть различие. В первом случае сведения о фактах есть результат восприятия этих фактов лицами, дающими показания о них. Во втором — сведения о фактах являются результатом того, что эксперт в ходе исследования пришел к выводу о наличии таких фактов (например, что смерть потерпевшего наступила в результате разрушения вещества головного мозга), а затем изложил свои выводы в устном или письменном заключении. Однако в обоих случаях мы имеем дело со сведениями о фактах, т. е. их закодированным изображением, а не с самими реальными фактами.

Отсюда сведения о фактах составляют основной, главный элемент понятия средств доказывания (показаний, заключений, документов), в связи с чем последние и не могут рассматриваться как «источники» этих сведений, ибо если «извлечь» сведения из указанных «источников», то они окажутся состоящими из одних сигналов информации...

Среди всех средств доказывания особое место занимают вещественные доказательства, поскольку они дают не информацию о фактах прошлого, а служат лишь (подобно доказательственным фактам) основанием для построения версий об этих фактах.

¹ Письменная речь является сигналом информации в письменных документах, т. е. наиболее распространенном виде документов. В других документах сигналами информации могут выступать штрихи (чертежи, планы, карты), черно-белое или цветное изображение предметов и явлений на фотопленке и кинопленке (фото- и кинодокументы) и другие материальные признаки.

² Иногда в понятие «показаний», «заключений», «документов» вкладывается более узкий смысл, и последние отождествляются по существу с сигналами информации. В таких случаях говорят, например: «сведения, полученные посредством показаний свидетеля» и т. и.

Указанная особенность в свете теории информации объясняется тем, что вещи как доказательства в силу стихийного характера их возникновения¹ не содержат достаточно определенного кода, т. е. заранее обусловленной системы знаков, благодаря которой мы можем воспринять информацию.

Действительно, сравним два доказательства по делу о краже: следы пальцев рук обвиняемого, оставленные на месте происшествия, и сознание обвиняемого в совершении кражи. Во втором случае мы имеем дело с информацией о событии преступления, переданной посредством устной речи, а в первом материальный предмет — след пальца, который в силу его связи с личностью обвиняемого дает основание выдвинуть версию о пребывании обвиняемого на указанном месте (наряду с версией о том, что предмет, на котором обнаружен след пальца, случайно попал на это место либо был умышленно подброшен и т. п.). Таким образом, предмет (след) здесь не может выступать как сигнал информации, ибо если обвиняемый и оставил его на месте происшествия, то он все же не намеревался таким образом «информировать» следственные органы о своем пребывании здесь, подобно тому как он информирует их о данном факте, когда дает показания о совершенном преступлении.

На наш взгляд, неправильно рассматривать вещественные доказательства как «источники сведений о фактах», где как «сведения» выступают качества или особые свойства предмета².

¹ Подробнее об этом см. В. Д. Арсеньев, Вопросы теории вещественных доказательств в советском уголовном процессе, «Труды Иркутского Государственного университета имени А. А. Жданова», т. XXII, серия юридическая, вып. 3, 1958, стр. 98.

² См., например, С. Н. Абрамов, Советский гражданский процесс, М., 1952, стр. 182—183.

Напомним, что понятие «информация» мы ограничиваем лишь «смысловой информацией». Если рассматривать это понятие в широком смысле, то вещи являются сигналами информации, во-первых, как источники внешних раздражителей, давая возможность их непосредственного восприятия людьми; во-вторых, они являются сигналами информации об искомых фактах, с которыми они связаны, поскольку содержанием такой информации будут версии об этих фактах. В подобных случаях «качества и особые свойства предмета» будут выступать в виде своеобразного кода, который необходимо расшифровать, чтобы установить искомый факт.

Качества и свойства предмета дают лишь основание построить версию об отношении данного предмета к искомому факту (например, следы подлога на документе, пятно крови на одежде), но не информацию об искомом факте.

Такова сущность средств доказывания.

Между доказательственными фактами и средствами доказывания при некотором их различии существует тесная взаимосвязь. Доказательственные факты (фактические данные) дают возможность установить обстоятельства дела гипотетическим путем, а средства доказывания дают возможность установить доказательственные факты, как правило, информационным путем. В этом — основное их различие, нашедшее отражение и в законе. Согласно ст. 16 Основ, фактические обстоятельства дела устанавливаются «на основе» фактических данных, а сами фактические данные — «показаниями свидетелей» и другими средствами. Однако это различие не абсолютное, поскольку такие средства, как вещественные доказательства, устанавливают фактические данные гипотетическим путем¹.

Содержанием средств доказывания будут сведения о фактах, в частности о доказательственных фактах прошлого, а последние устанавливаются именно в виде

¹ Гипотетический путь доказывания — наиболее сложный, причем большую роль в нем играет так называемый «жизненный опыт» судей, следователей и других субъектов, т. е. их знания об обычных связях между обычными явлениями. Именно эти знания позволяют им сначала предположить наличие связи между двумя фактами — известным и неизвестным (например, связь между фактом недостачи подотчетных ценностей у материально-ответственного лица и фактом приобщения этим лицом недостающих ценностей), а затем и окончательно установить ее.

Большой вред теоретической разработке и практическому внедрению гипотетического метода в следственную практику нанес А. Я. Вышинский, метафизически противопоставлявший версии фактам. В своей речи о задачах следователя он указывал: «Поменьше версий, а побольше фактов» («Социалистическая законность» 1937 г. № 1, стр. 10).

Такая установка не могла, разумеется, способствовать разработке этой важной проблемы установления истины по уголовным делам. Между тем очевидно, что факты (доказательственные и искомые) при отсутствии средств информации о них не могут быть установлены иначе, как путем выдвижения и проверки версий об этих фактах.

Таким образом, версии не только не противостоят фактам, но и дают возможность установить их.

таких сведений. В подобных случаях доказательственные факты по содержанию будут тождественны средствам доказывания. Наконец, такие средства доказывания, как вещественные доказательства, не без основания рассматривают в литературе и как доказательственные факты¹, занимая, таким образом, промежуточное положение между двумя указанными группами доказательств.

На чем же основаны доказательственные свойства фактов и сведений о фактах.

«Факты,— указывает В. И. Ленин,— если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь»². Ф. Энгельс писал, что «...в любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам *фактов*,... нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем»³.

Следовательно, доказательственное свойство фактов усматривается в наличии у них связи с другими фактами. Зная по опыту и данным науки о такой связи, мы на основе известного нам факта можем установить связанный с ним неизвестный факт.

Формы связей между фактами разнообразны, но самой распространенной является причинная связь. Например, А., поссорившись с Б., убивает последнего. Ссора А. и Б. в данном случае находится в причинной связи с убийством Б. и может быть использована как доказательство последнего.

Факт-доказательство может быть и следствием преступления. Например, А. совершает растрату вверенных ему материальных ценностей, в результате чего у него образуется недостача их. Факт недостачи ценностей — следствие растраты и может быть использован в качестве доказательства ее.

Отдельные авторы рассматривают причинную связь как единственно возможную форму связи между дока-

¹ Например, М. С. Строгович к доказательственным фактам относит «вещественные следы преступления» и «следы, оставленные преступником» («Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 369).

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 266.

³ Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1952, стр. 26.

зательствами и искомыми фактами¹. С этим согласиться нельзя. В. И. Ленин указывал, что причинность есть «лишь малая частичка всемирной связи»². Наряду с причинной связью существуют связь условия с обусловленным (например, наличие у А. охотничьего ружья — орудия преступления явилось одним из условий, но не причиной совершения им убийства Б.), связь времени и пространства (например, факт нахождения А. в момент убийства Б. на месте преступления — одно из доказательств его виновности в убийстве и др.)³.

Связь есть основа и доказательственных свойств сведений о фактах, образующих содержание средств доказывания.

В настоящее время развитие науки кибернетики выявило такую форму связи, как связь информации⁴, которая и лежит в основе доказательственного значения сообщений, сведений о фактах. Она существует между определенными предметами, явлениями и сведениями о них. Эти сведения представляют собой изображение указанных предметов, явлений, закодированное в различных системах условных знаков, которые выступают как сигналы информации. «Сигнал, — пишет И. А. Полетаев, — порождается некоторым событием, фактом, действием... Между событием и сигналом при некоторых условиях существует однозначная связь, взаимное соответствие, в пределах, задаваемых степенью подробности описания»⁵.

В отличие от информации сигнал представляет собой физический процесс, который мы непосредственно можем воспринять нашими органами чувств (например, устную речь на слух, письменную — органами зрения) и таким опосредствованным путем получить изображение соответствующего факта, события.

Изображение указывает В. И. Ленин, необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность

¹ М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 335.

² В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 136.

³ См. С. В. Курылев, Сущность судебных доказательств, стр. 44.

⁴ С. А. Анисимов и Л. Вислобоков, Некоторые философские вопросы кибернетики, «Коммунист» 1960 г. № 2, стр. 118.

⁵ И. А. Полетаев, Сигнал, М., 1958, стр. 27.

того, что «отображается»¹. Получая сведения, информацию об определенном факте, т. е. иначе говоря, отображение этих фактов, закодированное, например, в письменных и устных сообщениях, мы, проверив достоверность данных сведений, можем установить (доказать) наличие отображаемых им фактов, так же как, например, с помощью материальных следов — отображений можно доказать наличие отображаемых объектов.

Следовательно, в основе познания неизвестных фактов с помощью других, известных фактов, а также сведений о неизвестных фактах лежит один из основных законов марксистско-ленинской материалистической диалектики — закон всеобщей связи и взаимозависимости явлений природы и общества. Наличие объективной связи между отдельными фактами, между фактами и сведениями о фактах и наши знания об этих связях на основе предшествующего опыта и данных науки дают возможность с помощью известных фактов и сведений о неизвестных искомым фактах установить (доказать) последние.

Это положение марксистско-ленинской гносеологии было извращено А. Я. Вышинским. Он акцентировал внимание не на установлении связи доказательств с искомым фактом, а на установлении связи доказательств между собой. Так, о косвенных доказательствах он писал, что последние не сами по себе, а в сочетании с другими обстоятельствами приобретают доказательственное значение. Следовательно, по его мнению, при применении косвенных доказательств важнейшую роль играет установление связи одних фактов (доказательств) с другими.

Приведенное положение неправильно, ибо любой единичный факт (или сведение о факте) выступает как

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 223.

Указанное положение В. И. Ленина лежит в основе теории информации, ибо «естественной основой теории информации является присущее материи объективное свойство отражения» (Б. С. Украинцев, О возможностях кибернетики в свете свойства отображения материи, «Философские вопросы кибернетики», Соцэкгиз, М., 1961, стр. 116). При этом, если в неорганической материи отображение имеет элементарный характер, представляя собой физико-химический процесс, то отображение в органической природе и в ее высшем продукте — человеческом мозгу — связано с проникновением в сущность отображаемых предметов и явлений, т. е. связано с их познанием.

доказательство искомого факта в первую очередь в зависимости от наличия его связи с данным фактом. Всякое доказательство (прямое или косвенное) в единственном числе не может служить достаточным основанием для признания наличия искомого факта¹. Поэтому при пользовании доказательствами важнейшую роль играет прежде всего установление их связи с искомым фактом, а затем уже и их связи между собой².

Правда, у А. Я. Вышинского иногда встречалось указание на связь доказательств с искомым фактом, однако он отрицал по существу объективный характер подобных связей. Так, для понятия соучастия А. Я. Вышинский считал необходимым наличие не причинной связи, а связи вообще данного лица с совершенным преступлением. Эта крайне субъективистская трактовка связи, как «связи вообще», применительно к теории доказательств означала возможность использовать в качестве доказательств обстоятельства, случайно совпадающие по времени и месту с искомым фактом, что, конечно, не могло способствовать установлению истины по делу.

Итак, свойствами доказательств обладают как фактические данные, факты, так и сведения о фактах, являющиеся содержанием средств доказывания. Отсюда, как уже отмечалось, средства доказывания являются доказательствами фактических данных — доказательственных фактов, а последние — доказательствами фактических обстоятельств дела. К этому необходимо добавить, что фактические обстоятельства дела можно доказывать как доказательственными фактами, так и средствами доказывания. Действительно, если сведения о доказательственных фактах, содержащиеся в средствах доказывания, могут быть доказательствами этих фактов, то сведения о фактических обстоятельствах дела, содержащиеся в тех же средствах, могут быть доказательствами указанных обстоятельств. Например, если в показаниях свидетеля содержатся сведения не только о том, что А. бежал с места происшествия, но и о том, что он ударил ножом Б., то эти сведения могут

¹ Подробнее об этом см. § 2 гл. IV.

² Как будет показано ниже (см. § 2 гл. IV), между доказательствами по одному делу непосредственная связь вообще не обязательна.

устанавливать объективную сторону преступления А. так же, как сведения о его побеге с места преступления служат доказательством данного доказательственного факта.

Отсюда ст. 16 Основ требует, на наш взгляд, расширительного толкования. С одной стороны, предусмотренными ею средствами доказываются, устанавливаются не только фактические данные, но и фактические обстоятельства дела. С другой стороны, фактические данные можно устанавливать как средствами доказывания, так и другими фактическими данными. Например, тот же факт побега обвиняемого с места происшествия непосредственно устанавливает факт пребывания преступника на этом месте, а уже данный факт доказывает его виновность.

Из изложенного следует вывод, что уголовно-процессуальными доказательствами являются фактические данные (факты настоящего и прошлого), связанные с подлежащими установлению фактическими обстоятельствами уголовного дела, устанавливаемые предусмотренными в законе средствами доказывания или другими фактическими данными, а также сами указанные средства¹.

Такое толкование ст. 16 Основ уголовного судопроизводства подтверждается прежде всего ч. 3 ст. 17 Основ гражданского судопроизводства, прямо указывающей на возможность подтверждения (доказывания) обстоятельств дела с помощью средств доказывания: «Обстоятельства дела, которые по закону должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими средствами доказывания».

Двойное понимание доказательств, а именно как средств доказывания и доказательственных фактов, отражено и в уголовно-процессуальных кодексах союз-

¹ Можно согласиться также с В. З. Лукашевичем, что термин «фактические данные» включает в себя как факты, так и сведения о фактах («Правоведение» 1963 г. № 1, стр. 118). При этом, если в первом случае фактические данные устанавливаются средствами доказывания, то во втором случае они содержатся в указанных средствах.

ных республик. Так, в ст. 74 УПК говорится: «Не могут служить доказательством фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности». Аналогичное указание содержится в ст. 75 УПК по поводу показаний потерпевшего. Статья 67 УПК Латвийской ССР устанавливает: «Имеющие значение для дела фактические данные могут быть устанавливаемы протоколами осмотра, освидетельствования... Фактические данные могут быть устанавливаемыми также иными документами...»

Подобные формулировки содержатся в кодексах Армянской, Молдавской, Таджикской, Киргизской и Туркменской ССР. Таким образом, в приведенных статьях УПК, с одной стороны, подчеркивается доказательственное значение фактических данных (доказательственных фактов), установленных показаниями и документами, с другой — в некоторых из них говорится и о доказательственном значении самих показаний, заключений и документов. Так, ст.ст. 74 и 75 УПК РСФСР указывают, что свидетель и потерпевший могут быть допрошены «о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу», рассматривая, таким образом, показания свидетелей и потерпевших как доказательства фактов, подлежащих установлению (предмета доказывания). Статья 77, ч. 2, УПК РСФСР гласит: «Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения...» и т. д. Из формулировки видно, что в качестве доказательства здесь рассматривается само признание. Статья 80, ч. 3, УПК РСФСР устанавливает: «Заключение эксперта не является обязательным для лица, производящего дознание...» и т. д. Здесь опять-таки в качестве доказательства берется заключение эксперта. Статья 83 УПК определяет вещественные доказательства, в частности, как «предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела» и т. д., подчеркивая, что такие средства устанавливают именно фактические обстоятельства дела (а не только фактические данные — доказательственные факты). Наконец, ст. ст. 87 и 88 УПК РСФСР, ст. ст. 82 и 83 УПК БССР, ст. 61 УПК Казахской ССР, ст. ст. 64 и 65

УПК Эстонской ССР называют доказательствами документы.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство союзных республик недвусмысленно рассматривает средства доказывания, наряду с фактическими данными, как доказательства, в частности как доказательства фактических обстоятельств дела.

Такое понятие доказательств воспринято следственной и судебной практикой¹, причем в судебной практике союзных республик и Верховного Суда СССР и после принятия Основ 1958 года показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых, заключения экспертов и документы именуются доказательствами².

Отметим, что, правильно рассматривая средства доказывания как доказательства, отдельные судебные следственные органы допускали и допускают еще ошибки, игнорируя то, что содержание этих доказательств составляют сведения о фактах, а не факт дачи

¹ Так, изменяя приговор по делу П., осужденному вместе с Ф. за хищение государственных средств, Верховный Суд РСФСР указал, в частности, что «одни лишь показания Ф. и тот факт, что П. при проведении ревизии не вскрыл совершенных ею злоупотреблений, еще не могут служить достаточным основанием для признания виновности П. в совместном с Ф. участии в хищении» («Сборник, постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1957—1959 гг.», М., 1960, стр. 328).

В данном примере суд, наряду с доказательственным фактом, указывает средство доказывания как доказательства виновности П. (хотя и недостаточные для его обвинения в хищении).

По делу Л., осужденного за изнасилование, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала в определении от 16 июля 1962 г.: «Обвинение Л. в изнасиловании обосновано исключительно на показаниях гр-ки Л. Однако вся обстановка происшествия, поведение самой гр-ки Л. в момент изнасилования, показания свидетелей и заключение судебно-медицинской экспертизы не подтверждают показания потерпевшей о произведенном над ней насилии» («Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 11, стр. 6). Таким образом, в указанном примере Верховный Суд ссылается как на доказательства на факты — обстановку на месте происшествия в момент изнасилования — и на средства доказывания — показания свидетелей, заключение эксперта.

² См., например, определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 августа 1961 г. по делу Р. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1961 г. № 5, стр. 26) и от 21 июня 1960 г. по делу Н. и З. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1961 г. № 1, стр. 19).

свидетелями и другими субъектами показаний о том или ином обстоятельстве, т. е. за доказательства в ряде случаев принимаются не сведения о фактах (информация), а сигналы информации. Ошибки, как правило, состоят в том, что в обвинительных заключениях, приговорах и других процессуальных документах нередко встречаются лишь ссылки на показания свидетелей, которыми подтверждается виновность обвиняемого, и не раскрывается содержание их показаний. Между тем факт дачи свидетелем показаний не есть еще доказательство по делу, ибо содержание его показаний вообще может не иметь отношения к делу¹. Однако если даже показания свидетелей и других лиц по содержанию относятся к делу, то, с точки зрения полноты и достоверности, они в ряде случаев не могут быть основой для правильного решения его. Проиллюстрируем это положение.

20 мая 1958 г. в Ленинграде на остановке «Литовская улица» проспекта имени Карла Маркса Б., следовавший на собственной автомашине «Москвич», совершил наезд на Р. Последний в результате полученных телесных повреждений скончался.

Обвиняемый Б. и его жена, ехавшая с ним в машине, показали, что ехали они со скоростью 30 км, причем параллельно им по трамвайному пути, несколько впереди ехал трамвай. Когда трамвай проезжал зону остановки встречного трамвая, с междупутья наперерез их машине выскочил потерпевший и оказался на расстоянии 2—5 м от машины, в связи с чем Б. не мог предотвратить наезд. Аналогичные показания дали свидетели Х. и Р. (допрошенные по просьбе Б.), которые ехали за Б. на другой автомашине. На основе данных, полученных от свидетелей Х. и Р., а также от обвиняемого Б. и его жены, дело было прекращено производством, поскольку автонаезд якобы произошел по вине потерпевшего.

В дальнейшем дело было возобновлено. Допрошенный водитель попутного трамвая Т. показал, что «Москвич», наехавший на человека на остановке «Литовская улица», ехал со скоростью 40—50 км, обогнал

¹ В этом отношении характерно дело С. («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 13—15).

трамвай еще до остановки, затем в зоне остановки перед машиной примерно на расстоянии 30 м появился пешеход, который и был сбит машиной. Такие же показания дал и свидетель — очевидец происшествия — М. На основании этих показаний с учетом других данных Б. был привлечен к уголовной ответственности и осужден¹.

Свидетели Х. и Р., с одной стороны, М. и Б. — с другой, давали показания об одних и тех же обстоятельствах дела, однако содержание сведений и достоверность их оказались различными. Следовательно, доказательственное значение имеет не то, что свидетель говорит об определенном факте, а то, что он говорит о нем, т. е. не сигнал информации, а сама информация². Данное положение применимо и к показаниям потерпевшего, заключению эксперта, документам и другим средствам доказывания (исключая вещественные доказательства).

Итак, средства доказывания являются доказательствами с точки зрения содержащихся в них сведений, а не способов передачи последних. Понимаемые именно так средства доказывания, наряду с доказательственными фактами и имеющими промежуточное положение вещественными доказательствами, образуют содержание понятия уголовно-процессуальных доказательств.

**
*

Рассматривая предмет уголовно-процессуального доказывания, мы отмечали, что он складывается из ряда элементов, каждый из которых должен быть установлен доказательствами. Однако, будучи установленными, отдельные элементы предмета доказывания, поскольку они связаны с другими, могут выступать в качестве доказательств по отношению к этим элементам. Например, факты, образующие объективную сторону состава преступления, доказывают иногда

¹ См. «Следственная практика», вып. 44, М., 1960, стр. 55—63.

² Не случайно поэтому ст. 162 УПК дает следователю право провести очную ставку «...между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия», имея в виду случаи, когда свидетели показывают об одних и тех же обстоятельствах, но сведения, сообщаемые ими, различны.

субъективную сторону. Тот факт, что А., вынув из кармана нож, подошел к Б. и ударил его ножом в грудь, не только искомым факт, составной элемент фактических обстоятельств дела, но и доказательство наличия у А. умысла на убийство Б.

В. И. Ленин указывал: «... по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей...»¹. Приведенное положение важно в связи с тем, что в практике иногда недооценивается значение фактических обстоятельств дела для установления субъективной стороны состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда отменила приговор народного суда по делу З., осужденного за покушение на кражу личных вещей на рынке. Основанием для отмены послужило то, что «из постановления о привлечении в качестве обвиняемого З., из обвинительного заключения, а также из приговора суда усматривается, что З. пытался открыть сумку, но с какой целью он это делал, в документах ничего не сказано...». Между тем совершенно очевидно, что указанные действия З. давали основание считать установленным его умысел на кражу вещей, в связи с чем определение Судебной коллегии было отменено Верховным Судом РСФСР².

В судебно-следственной практике в основном правильно используют элементы предмета доказывания для установления других элементов. Так, по делу П. и Ф., осужденных за хищение государственных средств, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, отменяя приговор в отношении П. за недоказанность обвинения в хищении, указала, в частности: «К тому же установленные судом фактические обстоятельства совершения данного преступления свидетельствуют, что Ф. имела полную возможность заниматься хищением денег одна, без привлечения к этому П.»³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 385.

² См. «Советская юстиция» 1962 г. № 20, стр. 28.

³ «Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1957—1959 гг.», М., 1960, стр. 329 (определение № 25-д9-пр 67).

Наконец, в литературе не раз уже указывалось на доказательственное значение данных о личности обвиняемого, относящихся к главному факту¹. Поэтому с некоторым основанием можно говорить о доказательственной природе подлежащих доказыванию фактических обстоятельств дела. Но это ни в коем случае не дает оснований вообще стирать различие между доказательствами и элементами предмета доказывания, поскольку последние имеют в целом юридическое (уголовно-правовое) значение, которого не имеют доказательства. Установление элементов предмета доказывания является целью доказывания, а не средством для установления других элементов. В качестве таких средств элементы предмета доказывания используются лишь в отдельных случаях, и это не дает основания рассматривать их вообще как доказательства.

**
*

Вопрос о понятии доказательств относится к наиболее сложным с теоретической точки зрения и имеет большое практическое значение. В уголовно-процессуальной литературе по данному вопросу высказано несколько взглядов, из которых представляется необходимым остановиться на двух.

Одни авторы доказательствами по делу считают только доказательственные факты, а средства доказывания рассматривают как источники, откуда могут быть «извлечены» доказательства («источники доказательств»)².

Сторонники указанного взгляда, правильно подчеркивая доказательственное значение фактов, отрицают такое значение за средствами доказывания, что, по

¹ См. Я. Мотовиловкер, Доказательственное значение данных о личности обвиняемого, «Социалистическая законность» 1959 г. № 9; М. Г. Коршик и С. С. Степичев, Изучение личности обвиняемого, М., 1961, стр. 14—18.

² М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 135—143 и др.; П. Лупинская, О понятии судебных доказательств, «Ученые записки ВЮЗИ», 1958, вып. VI, стр. 104 и др.; С. А. Голунский, Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, «Вопросы судостроительства и судопроизводства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 144; М. П. Шаламов, Теория улик, М., 1960, стр. 9.

нашему мнению, связано с неправильным пониманием природы таких средств, рассматриваемых ими как «источники доказательств». Между тем средства доказывания не являются источниками сведений о фактах, хотя последние и содержатся в этих средствах, образуя их содержание, основу, которую, однако, нельзя «извлечь» из них. Кроме того, получение сведений о доказательственных фактах из свидетельских показаний и других средств не есть еще получение самих фактов («извлечение» этих фактов из «источников»), а есть получение лишь сведений, с помощью которых нужно доказать наличие указанных фактов, признав данные сведения достоверными или недостоверными. Таким образом, установление доказательственных фактов свидетельскими показаниями и другими средствами есть такое же доказывание этих фактов, как и установление с помощью доказательственных фактов фактических обстоятельств дела. Следовательно, как уже говорилось, средства доказывания, наряду с доказательственными фактами, могут служить доказательствами фактических обстоятельств дела.

Отрицая доказательственное значение средств доказывания, сторонники рассматриваемого взгляда испытывают затруднение при объяснении, что же будет доказательством в случаях, когда, например, от свидетеля-очевидца, потерпевшего или самого обвиняемого (подозреваемого) или из документов мы получаем сведения не о доказательственных, а об искомых фактах. Здесь налицо будет «источник сведений» о факте и сам факт, подлежащий доказыванию, а доказательство (доказательственный факт) отсутствует... И чтобы найти «исчезнувшее доказательство», им приходится признать таковым в данном случае искомый факт¹.

При этом ссылаются на то, «что нет абсолютной противоположности между доказательством и доказуемым фактом»². Ранее говорилось, что действительно,

¹ Так, М. А. Чельцов пишет: «Прямыми доказательствами называются такие факты, которые входят в предмет доказывания в качестве отдельных признаков состава преступления...» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 135).

² С. А. Голунский, Вопросы доказательственного права в «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», «Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 154.

один элемент искомого факта может доказывать другой. Однако это, во-первых, не дает основания стирать вообще всякое различие между ними и называть главный факт доказательственным, ибо это означало бы прямое игнорирование различия в содержании ст.ст. 15 и 16 Основ; во-вторых, признание в указанных случаях доказательствами элементов главного факта не решает главного вопроса: чем же доказываются сами эти элементы? Ведь в точном соответствии со ст. 15 Основ они должны быть доказаны, а не «извлечены» из «источников», как мыслят сторонники приводимого взгляда в отношении доказательственных фактов. На поставленный вопрос мы не получаем удовлетворительного ответа, в связи с чем такой взгляд не может быть признан соответствующим истинной природе доказательств.

Другие авторы пытаются создать единое понятие доказательств, которое не исключало бы ни доказательственных фактов, ни средств доказывания, а объединяло бы их в указанном понятии. При этом отмеченное ранее единство доказательственной природы средств доказывания и доказательственных фактов как будто бы дает для этого все основания. Однако на деле эта попытка оказалась все же неудачной.

Так, Л. Т. Ульянова утверждает, что «источники сведений о фактах и сами фактические данные приобретают доказательственное значение лишь в связи друг с другом», благодаря чему, по ее мнению, можно говорить «о едином понятии доказательства, состоящем из двух взаимосвязанных элементов — источников сведений о доказательственных фактах и самих фактов»¹. Однако и этот взгляд не дает основания удовлетворительно решить вопрос о доказывании искомого факта самими средствами доказывания (показаниями свидетеля-очевидца и т. п.).

Л. Т. Ульянова утверждает, что доказательственным фактом в данном случае «будут сведения, полученные от свидетеля-очевидца о ходе события, которое он наблюдал»². Но ранее она оговаривается, что вообще сущность доказательства составляет не дока-

¹ Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 11.

² Там же, стр. 17.

зательственный факт в смысле факта прошлого, а сведения о нем, его образы, воссоздаваемые источником сведений¹. Получается, что доказательственными фактами будут как сведения о самих этих фактах, так и сведения о главном факте, с чем, конечно, нельзя согласиться.

Взгляд на единое понятие доказательств, в котором «основу доказательства» составляет доказательственный факт, пытается обосновать и А. И. Трусов². По его мнению, доказательственный факт имеется, в частности, в показаниях свидетеля-очевидца: таковым будет само наблюдение свидетелем преступных действий обвиняемого, ибо в содержание показаний свидетеля «в качестве органической составной части входит и тот факт, что свидетель действительно видел или слышал то, о чем он рассказывает»³.

С подобным утверждением нельзя согласиться. Допустим следующее: свидетель показывает, что он, хотя и видел относящийся к делу факт, но забыл его подробности. В данном случае наблюдение свидетеля («доказательственный факт») ничего не докажет, так как вообще доказательственное значение имеет не оно, а те сведения, которые свидетель нам сообщает об обстоятельствах, наблюдавшихся им. Наблюдение — необходимое условие, чтобы свидетель мог стать источником доказательств, но это еще не делает его показания доказательством.

Таким образом, попытка сконструировать «единое» понятие доказательств с доказательственным фактом в качестве главного элемента этого понятия оказалась неудачной. Поэтому правильным представляется двойное понимание уголовно-процессуальных доказательств, ибо только оно отражает их реальную природу⁴.

¹ Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 11

² А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 51.

³ Там же, стр. 46.

⁴ См. «Советский уголовный процесс», под ред. проф. Д. С. Карева, М., 1956, стр. 64; «Государственный обвинитель в советском суде», под ред. В. А. Болдырева, М., 1954, стр. 11;

§ 2. Содержание и форма уголовно-процессуальных доказательств. Вопрос об относимости и допустимости доказательств

Вопрос о содержании и форме уголовно-процессуальных доказательств в литературе почти не рассматривался. Между тем, на наш взгляд, он имеет немало важное значение для раскрытия сущности и определения специфики этих доказательств, а также для разрешения вопроса об их относимости и допустимости.

Содержание уголовно-процессуальных доказательств может быть различным. Так, содержанием показаний, заключений и документов будут сведения о фактах — доказательственных и искомых, а содержанием вещественных доказательств — те материальные признаки их, которые дают основание предположить связь этих вещей с соответствующими фактами (например, признаки следов, по которым можно идентифицировать предметы, их оставившие; признаки ножа, указывающие на принадлежность его к холодному оружию; пятна крови на одежде и т. д.) Содержание же доказательственных фактов составляют конкретные элементы, свидетельствующие о связи их с предметом доказывания (указание на определенное лицо при опознании и т. п.).

Таким образом, при различном содержании доказательств необходимым его элементом всегда выступает связь доказательств с подлежащими установлению фактами. Указанный элемент дает возможность правильно разрешить вопрос об относимости доказательств, т. е. отношении их к искомому факту. Когда содержанием доказательств являются сведения о главном факте, то этот вопрос решается сравнительно легко: отношение определяют, исходя из обстоятельств, входящих в искомый факт и сведения о которых содержатся в средствах доказывания. Здесь связь доказательств с искомыми фактами очевидна, но оче-

М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 243.

После принятия Основ взгляд на двоякую природу доказательств развивает Я. О. Мотовиловкер («Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства», Кемерово, 1962, стр. 92—93).

видность» может быть кажущейся, и тогда возникает необходимость решать вопрос о достоверности данных сведений¹, т. е. о наличии действительной связи между ними и фактами, которые они устанавливают. Этот вопрос решают путем проверки полученных сведений и оценки их в совокупности с другими доказательствами.

Сложнее решать вопрос об отношении к делу средств доказывания, когда в них содержатся сведения о доказательственных фактах. Отношение к делу таких средств доказывания обуславливается связью устанавливаемых ими доказательственных фактов с искомыми. В то же время вопрос о наличии такой связи не всегда можно решить с такой же очевидностью, как в тех случаях, когда в средствах доказывания содержатся сведения о самих искомых фактах. Поэтому, когда с помощью тех или иных сигналов удается получить сведения о доказательственных фактах, мы должны решить вопросы как о достоверности самих сведений, так и о наличии связи фактов, устанавливаемых такими сведениями, с искомыми фактами. Если связи не усматривается, то нет необходимости устанавливать данный факт.

При этом, если связь между сведениями и устанавливаемыми ими фактами очевидна и нужно решить лишь вопрос о том, достоверна ли она, то связь между установленными доказательственными фактами и искомыми не является, как правило, столь очевидной.

Так, по делу об убийстве иссора потерпевшего с обвиняемым может быть причиной убийства, а может и не иметь отношения к нему. Вот почему, устанавливая доказательственные факты, мы часто исходим из наличия у них не действительной, а предполагаемой связи с искомыми фактами. Последняя в ходе дальнейшего доказывания либо подтверждается, и тогда факт становится окончательно установленным доказатель-

¹ Н. Е. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин отмечают, что «очевидность и достоверность (истинность) — понятия не тождественные». («Возбуждение уголовного дела», М., 1961, стр. 125). Это положение, на наш взгляд, следует уточнить в том отношении, что речь в нем идет о кажущейся очевидности. В дальнейшем, говоря об очевидности, мы будем иметь в виду именно такую очевидность.

ством, либо не подтверждается, и тогда он вообще перестает быть доказательством¹.

Аналогичное положение наблюдается при установлении фактов с помощью вещественных доказательств, которое также дает лишь основание для предположений (версий) об этих фактах.

Наконец, получаемые при расследовании искусственным путем такие доказательственные факты, как результат следственного эксперимента и факт опознания, в силу характера получения их, преследующего определенную цель (эксперимент — например, проверку возможности совершения определенных действий в конкретных условиях, предъявление для опознания — идентификацию личности), оказываются искусственно связанными с искомыми фактами. Так, опознание потерпевшим обвиняемого является следствием того, что он видел его в момент преступления, результат следственного эксперимента связан с искомым фактом общими условиями, при которых тот и другой имели место.

Итак, связь доказательств (сведений и фактов) с искомыми фактами составляет основной элемент содержания доказательств. Без него доказательства становятся бессодержательными и, следовательно, непригодными.

Связь доказательств с искомым фактом — это критерий относимости их к уголовному делу. Относимость имеет большое значение при собирании, исследовании и оценке доказательств. Опираясь на критерий связи, следователь и суд из «груды» фактического материала, с которым они сталкиваются при расследовании и рассмотрении уголовных дел, могут выбрать необходимые данные для правильного разрешения их.

В литературе встречается иная трактовка относимости доказательств. Так, Л. Т. Ульянова пишет: «Правила об относимости доказательств касаются самого существа доказывания по делу и формулируют, какие доказательственные факты могут непосредственно или

¹ В некоторых случаях связь между доказательственным и искомым фактами может быть окончательно установлена одновременно с установлением доказательственного факта: установив *alibi*, мы одновременно с помощью его устанавливаем искомый факт в отрицательной форме — несовершение обвиняемым преступления, поскольку связь между ними очевидна и достоверна.

в конечном счете освещать те или иные вопросы, подлежащие разрешению по делу»¹. Следовательно, у Л. Т. Ульяновой относимость доказательств — это их способность «освещать» подлежащие разрешению вопросы. Подобное раскрытие термина «относимость» вряд ли можно признать удовлетворительным. Кроме того, вопрос об относимости доказательств Л. Т. Ульянова связывает только с доказательственными фактами, которые «имеют существенное значение для разрешения дела»². Между тем, обратившись к закону, нетрудно убедиться, что признак существенности относится не только к доказательственным фактам, но и в первую очередь к средствам доказывания. Статья 343 УПК устанавливает, что дознание, предварительное или судебное следствие признается односторонним или неполным, в частности, когда по делу «не были допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для дела.., не были истребованы документы или вещественные доказательства, имеющие существенное значение». Таким образом, автор неправильно ограничивает относимость доказательств только доказательственными фактами.

Форма доказательств, как и всякая иная форма, должна выражать их содержание. Содержанием большинства средств доказывания являются сведения о фактах, передаваемые посредством устной или письменной речи и других сигналов информации. Отсюда эти сигналы и выступают как объективная форма³ рассматриваемых доказательств.

У вещественных доказательств и у доказательственных фактов настоящего времени как фактов реальных объективная форма совпадает с их содержанием⁴.

¹ Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 20.

² Там же, стр. 22.

³ В указанном смысле термин «объективная форма» известен нашему законодательству. Статья 96 Основ гражданского законодательства устанавливает: «Авторское право распространяется на произведения, выпущенные в свет или не выпущенные в свет, но выраженные в какой-либо объективной форме, позволяющей воспроизводить результат творческой деятельности автора (рукопись, чертеж, изображение, публичное произнесение или исполнение, пленка, механическая или магнитная запись и т. п.)».

⁴ Названную группу доказательств в дальнейшем мы будем именовать материально-предметными доказательствами, поскольку

У доказательственных фактов прошлого, поскольку они устанавливаются чаще всего средствами доказывания, эти средства выступают в качестве объективной формы¹.

Объективная форма доказательств и делает их предметом уголовно-процессуального регулирования, выражающегося в установлении:

а) точного перечня средств доказывания; показаний свидетелей и других субъектов, заключений экспертов, вещей, документов;

б) правил получения этих средств — допроса свидетелей, выемки вещественных доказательств и документов и т. д., а также правил проверки сведений, полученных с помощью этих сигналов — очной ставки, назначения экспертизы, осмотра вещественных доказательств и т. д.;

в) правил получения (воспроизведения) доказательственных фактов настоящего времени (следственный эксперимент, предъявление для опознания);

г) правил процессуального оформления всех указанных действий, т. е. составления процессуальных документов (протоколов), закрепляющих эти действия и их результаты.

Перечисленные правила образуют уголовно-процессуальную форму доказательств, соблюдение которой имеет большое значение для обеспечения их достоверности. Действительно, если по содержанию уголовно-процессуальные доказательства в принципе не отличаются от других доказательств «в любой научной области — как в области природы, так и в области истории» (Ф. Энгельс), то форма этих доказательств составляет их специфический признак как доказательств судебных, уголовно-процессуальных.

наличие сходства в характере их объективного проявления создает при всем различии содержания этих доказательств некоторые общие моменты в их собирании и исследовании.

¹ В данном случае средства доказывания выступают как форма по отношению к доказательственным фактам в философском смысле, т. е. в смысле определенной связи между этими доказательствами, при которой одни выражаются через другие. О средствах доказывания как форме доказательственных фактов говорит и Л. Т. Ульянова в книге «Оценка доказательств судом первой инстанции», М., 1959, стр. 15.

Форма доказательств придает им правовой характер и делает их органической составной частью всей правовой деятельности судебно-следственных органов. Строжайшее соблюдение процессуальной формы доказательств субъектами доказывания обеспечивает, с одной стороны, максимальную доброкачественность доказательств, установление подлинных фактических обстоятельств дела, а с другой — права и законные интересы граждан, на которых распространяется деятельность судебно-следственных органов.

Например, правила допроса свидетеля при условии их соблюдения дают возможность получить от него достоверные и правдивые показания (предупреждение об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, допрос его в отсутствие других свидетелей и т. д.) и в то же время гарантируют личные и имущественные интересы самого свидетеля (права на ознакомление с протоколом, на возмещение расходов по явке к следователю и т. п.). Поэтому в соблюдении уголовно-процессуальной формы доказательств находит непосредственное выражение принцип социалистической законности применительно к такой важной стороне судебно-следственной деятельности, как уголовно-процессуальное доказывание.

Ранее указывалось, какие нормы конструируют вообще уголовно-процессуальную форму доказательств. Рассмотрим их отдельно, применительно к средствам доказывания и доказательственным фактам.

Применительно к средствам доказывания уголовно-процессуальный закон устанавливает прежде всего сигналы информации (в качестве их выступает, главным образом, устная и письменная речь), а также круг субъектов, от которых эти сигналы могут быть получены: свидетели, потерпевшие, подозреваемые и обвиняемые (источники информации). Устанавливая определенные сигналы информации, закон исходит из необходимости предусмотреть сигналы, служащие наиболее эффективными средствами передачи максимально достоверных сведений. Указанные в законе сигналы и являются таковыми. Однако они не исчерпывают всех встречающихся в жизни средств передачи информации. Например, информация может передаваться посредством жестов (утвердительным или отрицательным поворотом

голове, определенными движениями рук и т. д.). Очевидно, что такое средство передачи сведений закон не мог санкционировать как средство доказывания ввиду его крайней условности и недостаточной определенности. Поэтому, когда обвиняемый, подозреваемый, свидетель или потерпевший являются глухонемыми, к участию в допросе их приглашают лицо, «понимающее знаки немого или глухого»¹ (ст. 57 УПК). С помощью этого лица сигналы глухонемого становятся средствами доказывания. И совершенно очевидно, что если бы свидетель, обладающий нормальным слухом и речью, отвечал бы на отдельные вопросы следователя или суда поворотами головы, они не могли бы удовлетвориться подобными сигналами².

В современных условиях развития техники в качестве сигналов информации широко используют показания различных приборов, указывающие скорость движения машин, высоту полета корабля, напряжение, силу тока и т. п. Если сравнить, например, показания спидометра о скорости движения автомашины и показания свидетеля, наблюдавшего движение, то показания прибора (если, конечно, он исправен) дадут нам более точную информацию, чем показания свидетеля. Возникает вопрос, почему же показания приборов не предусмотрены в качестве средств доказывания наряду с показаниями свидетелей и других субъектов? Думается, что к этому существуют технические и процессуальные препятствия. Прежде всего, не всегда можно представить следствию и суду прибор, который бы имел фиксированное показание определенной величины в мо-

¹ Закон не рассматривает таких лиц как «переводчиков», а лишь приравнивает их к ним.

² Нужно возразить авторам, утверждающим, что «смысловая информация», исходящая от лиц, менее достоверна, чем исходящая от этих же лиц «дополнительная информация» (имеется в виду информация в широком смысле, сигналами которой являются мимика, жесты и т. п.). Так, математики А. М. Яглом и И. М. Яглом пишут, что «эта дополнительная информация может и противоречить смысловой информации, причем в таком случае она, как правило, заслуживает большего доверия. Так, из разговора мы можем судить о настроении говорящего и об его отношении к сказанному» («Вероятность и информация», М., 1960, стр. 20). Очевидно, что авторы явно переоценивают здесь значение «дополнительной информации», которая может служить лишь одним из вспомогательных моментов для оценки смысловой информации.

мент происшествия. Но даже если бы и удалось сделать это, у следователя и суда не было гарантии, что прибор дает показания, тождественные тем, которые он давал в момент происшествия, а также, что прибор вообще дает точные показания. Поэтому и по процессуальным соображениям информация, передаваемая приборами, становится доказательством лишь постольку, поскольку она поступила к следователю или суду через такие дополнительные сигналы, как показания свидетеля (например, показания шофера о том, какую скорость указывал спидометр), заключение эксперта. При наличии подобных сигналов следователь и суд имеют уже определенную гарантию достоверности полученной информации, поскольку лица, ее передающие, несут ответственность за это (в частности, эксперт в заключении может изложить не только показания прибора, но и дать заключение о его исправности). По таким же соображениям в качестве средств доказывания закон не предусматривает анонимные заявления, действия служебно-розыскной собаки и т. п.

Итак, только предусмотренные процессуальным законом в качестве средств передачи сведений сигналы информации при современном развитии науки в состоянии обеспечить максимально достоверные сведения; никакие иные сигналы информации не могут быть допущены в качестве средств передачи сведений о доказательственных и искомых фактах.

Не ограничиваясь установлением перечня сигналов и источников информации, закон большое внимание уделяет способам получения и проверки соответствующих сведений, а также правилам их процессуального закрепления (допроса, обыска, осмотра, назначения экспертизы и т. д.), обеспечивающим получение наиболее достоверных сведений.

Строжайшее соблюдение этих правил имеет большое значение для всех доказательств, являясь необходимым условием их доброкачественности. Но особое значение оно имеет для вещественных доказательств, поскольку, если, например, вещь будет изъята при обыске в отсутствие понятых или не описана в протоколе обыска, она вообще может утратить доказательственное значение, так как потом трудно установить ее отношение к делу.

При расследовании дела по обвинению П. в нанесении тяжких телесных повреждений гр-ну З. работники милиции изъяли с места происшествия и передали следователю отвертку (предполагаемое орудие преступления). Ни факт изъятия отвертки с места происшествия, ни ее внешний вид не были зафиксированы в протоколах, в связи с чем в дальнейшем возникли серьезные затруднения в расследовании и рассмотрении данного дела, поскольку обвиняемый отрицал как нанесение удара потерпевшему отверткой, так и принадлежность ее ему. В результате грубого нарушения процессуальной формы отвертка в значительной мере утратила доказательственное значение.

Аналогично решается вопрос о процессуальной форме доказательственных фактов настоящего времени (по отношению ко времени расследования или рассмотрения дела). К ним могут быть отнесены, в частности, результаты следственного эксперимента и факт опознания. Следственный эксперимент и предъявление для опознания впервые четко регламентированы в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Благодаря этому их доказательственные результаты имеют теперь необходимую процессуальную форму. Нарушение ее значительно снижает, а подчас и сводит на нет доказательственное значение результатов (например, предъявление для опознания одного лица, ознакомление опознающего до предъявления с фотокарточкой лица, подлежащего опознанию, проведение следственного эксперимента в отсутствие понятых¹ и т. п.).

¹ Отмеченное сходство объективной формы материально-предметных доказательств (вещественных, результата следственного эксперимента и факта опознания) при всем различии их содержания определяет и сходство их процессуальной формы, что выражается в участии понятых в собирании и исследовании на предварительном следствии именно этих доказательств (ст. ст. 135, 169, 183 УПК). При допросах, назначении и проведении экспертизы, истребовании документов (не являющихся вещественными доказательствами), т. е. при собирании и проверке иных доказательств (показаний, заключений, документов), понятые не участвуют. Такое различие процессуальной формы материально-предметных и всех иных доказательств не случайно и связано с тем, что участие понятых имеет смысл лишь в случаях, когда последние могут непосредственно наблюдать и затем удостоверить реальные факты настоящего времени (ч. 3 ст. 135 УПК), а не в тех, когда непосредственно наблюдаются лишь сигналы информации о фактах прошлого.

Таково значение уголовно-процессуальной формы доказательств. Ее недооценивал А. Я. Вышинский. Он утверждал, что «судебные доказательства — это обычные факты, те же совершающиеся в жизни явления, те же вещи, те же люди (?), те же действия людей. Судебными доказательствами они становятся лишь постольку, поскольку вступают в орбиту судебного процесса, становятся средством для установления интересующих суд и следствие вопросов. Таким образом, А. Я. Вышинский игнорировал процессуальную форму судебных доказательств, поскольку доказательства у него — это «те же явления», «те же вещи» и т. п. А. Я. Вышинский к уголовно-процессуальной форме относился вообще как «к технической стороне» уголовного процесса¹.

В соответствии с этой «теоретической» установкой он, будучи Прокурором СССР, давал следственным органам указания об использовании в качестве доказательств материалов, собранных оперативным путем и не проверенных процессуальными средствами, а также о направлении на рассмотрение особого совещания тех следственных дел, по которым процессуальными средствами не удалось получить доказательств виновности лиц, против которых эти дела возбуждались².

В нашей следственной и судебной практике не изжито еще до конца неправильное отношение со стороны отдельных следователей и судей к процессуальной форме доказательств. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. отмечает: «Иногда суды принимают в качестве доказательств материалы, добытые с нарушением порядка, установленного законом»³.

Если содержание уголовно-процессуальных доказательств определяет их относимость к делу, то процессуальная форма доказательств — их допустимость по данному делу.

Суть правила о допустимости доказательств заключается в том, что в качестве доказательств

¹ См. § 1 гл. 1.

² Н. Жогин, Изменение закона о подследственности и задачи прокурорского надзора за следствием и дознанием, «Социалистическая законность» 1963 г. № 9, стр. 9.

³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 3, стр. 4.

можно использовать только те данные, которые удовлетворяют предъявляемым законом требованиям. Таким образом, не все данные, относящиеся к делу, могут быть допущены в качестве доказательств при производстве по делу, а лишь те, которые имеют требуемую законом форму, гарантирующую их доброкачественность.

Это правило относится, в первую очередь, к средствам доказывания и доказательственным фактам настоящего времени, имеющим четко выраженную объективную и, следовательно, соответствующую ей уголовно-процессуальную форму¹.

К доказательственным фактам прошлого данное требование относится косвенно, т. е. постольку, поскольку в качестве их формы мы рассматриваем средства доказывания². Поэтому нельзя согласиться с утверждением Л. Т. Ульяновой о том, что «правило о допустимости имеет отношение к источникам сведений о фактах, а правило об относимости касается самих доказательственных фактов»³. Между тем правила об относимости и допустимости доказательств в равной мере применимы и к средствам доказывания, и к доказательственным фактам, причем правила об относимости применяются к содержанию доказательств, а допустимости — к их форме.

Между содержанием и формой доказательств существует тесная связь и взаимообусловленность (как между содержанием и формой любого иного явления). Со-

¹ Так, допустимость результата следственного эксперимента как доказательства вытекает, в частности, из такого правила: «Производство следственного эксперимента допускается при условии, если при этом не унижается достоинство и честь участвующих в нем лиц и не создается опасность для их здоровья» (ч. 2 ст. 183 УПК).

² Говоря о доказательственных фактах, ст. 16 Основ относит к ним «любые фактические данные», однако последние могут выступать в качестве доказательств лишь постольку, поскольку они установлены в конечном счете предусмотренными законом средствами.

³ Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 21. Эта же мысль проведена в работе Я. О. Мотовилова («Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства», Кемерово, 1962, стр. 92).

держание доказательств определяет их форму, форма выражает содержание. Лишенное содержания, хотя и сохранившее форму, доказательство перестает быть таковым. В частности, показания свидетеля, полученные в установленной законом форме, не могут служить доказательствами, если сведения, полученные с помощью их, не имеют отношения к делу. В то же время процессуальная форма доказательств не является простым, пассивным выражением содержания, она активно воздействует на него, способствует его формированию, обеспечивает достоверность содержания.

Как уже говорилось, в момент получения доказательств связь их с искомым фактом является, как правило, предположительной и окончательно устанавливается в ходе дальнейшей работы над доказательствами. Но как только полученные данные приобрели надлежащую форму (что непосредственно выражается в их оформлении процессуальными документами — протоколами допросов, осмотра и т. д.), они уже стали доказательствами, которые должны подвергнуться дальнейшей проверке и оценке. В ходе такой проверки связь доказательств с искомым фактом либо подтвердится, либо не подтвердится. В последнем случае они перестанут быть доказательствами.

Следовательно, факты и сведения о них становятся уполномоченно-процессуальными доказательствами, когда еще содержание их не является абсолютно достоверным, но они уже приобрели надлежащую форму. Эта форма порождает обязанность следователя, суда и других органов окончательно установить наличие связи доказательств с искомым фактом или отвергнуть доказательства как бессодержательные.

Связь содержания и формы доказательств порождает соответствующую связь их относимости и допустимости. Установив, хотя бы предположительно, что доказательство относится к делу, судбно-следственные органы обязаны принять меры к тому, чтобы сделать его допустимым. Вместе с тем допустимость доказательств, как это видно на примере с отверткой, служит процессуальной гарантией их относимости к искомому факту.

Тесная связь относимости и допустимости доказательств не дает оснований стирать вообще всякое различие между ними, как это делал А. Я. Вышинский. Он

смешивал вопросы об относимости и допустимости доказательств, причем вопрос о допустимости доказательств он подменял вопросом об их относимости. Поэтому Вышинский ошибочно утверждал, что закон якобы не устанавливает «формальных границ» к допущению доказательств. Между тем такие «границы» закон устанавливает в виде процессуальной формы доказательств, давая, например, исчерпывающий перечень средств доказывания. Более того, даже в части относимости доказательств закон ставит определенные «формальные границы», устанавливая круг фактов, к которым должны относиться доказательства, т. е. предмет доказывания, который А. Я. Вышинский смешивал с пределами доказывания. Но решать каждый раз вопрос об относимости того или иного доказательства к данному делу должен суд (и следственные органы), основываясь на общих указаниях закона (ст. ст. 15, 16 Основ, ст. 343 УПК). Вопрос же о допустимости доказательства к конкретному делу суд (и следственные органы) решает, строго руководствуясь точными указаниями закона и именно в тех границах, которые устанавливает закон (не допуская, например, во всех случаях в качестве доказательств анонимные заявления, агентурные данные и т. п.).

Вопрос о допустимости доказательств А. Я. Вышинский предлагал решать следствию и суду по их усмотрению, не стесняя их при этом «формальными рамками» закона. Отсюда «концепция» А. Я. Вышинского фактически оправдывала осуждение ни в чем не повинных людей, «вина» которых устанавливалась различными незаконно полученными «доказательствами» — анонимными доносами, «сознаниями», полученными путем применения насилия, и т. п.

Мы уже отмечали, что уголовно-процессуальная форма доказательств, а следовательно, и связанная с ней допустимость доказательств есть выражение принципа социалистической законности в уголовно-процессуальном доказывании и важная предпосылка для его строжайшего проведения в жизнь. Подменяя вопрос о допустимости доказательств вопросом об их относимости, А. Я. Вышинский подрывал принцип законности в доказывании и в уголовном процессе в целом, хотя на словах ратовал за его укрепление.

§ 3. Источники доказательств. Вопрос о критериях классификации доказательств

В действующем законодательстве термин «источник» встречается в ст. ст. 82 и 83 УПК УССР, в которых говорится о документах как «источниках доказательств», а также в статьях о показаниях свидетелей и потерпевших: последние не могут служить доказательствами, если свидетель или потерпевший не может указать «источник своей осведомленности» (ст. ст. 74 и 75 УПК РСФСР).

Понятие «источник доказательств» необходимо для теории и законодательства, ибо, когда говорят о сведениях, являющихся доказательствами, нельзя обойти вопрос, откуда получены эти сведения.

Учитывая точное значение слова «источник»¹, источником средств доказывания будет то, из чего исходят не только сведения о фактах, но и сигналы, с помощью которых такие сведения передаются. Следовательно, источником показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых и подозреваемых, а также заключений эксперта будут соответственно свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые и эксперты, т. е. лица, дающие показания и заключения.

Такое наименование перечисленных лиц дает возможность определить их процессуальное положение и роль в уголовном процессе: свидетели и эксперты являются только источниками доказательств; обвиняемые, подозреваемые и потерпевшие — участниками процесса (субъектами доказывания) и источниками доказательств. Теперь понятно, почему в главах о доказательствах Уголовно-процессуальных кодексов союзных республик содержатся статьи, посвященные определению процессуального положения лиц, являющихся источниками доказательств (например, «лица, вызываемые в качестве свидетелей», ст. 72 УПК РСФСР), ибо от того, насколько правильно определено их процессуальное положение, зависит результат получения от них необходимых сведений.

¹ «Словарь русского языка» под ред. акад. С. П. Обнорского, М., 1955, стр. 225.

Ранее уже говорилось, что свидетели и потерпевшие, давая показания о фактах, в случае, если они не были очевидцами, обязаны указать «источник своей осведомленности» (ст. ст. 74 и 75 УПК). Под источниками здесь следует понимать лиц, сообщивших им определенные сведения, а также документы.

Наконец, определение лиц как источников доказательств (показаний, заключений) важно потому, что это обязывает при оценке соответствующих доказательств обращаться прежде всего к оценке их источников (личных качеств свидетеля — физических и моральных, компетенции эксперта и т. п.). Это — необходимая предпосылка для правильной оценки достоверности показаний и заключений.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 24 марта 1959 г. по делу Щ. говорится, что «как на доказательство обвинения Щ. в неосторожном убийстве П. предварительным следствием и судом сделана ссылка на показания свидетеля Ж., пояснившего, что он следил за Щ. и видел, как тот якобы прицелился и выстрелил в потерпевшего. Объективность показаний свидетеля Ж. вызывает сомнение, если учесть, что Ж. не отрицает своего участия в перестрелке, заявив, что до наблюдения за Щ. он сам стрелял и что именно он и К. имели патроны с дробью № 2¹» (потерпевший был убит дробью № 2. — В. А.). Таким образом, Верховный Суд СССР признал недостоверными показания свидетеля Ж., учитывая, что он заинтересован в исходе дела.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 сентября 1958 г. по делу А. и О. отметил следующее: «...Показания потерпевшего А., находившегося в момент нападения в состоянии сильного опьянения, при оценке их в совокупности с другими данными нельзя признать достаточными для вывода о доказанности обвинения А. и О. в совершении преступления, поскольку с учетом состояния потерпевшего не исключена возможность, что он мог ошибочно воспринять и оценить обстановку в момент происшествия и перепутать вследствие этого лиц, совершивших на него разбойное нападение»². В данном

¹ См «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 5, стр. 15.

² См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 8, стр. 18.

случае Верховный Суд СССР признал недостоверными показания потерпевшего, исходя из его физического и психического состояния.

Если вопрос об источниках показаний и заключений решается сравнительно легко¹, то в отношении документов и вещественных доказательств решение этого вопроса затруднено.

Документы представляют собой предметы материального мира, на которых или с помощью которых искусственно закрепляются (фиксируются) сведения об определенных фактах. По способу фиксации таких сведений документы могут быть письменные (протоколы, справки), графические (карта, чертеж), фотографические (фотодокументы), кинематографические (кинохроника) и иные (слепки со следов, оттиски пальцев рук и т. д.)².

Анализируя структуру документов, нетрудно убедиться, что первоисточником сведений, зафиксированных на них, являются лица, изготовившие такие документы: автор письменного документа, фотограф, кинооператор и т. д. Но это не дает оснований относить документы к

¹ В уголовно-процессуальной литературе он решается аналогично вышеуказанному Р. Д. Рахуновым («Свидетельские показания в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 17), В. И. Каминской («Показания обвиняемого в советском уголовном процессе», М., 1950, стр. 20), Я. О. Мотовиловкером («Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства», Кемерово, 1962, стр. 97—98). В гражданско-процессуальной литературе этот взгляд разделяет К. С. Юдельсон («Судебные доказательства в гражданском процессе», М., 1956, стр. 12—14 и др.).

² См. В. Д. Арсеньев, Понятие документов и значение их как доказательств в советском уголовном процессе, «Труды Иркутского университета им. А. А. Жданова», т. XIII, 1955, стр. 140—150 и др.

Нельзя согласиться с М. А. Чельцовым, который, критикуя наше понятие документов, сводит его лишь к письменному доказательству («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 206). Между тем действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 16 Основ, ст. 88 УПК) не случайно говорит о документах, а не «письменных документах» (ср. ст. 58 УПК 1923 года), включая в это понятие все многообразные формы документов, выступающих как доказательства по делу. М. А. Чельцов недостаточно последовательно рассматривает указанные документы, с одной стороны, как «иллюстративный материал» (стр. 206), с другой — как вещественные доказательства (там же, стр. 199).

доказательствам, полученным от лиц, ибо первоисточник сведений (лицо) как бы отделился от них, а его место занял материальный предмет (штрихи на бумаге и т. п.), начавший уже самостоятельно существовать как источник доказательств.

Таким образом, благодаря специфическому процессу формирования документа как доказательства в нем едино сливаются источник доказательств и средство доказывания. Особенностью документа как источника сведений является постоянство и неизменность названного источника. В условиях уголовно-процессуальной деятельности это, в частности, позволяет «закреплять» сведения, полученные от лиц, с тем, чтобы исключить возможность их дальнейшей утраты в связи с исчезновением таких лиц, смертью, изменением ими показаний и т. д. Вот почему при закреплении сведений в документе последний становится самостоятельным источником.

С учетом изложенного следует признать правильным формулировку понятия документов как «источников доказательств» (ст. ст. 82 и 83 УПК УССР), а также то, что «доказательства могут быть установлены из документов» (ст. 64 УПК Узбекской ССР, ст. 79 УПК Грузинской ССР, ст. 94 УПК Клитовской ССР, ст. 82 УПК Азербайджанской ССР). Однако пользуясь подобными формулировками, нельзя забывать, во-первых, что документы — не только источники сведений, но и средства установления фактов (ст. 74 УПК Киргизской ССР: «доказательства могут быть установлены документами») и, во-вторых, что такое совмещение источников и средств неприменимо к показаниям и заключениям.

Необходимо иметь в виду, что особенности документов как источников и средств доказывания — их постоянность и неизменность — имеют и отрицательные стороны, а именно, эти сведения невозможно непосредственно уточнить и дополнить. Если же мы имеем дело с показаниями лиц, то пробелы в их показаниях можно восполнить путем уточняющих вопросов. Вот почему при пользовании документами как доказательствами следственные органы и суд при необходимости восполнить пробелы в сведениях, полученных из документов, а также для проверки достоверности их должны обращаться к «первоисточникам» этих сведений — лицам, составив-

шим документ (например, по акту ревизии к ревизору¹), а также участвовавшим в составлении документов (к понятым, подписавшим протокол следственного действия, и др.).

Сложным представляется вопрос об источнике вещественных доказательств. Известно, что вещи в процессе доказывания выступают в качестве своеобразных материализованных «сведений», каковыми являются особенности этих вещей, имеющие отношение к искомому факту (индивидуальные признаки похищенной вещи, следы крови на одежде и т. п.). Очевидно, что источниками «сведений» будут сами же вещи. Однако подобное решение вопроса об источнике вещественных доказательств не может быть признано достаточно удовлетворительным, хотя бы потому, что представляет исключительно теоретический интерес и не имеет серьезного практического значения. Между тем говоря об источниках личных доказательств и документов, мы показали практическое значение данного вопроса для законодательства и судебно-следственной практики. Отсюда применительно к вещественным доказательствам нужно говорить об их «первоисточнике», каковым, на наш взгляд, будет выступать место их обнаружения и изъятия. Действительно, если документы как доказательства формируются определенными людьми, в связи с чем последние и могут рассматриваться как их «первоисточники», то вещественные доказательства формируются «стихийно». Например, преступник, оставляя следы на месте происшествия или храня у себя в доме похищенную вещь, не имеет цели с помощью их «удостоверить» свое участие в преступлении. Поэтому считать его «первоисточником» доказательств было бы неправильно. Вещественные доказательства становятся таковыми, будучи обнаружены в определенном месте — при обыске, выемке, осмотре места происшествия, причем место их обна-

¹ См., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 27 июня 1959 г. по делу В. и О. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 1, стр. 27—29). В нем говорится, в частности: «Что касается документальной ревизии о состоянии материальных ценностей на складе, на которую делается ссылка в приговоре суда как на доказательство вины осужденных, то она также опорочена самими ревизорами, допрошенными в судебном заседании».

ружения имеет важное значение для правильной оценки доказательств. Не случайно ст. 176 УПК обязывает указывать в протоколе выемки и обыска в отношении подлежащих изъятию предметов и документов, «в каком именно месте и при каких обстоятельствах они обнаружены».

Это правило применимо и к протоколам осмотра. Б. И. Шевченко правильно указывает, что нарушение его «грозит серьезными последствиями потому, что при дальнейшем расследовании может оказаться очень важным установить именно эти обстоятельства»¹.

Так, при осмотре места кражи денег из сейфа бухгалтерии завода следователь обнаружил на дверце сейфа отпечатки пальцев, которые, как было установлено экспертизой, принадлежали Д., однако следователь не указал в протоколе, на какой стенке дверцы были обнаружены следы — на внутренней или наружной. Данное же обстоятельство имело решающее значение, ибо к наружной стенке Д., как имевший доступ в бухгалтерию, мог прикоснуться случайно, на что обвиняемый и ссылался в показаниях. Следователь же утверждал, что следы были обнаружены на внутренней стенке дверцы. Понятые, присутствовавшие при осмотре, вообще не обратили внимания на это. Таким образом, источник вещественных доказательств (следов) не мог быть достоверно установлен и следы утратили доказательственное значение².

Из приведенного примера видно, какое значение имеет место обнаружения вещественного доказательства для его оценки.

Отсюда и по этимологическим, и по процессуальным соображениям место обнаружения вещественных доказательств должно рассматриваться как их первоисточник. Из указанного теоретического положения следует важный для практики вывод о необходимости точно устанавливать и фиксировать место обнаружения вещественных доказательств и учитывать его особенности при оценке.

¹ Б. И. Шевченко, О некоторых недостатках в практике использования криминалистической техники при расследовании, «Следственная практика», 1960, вып. 44, стр. 126.

² См. «Социалистическая законность» 1963 г. № 1, стр. 69.

Итак, источниками средств доказывания выступают люди (источники показаний, заключений) и материальные предметы (источники вещественных доказательств, документов). Может ли быть понятие источника доказательств применено к другой группе доказательств — доказательственным фактам? На поставленный вопрос, по нашему мнению, нужно ответить отрицательно. Что касается доказательственных фактов прошлого, то ранее указывалось на ошибочность рассмотрения средств доказывания в качестве источников таких доказательственных фактов, ибо они не «извлекаются» из этих средств, а доказываются ими (точнее сведениями о доказательственных фактах, передаваемыми с помощью определенных сигналов). Что же касается доказательственных фактов настоящего, то, поскольку они воспринимаются следователем непосредственно (например, факт опознания одного лица другим), вопрос об их источнике также отпадает (нет необходимости «извлекать» их). До суда подобные факты доходят чаще всего через протоколы (опознания, следственного эксперимента), но и здесь протоколы выступают уже как источники производных доказательств (так же как, например, протоколы допросов свидетелей и других лиц выступают в качестве источников их показаний)¹.

**
*

Источник доказательств является основным критерием деления их на средства доказывания (у которых он имеется) и доказательственные факты (у которых он отсутствует). Вместе с тем он служит критерием классификации средств доказывания, которую дает сам закон, подразделяя эти средства на показания свидетелей, заключения экспертов и т. д. (ч. 2 ст. 16 Основ). На основе данного критерия построена «особенная часть» системы и теории доказательств в уголовном процессе, т. е. нормы и теоретические положения, относящиеся к показаниям свидетелей (ст. ст. 72—74 УПК), заключениям экспертов (ст. ст. 78—82 УПК), вещественным доказательствам (ст. ст. 83—86 УПК) и т. д. Однако такая классификация охватывает лишь средства доказывания и по-

¹ Подробнее об этом см. далее.

могает уяснить особенности различных средств доказывания только со стороны их источника. Для уяснения многообразных особенностей всех доказательств она была бы недостаточна. Поэтому наука советского уголовного процесса, опираясь на закон и данные судебно-следственной практики, выдвинула еще три основных критерия классификации доказательств.

По предмету доказывания они подразделяются на обвинительные и оправдательные. Рассматриваемая классификация основана на ст. 14 Основ, согласно которой суд и другие органы обязаны «выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства», и на ст. 16 Основ, гласящей, что доказательства устанавливают «наличие или отсутствие общественно опасного деяния».

Против указанной классификации выступал А. Я. Вышинский, утверждавший, что она представляется неправильной, чисто схоластической, искусственной, и скорее говорит о направлении использования или оценки доказательства, чем о его природе. Подобное утверждение необоснованно: классификация доказательств на обвинительные и оправдательные основана не на природе их, а на предмете доказывания. Такой критерий отвечает не на вопрос, как и чем эти доказательства доказывают, а что они доказывают — наличие или отсутствие преступления, виновность или невиновность обвиняемого и т. д.

Приведенное деление доказательств не опорочивается, вопреки мнению А. Я. Вышинского, тем, что один и тот же факт по одному делу может выступать сначала как обвинительное, а затем как оправдательное доказательство. Это зависит от установления по делу других доказательств, в сочетании с которыми указанный факт дает основание для иной версии, чем та, которая выдвигалась только на его основе. Наконец, для данного деления не имеет существенного значения то, что от одного и того же источника (свидетеля, обвиняемого) мы можем получить различные сведения, одни из которых могут быть обвинительными, другие оправдательными доказательствами.

Основное значение деления доказательств на обвинительные и оправдательные состоит в том, что оно способствует обеспечению объективности и всесторонности

расследования, недопущению необоснованного привлечения к ответственности и осуждения граждан. Признание такого деления схоластическим и искусственным ошибочно.

В основе деления доказательств на первоначальные и производные лежит отношение их источника к предмету доказывания. Если свидетель или другое лицо непосредственно воспринимало определенные обстоятельства и затем дало показания о них, то такие показания считаются полученными из «первоисточника» и являются первоначальными. Первоначальными всегда будут вещественные доказательства как составные материализованные «частицы» предмета доказывания. Если показания получены от свидетеля или другого субъекта, который непосредственно не воспринимал факты, сведения о которых он сообщает, то они будут производными доказательствами. В подобном случае свидетель и другой субъект обязаны указать источник своей осведомленности (ст. ст. 74 и 75 УПК), т. е. первоисточник. Без этого его показания не могут рассматриваться как доказательства. Указанные нормы УПК и являются правовой основой для классификации доказательств на первоначальные и производные. Они свидетельствуют также о большом практическом значении такой классификации.

Могут ли быть производными вещественные доказательства и к каким доказательствам (по указанному критерию) относятся документы? Чтобы правильно ответить на вопрос, нужно иметь в виду, что процесс формирования производных доказательств, на наш взгляд, может быть: а) стихийным и б) искусственным.

Пример стихийного процесса формирования производных доказательств — сообщение одного лица другому о наблюдавшихся им фактах. Лица, как правило, не отдают себе отчета в участии в процессе формирования производного доказательства: между ними происходит обычный разговор, который затем может иметь значение для дела. Стихийность процесса формирования в основном отрицательно влияет на полноту и достоверность передаваемых сведений, а также на точность и полноту их восприятия «вторым» источником. С этим и связано требование закона об обязанности лица, являющегося источником производного доказательства, назвать первоис-

точник, чтобы по возможности получить сведения непосредственно от него.

Искусственный способ формирования производных доказательств представляется более надежным. Так, если свидетель-очевидец дает показания следователю, то последний по отношению к суду, который окончательно будет решать дело и которому свидетель по тем или иным причинам не сможет непосредственно дать показаний, мог бы выступить как источник производных доказательств. Однако законодательство устанавливает иной порядок доведения до суда сведений, сообщенных свидетелем на предварительном следствии, а именно посредством протоколов допроса, являющихся источниками производных доказательств. Поэтому процессуальные документы, фиксирующие получение таких доказательств, как показания (протоколы допросов), вещественные доказательства (протоколы обыска и других следственных действий), являются производными доказательствами по отношению к тем, которые зафиксированы в них. Составление же таких документов есть «сознательно организуемый процесс создания производных доказательств»¹.

При этом нельзя согласиться с Р. Д. Рахуновым, утверждающим, что, поскольку ст. 87 УПК к доказательствам относит протоколы не всех следственных действий, а только перечисленных в ней — осмотра, освидетельствований, обыска, задержания, предъявления для опознания и следственного эксперимента, то протоколы допросов нельзя рассматривать как доказательства². Подобное утверждение противоречит ст.ст. 281 и 286 УПК, допускающим оглашение во время судебного следствия показаний обвиняемых и свидетелей, данных на предварительном следствии и дознании, т. е. использование в качестве доказательств протоколов допросов этих лиц³.

¹ См. С. В. Курылев, Сущность судебных доказательств, «Труды Иркутского Государственного университета им. А. А. Жданова», т. XVII, вып. 2, стр. 94.

² См. «Новое уголовное законодательство РСФСР», М., 1961, стр. 156.

³ При этом, в соответствии с принципом непосредственности (ст. 37 Основ), использование указанных протоколов может иметь место лишь в случаях, прямо предусмотренных в упомянутых статьях Уголовно-процессуального кодекса. В остальных случаях суд должен непосредственно допросить свидетелей и других лиц,

Процессуальная природа протоколов допросов принципиально ничем не отличается от природы протоколов других следственных действий. Единственное отличие — отсутствие понятых при их составлении — характеризует лишь особенность данных протоколов как доказательств, но не исключает их из числа таковых. Следовательно, данный в ст. 98 УПК перечень следственных действий, протоколы которых являются доказательствами, нельзя считать исчерпывающим, а ст. 87 УПК нуждается в распространительном толковании. В этом отношении более удачными, на наш взгляд, представляются формулировки статей УПК других союзных республик (за исключением УПК Киргизской ССР). Они рассматривают как доказательства протоколы всех следственных действий (ст. 82 УПК УССР, ст. 63 УПК Узбекской ССР, ст. 67 УПК Латвийской ССР, ст. 64 УПК Эстонской ССР и др.).

Что же касается непроцессуальных документов, то первоначальный или производный характер их зависит не столько от того, являются ли они подлинниками или копиями, на что обычно ссылаются в литературе, сколько от того, как они (их источники) относятся к искомому факту. Например, документы — вещественные доказательства (ч. 2 ст. 88 УПК) являются первоначальными доказательствами, поскольку их источник непосредственно связан с искомым фактом. Прочие документы, не являющиеся вещественными доказательствами, — акты ревизий, справки и т. д. (ч. 1 ст. 88 УПК), составляют производные доказательства, так как содержат сведения о доказательственных и искомых фактах, в качестве первоисточников которых выступают их авторы и составители (ревизор, составивший акт ревизии, лицо, выдавшее справку). Вот почему поддельная копия диплома по делу о подлоге может быть первоначальным доказательством, а подлинный акт ревизии — производным.

✓ Данное положение имеет большое практическое значение, обязывая при анализе таких производных доказательств, как актов ревизий, справок и т. п., в случае необходимости обращаться к их первоисточникам. Что касается документов, служащих первоначальными дока-

хотя показания их в суде могут быть и менее достоверными, чем на предварительном следствии.

зательствами, то собирать и исследовать их нужно по правилам, установленным для вещественных доказательств, и оценивать их следует как вещественные доказательства.

Вещественные доказательства могут быть только первоначальными в силу непосредственного отношения их источника к искомым фактам. Поэтому фотоснимки вещественных доказательств, гипсовые слепки со следов и т. п., являясь способами процессуального закрепления вещественных доказательств (ст. ст. 84, 183, 186 УПК), вопреки мнению М. А. Чельцова, нельзя рассматривать как вещественные доказательства¹. Они представляют особую разновидность процессуальных документов.

Поскольку критерием деления доказательств на первоначальные и производные выступает отношение их источников к искомым фактам, то указанное деление не относится к доказательственным фактам, не имеющим источников. Однако в случаях, когда такие факты, как результат следственного эксперимента и факт опознания, фиксируются в протоколах соответствующих следственных действий, последние становятся производными от них доказательствами.

Наконец, доказательства в уголовном процессе подразделяются на прямые и косвенные. Причем, если деление доказательств на обвинительные и оправдательные является специфическим для уголовного процесса, на первоначальные и производные — специфическим для всего судебного (уголовного и гражданского) процесса, то деление на прямые и косвенные от-

¹ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 206.

Появление в последнее время более совершенных способов фиксации вещественных доказательств (фиксация с помощью эластичных полимеров) не изменила природы копий вещественных доказательств как особого вида документов. Теоретическое положение о первоначальном характере вещественных доказательств имеет большое практическое значение, обязывая следственные органы и суд, в соответствии с принципом непосредственности, стремиться к получению этих доказательств в натуре, что дает возможность наиболее всестороннего их исследования и правильной оценки.

Производный характер фотоснимков вещественных доказательств, а также их специальных копий требует от следователя и суда при оценке их как доказательств учитывать прежде всего то, насколько точно они отражают соответствующие оригиналы.

носится к любым доказательствам и изучается в соответствующем разделе логики.

Логика делит доказательства на указанные виды по способу доказывания.

Прямое доказательство «устанавливает истинность доказываемого тезиса посредством исследования самого доказываемого тезиса»¹, причем эта истинность выводится из других, ранее доказанных или признанных истинными положений. Косвенное доказательство устанавливает истинность тезиса, исследуя некоторые иные положения, которые «так связаны с доказываемым тезисом, что из установления их ложности необходимо вытекает истинность доказываемого тезиса»².

Отмеченные особенности прямых и косвенных логических доказательств присущи в основном и уголовно-процессуальным доказательствам. Например, если обвиняемый показывает о совершенном им преступлении или об этом дает показания свидетель-очевидец, то, признав полученные сведения об искомом факте истинными, мы тем самым устанавливаем истинность самого искомого факта. Следовательно, признание обвиняемого, показания свидетеля-очевидца и потерпевшего о факте преступления являются прямыми доказательствами. Косвенным же будет, например, факт нахождения у обвиняемого похищенной вещи. Он дает основания выдвинуть ряд версий о его причинах: хищение вещи обвиняемым, находка им вещи, покупка ее обвиняемым и т. д. Если мы выдвинули все возможные предположения по данному вопросу, а затем при проверке все предположения, за исключением первого, оказались опровергнутыми собранными по делу доказательствами, то мы приходим к истинности доказываемого тезиса («обвиняемый виновен в краже») логическим методом делительного косвенного доказательства. При этом в юридическом отношении здесь имеет место не одно, а совокупность косвенных доказательств.

В настоящее время в литературе общепризнанным критерием деления доказательств на прямые и косвенные является их отношение к искомому факту. Однако

¹ «Логика» под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца, М., 1956, стр. 242.

² Там же.

существуют различные интерпретации этого критерия, что не способствует усвоению практикой правильного подхода к такой классификации. Так, А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов указывают, что прямые доказательства «прямо относятся к подлежащему доказыванию главному факту», косвенные доказательства «прямо и непосредственно главного факта не доказывают, а устанавливают лишь различные частные обстоятельства, отношение которых к делу не очевидно...»¹. Подобную трактовку критерия связи нельзя признать удовлетворительной, так как она в значительной мере сводится к тавтологии.

Полагаем, что прямыми доказательствами следует рассматривать те средства доказывания и доказательственные факты, связь которых с искомым фактом, в частности с виновностью или невиновностью обвиняемого, очевидна, а косвенными — те, связь которых с искомым фактом, в частности с виновностью или невиновностью обвиняемого, не является очевидной.

Напомним, что очевидность не означает достоверность, т. е. она может быть кажущейся. Поэтому очевидность связи не означает еще, что такая связь действительно существует. Вот почему при предлагаемой трактовке критерия связи (отношения) он дает возможность разграничить уголовно-процессуальные доказательства по указанным группам в точном соответствии с их логической природой. Так, сознание в преступлении подозреваемого и обвиняемого, показания очевидцев преступления — свидетелей и потерпевших будут прямыми доказательствами в силу очевидной связи сообщаемых ими сведений с виновностью обвиняемого, хотя достоверность связи должна быть еще установлена. Обнаруженная при обыске похищенная вещь будет косвенным доказательством, так как связь его с виновностью обвиняемого не очевидна и должна быть установлена дополнительными данными, которые подтвердили бы наличие ее и опровергли возможность иных связей.

Деление доказательств на прямые и косвенные применимо как к средствам доказывания, так и к доказательственным фактам.

¹ А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 7.

Средства доказывания могут быть прямыми (показания обвиняемого, потерпевших, свидетелей-очевидцев)¹ и косвенными (большинство вещественных доказательств).

Доказательственные факты чаще всего бывают косвенными, но могут быть и прямыми доказательствами: например, факт опознания обвиняемого потерпевшим является прямым доказательством виновности обвиняемого, *alibi* — прямым доказательством его невиновности.

Такое деление доказательств имеет большое практическое значение при их оценке. Так, если при оценке прямых доказательств суд и следственные органы должны уделять основное внимание вопросу о достоверности их, то при оценке косвенных доказательств необходимо решить прежде всего, относятся ли они вообще к искомому факту.

¹ При этом опять-таки не исключается возможность, что одни сведения, полученные от того же самого источника, могут быть прямыми доказательствами, другие — косвенными.

Оценка уголовно-процессуальных доказательств

§ 1. Содержание и форма оценки доказательств

Исследование проблем, связанных с оценкой доказательств, представляет особый интерес для теории доказательств. Если доказывание в целом составляет «сердцевину» уголовного процесса, то оценка доказательств является «душой» уголовно-процессуального доказывания¹.

Рассмотрим, прежде всего, вопрос о содержании понятия оценки доказательств. Закон (ст. 17 Основ), устанавливая, кто и как оценивает доказательства, не определяет содержание самой оценки. Кратко его можно было бы охарактеризовать как определение силы и значения каждого доказательства в отдельности и всех доказательств в совокупности. Но такая характеристика не раскрывает многих существенных элементов указанного понятия и нуждается в более детальном рассмотрении. Для этого, на наш взгляд, прежде всего необходимо четко разграничить оценку каждого доказательства в отдельности и всех доказательств в совокупности.

Статья 17 Основ устанавливает, что суд и другие органы оценивают доказательства по внутреннему убеждению, «основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности». Под «обстоятельствами дела» здесь, как уже отмечалось, имеются в виду доказательства, и, следовательно, закон требует оценки доказательств в их совокупности. Однако из изложенного не следует, что

¹ Это, конечно, ни в коей мере не должно умалять значения исследования других элементов доказывания — собирания и проверки доказательств.

каждое доказательство не может и не должно оцениваться отдельно.

Оценка доказательств по совокупности дает ответ на вопрос о достаточности собранных и исследованных доказательств для вывода о доказанности тех или иных фактов. Но такой вывод можно сделать, оценив лишь каждое доказательство в отдельности, приняв во внимание его источник, относимость, допустимость и достоверность. Конечно, этим не исчерпывается решение вопроса о достоверности каждого доказательства. Для решения его необходимо сопоставить данные доказательства с другими¹. Таким образом, только оценив доказательства в совокупности, мы окончательно устанавливаем достоверность каждого доказательства и получаем ответ на вопрос о достаточности их для вывода о доказанности искомого факта. Но обойтись без предварительной оценки каждого доказательства в отдельности мы не можем. Ф. Энгельс писал: «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно...»².

С точки зрения логики оценка отдельных доказательств, при которой они расчленяются еще на отдельные элементы (источники, содержание, процессуальная форма), представляет собой анализ доказательств, а сопоставление этих элементов в каждом доказательстве, так же как и сопоставление всех доказательств в совокупности, представляет собой их синтез.

Оценка различных видов средств доказывания при сохранении общих ее принципов, установленных ст. 17 Основ, имеет и существенные отличия, связанные с особенностью источников доказательств, их процессуальной формы и т. д. То же относится и к доказательственным фактам. Поэтому совершенно оправданно, что в работах, посвященных отдельным видам доказательств, рассматривается вопрос об оценке конкретного вида доказательств (свидетельских показаний, заключений экспертов и т. д.)³.

¹ Подробнее об этом см. § 2 настоящей главы.

² Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1958, стр. 134.

³ См. Р. Д. Рахунов, Свидетельские показания в советском уголовном процессе, М., 1955, гл. V; В. А. Притузова, Заключение эксперта как доказательство в советском уголовном процессе, М., 1959, § 3 гл. 2.

Отдельные доказательства оценивают как в ходе, так и в итоге собирания и исследования их в каждой стадии уголовного процесса. Совокупность доказательств оценивается, как правило, в итоге их собирания и исследования в каждой стадии уголовного процесса, причем в ходе собирания и исследования встречается иногда лишь предварительная оценка имеющейся (еще не полной) совокупности доказательств, необходимая для решения таких вопросов, как привлечение лица в качестве обвиняемого (ст. 143 УПК).

Нельзя согласиться с утверждением, что оценка доказательств на предварительном следствии всегда носит предварительный характер в отличие от окончательной оценки, даваемой судом при постановлении приговора¹. На предварительном следствии оценка доказательств может быть такой же окончательной, как и в суде, например при прекращении дела производством за неустановлением события преступления². Предварительный или окончательный характер оценки доказательств определяется не стадией процесса, а тем, завершает ли данная оценка процесс доказывания по делу или нет.

Переходя непосредственно к вопросу о содержании оценки доказательств, отметим, что оно, на наш взгляд, будет различным, в зависимости от того, идет ли речь об отдельном доказательстве или о доказательствах в совокупности.

В содержание оценки каждого отдельного доказательства входит разрешение вопросов: а) об источнике доказательства (средстве доказывания); б) об относимости и допустимости доказательства; в) о достоверности доказательства.

Разрешение вопроса об источнике доказательства (средстве доказывания), как уже говорилось³, имеет большое значение для определения силы и значения данного доказательства⁴. Необходимость разрешения

¹ См. А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 90.

² На это правильно указывают авторы «Комментария к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 г.», изд. ЛГУ, 1962, стр. 30.

³ См. § 3 гл. 3.

⁴ Ряд авторов, говоря о содержании понятия оценки доказательств, игнорируют этот важный вопрос, что является сущест-

вопроса об относимости и допустимости доказательства при его оценке настолько очевидна, что нет нужды обосновывать это. Что же касается вопроса о достоверности доказательства, то в отношении различных средств доказывания, как и доказательственных фактов, он решается неодинаково. Применительно к показаниям, заключениям и документам, содержащим сведения о доказательственных и искомых фактах, поставленный вопрос означает, достоверны ли указанные сведения. Применительно к вещественным доказательствам он совпадает по существу с вопросом об относимости последних к искомому факту, а также связан с вопросом об их подлинности (например, данным ли ножом нанесено телесное повреждение, эти ли следы изъяты с места происшествия)¹.

Относительно такого доказательственного факта настоящего времени, как результат следственного эксперимента, решение вопроса о его достоверности означает установление достоверной возможности (или невозможности) определенного события (действия) в конкретных условиях (возможность или невозможность проникнуть в магазин через отверстие в стене и т. п.). Достоверность факта опознания означает достоверное узнавание опознаваемого (произошло ли оно по индивидуально определенным приметам и т. д.). Применительно к доказательственным фактам прошлого достоверность их как доказательств означает, во-первых, что указанные факты в действительности имели место и, во-вторых, что они определенным образом связаны с искомыми фактами.

Оценка доказательств по совокупности производится после того, как каждое доказательство оценено в отдельности. Она, как правило, составляет итог доказывания в каждой стадии уголовного процесса.

венным недостатком их определений (см. А. Л. Ривлин, Пересмотр приговоров в СССР, М., 1958, стр. 204; А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 86—89).

¹ По делу К. следователь не зафиксировал в протоколе факт изъятия им следов пальцев рук обвиняемого с бутылки, обнаруженной на месте кражи, что дало повод обвиняемому в дальнейшем утверждать, что следы были изъяты в другом месте. В связи с этим данные следы утратили значение вещественных доказательств («Социалистическая законность» 1963 г. № 1, стр. 68).

В содержание оценки доказательств по совокупности входит прежде всего окончательное решение вопроса о достоверности каждого доказательства в отдельности. Решение его дает основу для решения другого важного вопроса оценки доказательств, а именно: достаточна ли данная совокупность доказательств для того, чтобы на их основе установить наличие или отсутствие искомых по делу фактов.

В различных стадиях уголовного процесса указанный вопрос решается в различном объеме. Это связано с местом и назначением конкретной стадии и объемом компетенции соответствующих субъектов, производящих оценку.

а) Так, на предварительном следствии следователь и прокурор, оценив доказательства, вправе решить вопрос о доказанности или недоказанности искомых по делу фактов и в соответствии с этим решить уже вопрос о направлении дела в суд, прекращении его и т. д.

б) В стадии предания суду судья (суд) вправе решать вопрос лишь в отношении того, «собраны ли по делу доказательства, достаточные для рассмотрения дела в судебном заседании» (п. 4 ст. 222 УПК), не предвещая при этом вопроса о виновности обвиняемого (ст. 36 Основ). Следовательно, здесь из содержания оценки доказательств выпадает решение вопроса об их достоверности¹.

в) В стадии судебного разбирательства суд, оценивая доказательства, должен решить вопрос о доказанности искомого факта, на основании чего он вправе постановить обвинительный или оправдательный приговор.

г) В стадии кассационного и надзорного производства решение основного вопроса оценки доказательств заключается в установлении того, достаточна ли имеющаяся в деле совокупность доказательств, чтобы на ее основе суд первой инстанции мог прийти к выводу о доказанности события преступления и виновности обвиняемого².

¹ См. определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29 мая 1961 г. по делу И. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1961 г. № 6, стр. 22).

² «Выводы вышестоящего суда, — указывает А. Л. Ривлин, — это выводы о выводах суда первой инстанции, их законности и обоснованности» («Пересмотр приговоров в СССР», М., 1958, стр. 213).

Через какую же объективную форму выражается содержание оценки доказательств? Решение данного вопроса является предпосылкой для решения вопроса о процессуальной форме оценки доказательств.

Основу процессуальной формы оценки доказательств составляет правило ст. 17 Основ, устанавливающее субъектов оценки, метод оценки (внутреннее убеждение), предмет оценки (совокупность доказательств) и т. д. Однако этим не исчерпывается процессуальная форма оценки доказательств. В отличие от собирания и исследования, которые представляют собой процессуальные действия, и о соблюдении процессуальной формы которых свидетельствуют протоколы этих действий (протоколы допроса, осмотра и др.), оценка доказательств представляет собой мыслительную деятельность. Ее нельзя отразить в протоколе. Каким же образом можно судить о соблюдении требований закона (процессуальной формы) при оценке доказательств? Об этом возможно судить по двоякого рода внешним данным, а именно: а) по выводам, сделанным соответствующим субъектом доказывания на основе оценки доказательств и изложенным в его постановлении (определении, приговоре), и б) по изложению самой оценки доказательств (т. е. рассуждений о них) в письменной форме в перечисленных процессуальных актах.

Что касается выводов по результатам оценки доказательств, то они являются опосредствованным выражением или опосредствованной формой оценки доказательств. Непосредственной же объективной формой оценки доказательств по совокупности в итоге процесса доказывания в каждой стадии уголовного процесса, на наш взгляд, будет письменное изложение оценки доказательств в соответствующих процессуальных актах (обвинительном заключении, приговоре и др.). Оно является важной составной частью уголовно-процессуальной формы оценки доказательств¹, поскольку именно она дает возможность судить о выполнении требований ст. 17 Основ. Вот почему в большинстве процессуальных актов, в которых фиксируется решение по резуль-

¹ Это правильно отмечает Р. Д. Рахунов в книге «Участники уголовно-процессуальной деятельности», М., 1961, стр. 71.

татам оценки доказательств, закон обязывает письменно излагать оценку. Например, в обвинительном заключении нужно указать «доказательства, которые подтверждают наличие преступления и виновность обвиняемого» (ч. 2 ст. 205 УПК), а в обвинительном приговоре — «доказательства, на которых основаны выводы суда и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства» (ч. 1 ст. 314 УПК). В оправдательном приговоре «приводятся доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого, с указанием мотивов, объясняющих, почему суд отверг доказательства, на которых было основано обвинение» (ч.2 ст. 314 УПК). В кассационном определении, а также в постановлении и определении надзорной инстанции должны быть указаны либо «основания, по которым доводы жалобы или протеста признаны неправильными или несущественными», либо «в чем состоит необоснованность приговора» (ст. ст. 351, 381 УПК). И лишь в стадии предания суду с учетом ее специфического характера закон обязывает указать в постановлении (определении) о предании суду только «вывод о достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании» (ст. 230 УПК).

Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание судов на необходимость письменно излагать оценку доказательств в приговорах и других процессуальных актах¹. Указанное требование содержится в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре», от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке», от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел», а также в постановлениях и определениях по отдельным уголовным делам.

Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 30 мая 1959 г. по делу К. и др., которым был отменен приговор по данному делу, по поводу показаний свидетелей Б. и И. указано: «Показания этих ничем не опороченных по делу свидетелей судом не только не опровергнуты, но в нарушение ст. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 5, стр. 31.

от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» суд вообще не дал им никакой оценки, и в приговоре на показания названных выше свидетелей, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела, даже не имеется никакой ссылки»¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 24 марта 1959 г. по делу Щ. отмечается, в частности, что «Президиум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 13 августа 1958 г. не дал оценки имеющимся в деле данным»².

Письменно излагать оценку доказательств по закону не обязательно лишь в таких процессуальных актах, которыми не завершается доказывание в данной стадии уголовного процесса (например, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого — ст. ст. 143 — 144 УПК). В них оценка доказательств не имеет непосредственной объективной формы и проявляется вовне только через посредство вывода, который делается субъектами доказывания по результатам оценки. В подобных случаях судить о соблюдении требований ст. 17 Основ при оценке доказательств труднее³.

Таковы основные моменты, связанные с процессуальной формой оценки доказательств.

§ 2. Значение практики и внутреннего убеждения в оценке доказательств

Рассмотрим основные факторы, действующие при оценке каждого доказательства в отдельности и всех доказательств в совокупности в любой стадии уголовного процесса, а именно: а) объективный — практика, являющаяся основой познания и критерием истины при оценке доказательств, и б) субъективный — внутреннее убеждение как метод и результат оценки доказательств.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 5, стр. 31.

² Там же, стр. 15.

³ Поэтому в отдельных случаях закон требует письменного изложения оценки даже отдельных доказательств. Так, несогласие следователя и другого органа с заключением эксперта «должно быть мотивировано» (ст. 80 УПК).

В теории уголовно-процессуальных доказательств проблемы практики и внутреннего убеждения невозможно правильно решить в отрыве одна от другой¹.

С. А. Голунский указывал, что «признание важности критерия практики в уголовном процессе ни в коей мере не означает отрицания или хотя бы умаления значения внутреннего судейского убеждения. Наоборот, только путем правильного использования критерия практики в уголовном процессе можно подвести под судейское убеждение твердую базу, устранить разрыв между объективным и субъективным в этой области»².

Однако прежде чем говорить о взаимосвязи этих факторов, следует рассмотреть каждый из них в отдельности.

Марксистско-ленинская теория познания рассматривает практику не только как основу, инструмент познания, но и как критерий истинности наших знаний об окружающем внешнем мире. Ф. Энгельс подчеркивал, что «успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей»³. Комментируя данное положение, В. И. Ленин указывал: «У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая *объективный* критерий истины...»⁴.

Известно, что основные положения теории познания, в том числе и положение о практике как основе познания и критерии истины, применимы «не только в философском, но и во всяком другом познании»⁵, в частности в познании, осуществляемом в уголовном процессе. Однако в науке советского уголовного процесса такой кри-

¹ В отрыве одна от другой указанные проблемы рассматривает М. С. Строгович в работе «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» (М., 1955, стр. 81—82, 106—158) и А. И. Трусов в работе «Основы теории судебных доказательств» (М., 1960, стр. 91—114, 159—174).

² С. А. Голунский, Об оценке доказательств в советском уголовном процессе («Советское государство и право» 1955 г. № 7, стр. 75).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 91.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 177.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 343.

терий долго игнорировали и даже прямо отрицали¹. Только в 1955 году он был «восстановлен в правах»², а затем получил и дальнейшую теоретическую разработку.

Основная причина отрицательного отношения к указанному критерию состояла в том, что понятие практики сужали до понятия эксперимента. Например, А. Я. Вышинский отмечал, что специфическая особенность судебной деятельности обусловлена обстоятельствами, исключающими возможность экспериментирования, проверки выводов при помощи соответственно изменяемой обстановки и условий эксперимента.

Сведя таким образом понятие практики к эксперименту и не усматривая возможности экспериментальной проверки фактов при производстве по уголовным делам, А. Я. Вышинский утверждал, что указанные факты в уголовном процессе могут быть установлены лишь с «максимальной вероятностью».

Между тем понимание практики только как эксперимента не соответствует марксистско-ленинской теории познания, рассматривающей ее как разнообразные формы практической деятельности — производственной, политической, научной и другой. Сюда относится, в частности, деятельность судебно-следственных органов по расследованию преступлений и рассмотрению уголовных дел. В настоящее время она и рассматривается как основа познания и критерий истинности фактов, устанавливаемых при производстве по этим делам. Так, С. А. Голунский писал: «Познание осуществляется в самом процессе практики следственных и судебных органов, и путем той же практики проверяется правильность выводов, сделанных на основе собранных фактов»³. Ана-

¹ С. А. Голунский, О вероятности и достоверности в уголовном суде, «Проблемы уголовной практики», кн. IV, 1937, стр. 65; М. С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М., 1947, стр. 102.

² С. А. Голунский, Об оценке доказательств в советском уголовном процессе («Советское государство и право» 1955 г. № 7, стр. 74—76); А. А. Пионтковский и В. М. Чхиквадзе, Некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса («Советское государство и право» 1956 г. № 4, стр. 35—38); М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 80—82.

³ С. А. Голунский, Об оценке доказательств в советском уголовном процессе, стр. 76.

логичные соображения об использовании критерия практики при оценке доказательств высказывают М. С. Строгович¹ и А. И. Трусов². Представляется, что эти соображения в основном правильны, но нуждаются в уточнении.

Прежде всего необходимо различать понятие практики в двух отношениях: а) практику как основу познания и б) практику как критерий истинности наших знаний. И хотя оба понятия тесно связаны между собой, однако это все же не исключает их различия, которое очень важно для правильного разрешения проблемы критерия истины в уголовном процессе.

Практика как деятельность, как процесс есть основа познания. В этом отношении понятие практики имеет то значение для уголовно-процессуального доказывания, что его необходимо рассматривать не только как психическую (чувственную и мыслительную) деятельность, но и как деятельность, в которой органически сочетаются «живое созерцание», «абстрактное мышление» и практика (следственные действия), ибо без последней невозможно было бы познать искомые по делу факты. Поэтому следственная и судебная практика как деятельность является основой и инструментом³ познания фактов, а не критерием истинности наших знаний о данных фактах.

Как критерий же истинности наших знаний об окружающем мире практика выступает в виде результатов определенных практических действий, направленных на познание объективных закономерностей.

Ф. Энгельс подчеркивал, что доказательством соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей является «успех наших действий», т. е. определенный успешный результат их (например, получение органических соединений из химических элементов без помощи органических процессов). В. И. Ленин писал: «Результат действия,— есть проверка субъ-

¹ См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 187.

² См. А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 103.

³ О значении практики как инструмента познания см. далее.

ективного познания и критерий истинно сущей объективности»¹.

Проиллюстрируем это на такой разновидности практической познавательной деятельности, как эксперимент. Последний заключается в искусственном воспроизведении явления (в физике), искусственном получении вещества (в химии) и т. д. Таким образом, как метод, как процесс он дает возможность получить определенный результат, а уже данный результат — воспроизведенное явление, полученное вещество — выступает как критерий истинности наших знаний. При этом искусственное воспроизведение тех или иных явлений не всегда дает возможность непосредственно наблюдать их. Такой эксперимент, как «броуновское движение», состоит в том, что взвешенные в жидкости или газе микроскопические частицы какого-либо нерастворимого вещества совершают непрерывное беспорядочное движение. «Броуновское движение», — пишет К. А. Путилов, — как бы воспроизводит в грубой форме картину теплого движения молекул...»². Однако оно отнюдь не есть собственно молекулярное движение, а есть лишь «доказательство существования молекул и их хаотического движения»³.

Точно так же при получении искусственного электрического тока в проводнике наблюдать его можно, главным образом, по электромагнитным явлениям, возникающим при прохождении тока. Отсюда экспериментальная проверка наших представлений о явлениях природы, если даже она связана с искусственным воспроизведением их, не означает еще возможности непосредственно наблюдать эти явления, а выражается в получении посредством эксперимента доказательств истинности наших представлений об указанных явлениях.

Экспериментальный метод проверки наших знаний — не единственный в науке и практике. К таким методам относится также непосредственное наблюдение фактов. К. Маркс писал: «Физик или наблюдает процессы природы., или же, если это возможно, производит экспе-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1949, стр. 120.

² К. А. Путилов, Курс физики, М., 1949, стр. 298.

³ Б. М. Яворский и др., Курс лекций по физике, т. 1, 1958, стр. 187.

римент...»¹, но и в случаях, когда методом научного познания выступает наблюдение, оно опять-таки дает критерий истины лишь постольку, поскольку в результате его мы получаем какие-то факты (например, открытие планеты Нептун астрономом Галле в том месте, которое ранее было рассчитано математиком Лавуазье).

Наблюдение — основной метод исследования в области общественных наук. В результате его мы устанавливаем определенные факты общественной жизни, которые, являясь частицами общественно-исторической практики человечества, дают основания для выводов о наличии определенных общественных закономерностей, т. е. выступают как критерий истины наших знаний об этих закономерностях. В. И. Ленин писал о «Капитале» К. Маркса: «Проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»². Таким образом, В. И. Ленин прямо указывал на факты общественной жизни, которыми Маркс проверял и подтверждал свои выводы, как на практику, критерий истинности его выводов.

Итак, практика как критерий истины выступает в виде результатов определенных практических действий, направленных на познание закономерностей развития природы и общества. Сущность результатов как критерия истины состоит в том, что они, как указывал Ф. Энгельс, дают «доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей»³, т. е. иначе говоря, выступают как доказательства истинности наших знаний о природе и обществе.

Приведенные соображения о понятии практики как критерии истины относятся и к уголовному процессу.

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, 1949, стр. 4.

В этой связи отметим, что утверждение М. С. Строговича о том, что неприменимость эксперимента в уголовном процессе является «специфической» для последнего чертой познания истины, («Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 82) неправильно, поскольку эксперимент неприменим и в других областях науки, а, с другой стороны, в уголовном процессе эксперимент частично применим и выражается в «воспроизведении действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершении необходимых слывших действий» (ст. 183 УПК).

² В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 216.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II стр. 91.

В нем критерием истинности выводов о наличии или отсутствии искомого по делу фактов являются доказательства, на которых основаны такие выводы.

Доказательства по уголовному делу выступают в качестве фактов, связанных с искомыми по делу фактами (доказательственные факты), и в качестве сведений об искомых фактах (средства доказывания). И те, и другие выражают практику, во-первых, как частицы общественной (общежитейской) практики и, во-вторых, как результаты практических действий, направленных на собиране и исследование этих доказательств. Так, показания свидетелей и других субъектов есть результат их допроса, вещественные доказательства мы получаем в результате обыска и других следственных действий и т. д.

Возвращаясь к высказываниям С. А. Голунского и других авторов о практике как критерии истины в уголовном процессе, отметим, что они ограничивают данное понятие только деятельностью, следственными действиями и упускают то, что в данное понятие входят прежде всего результаты следственных действий — доказательства, оценив которые субъекты доказывания приходят к определенным выводам. Критерий практики прямо указан в законе, регулирующем оценку доказательств, т. е. в ст. 17 Основ, гласящей, что суд и другие органы «оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности»¹ (разрядка наша.— В. А.).

Среди различных видов доказательств значение практики как критерия истины особенно наглядно видно

¹ П. Ф. Пашкевич допускает неточность, когда утверждает: «В действительности же статья закона, гласящая, что оценка доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, вовсе не определяет критерия истины» («Объективная истина в уголовном судопроизводстве», М., 1961, стр. 64). Автор имеет в виду, что не является критерием истины внутреннее убеждение, с чем следует согласиться, однако при этом он в своем утверждении «с водой выплескивает ребенка».

на примере таких доказательств, как вещественные результаты следственного эксперимента и факты опознания (материально-предметных доказательств).

Вещественные доказательства как материальные частицы искомого факта дают возможность хотя и ограниченно, но все же непосредственно наблюдать указанный факт, подобно тому, как, например, физик, по словам Маркса, наблюдает процессы природы в их наиболее отчетливой форме. Это особенно относится к совокупности вещественных доказательств на месте происшествия: труп, опрокинутая мебель в комнате — по делу об убийстве, две столкнувшиеся автомашины — по делу об автопроисшествии и т. п. Что касается результата следственного эксперимента и факта опознания, то их с полным основанием можно рассматривать как опытные доказательства искомого факта, подобные тем, с которыми мы встречаемся в различных научных экспериментах. Однако это не умаляет значения других доказательств как объективных критериев истинности наших взглядов.

Ранее мы уже отмечали, что достоверность каждого доказательства устанавливается окончательно при оценке его в совокупности с другими доказательствами. Данное положение в свете изложенного можно объяснить тем, что только при такой оценке мы получаем объективный критерий достоверности (истинности) каждого отдельного доказательства, в качестве которого выступает совокупность (система) остальных доказательств по делу. Иначе говоря, совокупность (система) доказательств является не только критерием истинности наших выводов о наличии (отсутствии) искомого факта, но и критерием достоверности каждого доказательства в отдельности.

При расследовании уголовного дела по обвинению С. в убийстве Б. следствием были собраны следующие косвенные доказательства. Из протокола осмотра места происшествия усматривалось, что Б. была обнаружена 24 ноября 1957 г. мертвой в своей квартире в Ташкенте. Труп лежал у двери. На нем имелось восемь рубленых ран в области головы и одна колото-резаная рана горла. Вещи в квартире были разбросаны, гардероб и чемоданы — взломаны.

Обнаруженный в квартире топор с пятнами, похожими на кровь, приобщили к делу в качестве вещественного доказательства. Судебно-медицинский эксперт дал заключение, что смерть Б. наступила в результате колото-резаного ранения горла, а судебно-биологической экспертизой было установлено, что пятна на топоре являются кровью человека, и она относится к той же группе, что и кровь убитой.

Допрошенные по делу свидетели А., Л. и Ш. — сослуживцы потерпевшей — показали: 21 ноября 1957 г. Б. сообщила им, что к ней приехал «старый знакомый», а через день-два она сказала, что боится его и даже из-за этого плохо спит.

При обыске в квартире убитой изъяли старые письма С., ранее проживавшего здесь. Из показаний жены С. усматривалось, что С. в июне 1957 года уехал из дома, по его словам, к матери в Новосибирскую область, откуда вернулся в декабре 1957 года и привез вещи, полученные, как он объяснил, в «подарок от матери». При обыске в квартире С. в г. Запорожье были изъяты несколько простыней и халат. Они были опознаны соседями Б. и ее портнихой, как принадлежавшие Б.

Обвиняемый С. виновным себя не признал и показал, что с 13 августа по 20 ноября 1957 г. находился в Черепановском районе Новосибирской области, работал на Томской железной дороге и жил у своей матери; оттуда он якобы выехал 20 ноября 1957 г. и 28 ноября 1957 г. приехал в Запорожье к жене. В Ташкенте у Б. он в это время вообще не был, убийства не совершал, вещи привез от матери. С. предъявил при этом несколько справок отдела кадров Томской железной дороги о том, что он работал на дороге с 13 августа по 20 ноября 1957 г.

Однако показаниями матери С. было установлено, что Б. к ней не приезжал и никаких вещей она ему не давала. Назначенной по делу криминалистической экспертизой было установлено, что текст дат и штампы в справках, представленных С., поддельны. Кроме того, по запросу следователя Томская прокуратура сообщила, что в указанный период С. на железной дороге не работал. Было выяснено, что С. в прошлом неоднократно судим.

В результате оценки этих доказательств в совокупности следствие, а затем и суд пришли к выводу о виновности С. в убийстве Б.¹ Однако совокупность указанных доказательств была не только основанием для вывода о наличии искомого по делу факта — виновности С. в убийстве Б. и критерием истинности его, но и критерием достоверности каждого доказательства, составляющего эту совокупность.

В качестве примера возьмем первое доказательство — протокол осмотра места происшествия. Достоверность его непосредственно подтверждается вещественным доказательством — топором, приобщенным к делу, а также заключениями судебно-медицинского эксперта по результатам исследования трупа и судебно-биологического по результатам исследования пятен крови на топоре. Косвенно же достоверность протокола подтверждается большинством остальных доказательств, которые вместе с указанными устанавливают наличие искомого факта. В свою очередь, каждое из заключений экспертов непосредственно подтверждается протоколом осмотра, вещественным доказательством — топором, а косвенно — всеми прочими уликами.

Достоверность каждого из показаний свидетелей — А., Л. и Ш. непосредственно подтверждается двумя остальными показаниями и дает основание признать достоверным устанавливаемый этими показаниями доказательственный факт — приезд к Б. «старого знакомого». Данный факт соответствует факту отъезда С. из дома (установленному показаниями С. и его жены, а также его перепиской с Б. и другими данными).

С другой стороны, такие доказательства, как показания обвиняемого С., представленные им справки, непосредственно опровергаются заключением эксперта криминалиста, показаниями матери С., сообщением Томской прокуратуры, а поскольку последние доказательства соответствуют другим данным, то показания С. и представленные им справки в конечном счете опровергаются и всей совокупностью доказательств по делу.

Таким образом, каждое отдельное доказательство может как подтверждаться (или опровергаться) непо-

¹ «Следственная практика», вып. 46, М., 1961, стр. 87—92.

средственно другими отдельными доказательствами или отдельными группами доказательств, так и опосредствованно подтверждаться (или опровергаться) всей совокупностью доказательств, с которыми оно находится в соответствии (или противоречит им).

Доказательство непосредственно подтверждается (или опровергается) другими доказательствами в случаях, когда оно находится в непосредственной связи с ними.

В описанном деле по обвинению С. эта связь существует, например, между такими доказательствами, как протокол осмотра места происшествия и топор, приобретенный в качестве вещественного доказательства (одно подтверждает другое), а также представленные С. справки о работе на Томской железной дороге и заключение эксперта о том, что даты и штампы в них поддельны (второе доказательство опровергает первое).

Доказательства опосредствованно подтверждают (или опровергают) другие, когда они связаны с ними через посредство предмета доказывания. Так связаны между собой факт отъезда С. из г. Запорожья и факт пребывания у Б. «старого знакомого» и другие факты. Они непосредственно не связаны между собой, но находятся в соответствии (или несоответствии) один с другим.

Наличие у того или иного факта доказательственных свойств А. Я. Вышинский ставил в зависимость от связи его с другими доказательствами. Анализ примера еще раз подтверждает порочность такого утверждения, ибо доказательства по одному и тому же делу могут быть непосредственно не связаны между собой, а находиться лишь в соответствии.

Непосредственная и опосредствованная связь (соответствие) между доказательствами дает основание из суммы доказательств, собранных по делу, выделить группу доказательств, которые, прямо или косвенно подтверждая друг друга, образуют совокупность, систему достоверных доказательств. Она является критерием истинности наших выводов об искомых фактах и достоверности каждого отдельного доказательства, входящего в систему, и в то же время служит критерием недостоверности всех прочих данных, противоречащих входящим в нее доказательствам.

Из приведенного положения вытекает важный для законодательства и судебно-следственной практики вывод: ни одно доказательство в единственном числе, каким бы убедительным оно не представлялось, не может служить основанием для достоверного вывода о наличии (или отсутствии) искомого по делу факта¹, ибо в данном случае нет объективного критерия достоверности самого доказательства. Он вытекает также из положения В. И. Ленина о необходимости при анализе общественных явлений оценивать доказательства (факты) не изолированно, а в целом. В. И. Ленин писал: «Фактики, если они берутся вне целого.., если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»². Таким образом, В. И. Ленин подчеркивал, что факты (доказательства), взятые отдельно, не могут быть достаточным основанием для выводов. Это положение применимо и к средствам доказывания, которые, будучи взяты изолированно, не могут достоверно устанавливать наличие соответствующих фактов.

Вышинский же утверждал, что только «косвенное доказательство приобретает процессуальный вес и значение в связи с другими доказательствами». Получалось, что прямые доказательства, в отличие от косвенных, могут приобретать «процессуальный вес и значение», независимо от других доказательств³. Что подобный неправильный вывод вытекал из «концепции» А. Я. Вы-

¹ На это правильно указывает М. С. Строгович в книге «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 291—292.

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 226.

³ Именно так раньше трактовал положение М. А. Чельцов. Он писал, что «одно прямое доказательство (конечно, при проверке и установлении его достоверности) может быть достаточным для признания доказанным главного факта» («Советский уголовный процесс», М., 1951, стр. 289). Автор упустил из виду то, что окончательная проверка достоверности прямого доказательства немыслима без получения других доказательств, относящихся (прямо или косвенно) к искомому факту. В последнем издании учебника указанное положение исключено.

Более правильно рассматривают этот вопрос А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов. Они пишут, что «при наличии в деле прямого доказательства другие доказательства нужны не только для проверки достоверности, но и для восполнения пробелов прямых доказательств» («Косвенные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1956, стр. 17).

шинского, подтверждается, в частности, взглядом его на такое прямое доказательство, как сознание обвиняемого. По мнению А. Я. Вышинского, нельзя не признать в такого рода делах (имеются в виду особо опасные государственные преступления. — В. А.) самостоятельного значения этого вида доказательств. Данное порочное утверждение, оправдывавшее произвол и беззаконие в период культа личности Сталина, нет необходимости опровергать. Об этом неоднократно уже писали. Подчеркнем лишь, что подобное утверждение А. Я. Вышинского органически вытекает из его «философской концепции» отрицания объективного критерия истинности доказательств и основанных на них выводов об искомых по делу фактах.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, придавая важное значение правильной оценке сознания обвиняемого, установил следующее правило: «Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу» (ч. 2 ст. 77 УПК)¹. Приведенная норма вытекает из требования ст. 17 Основ об оценке доказательств по совокупности, при которой совокупность выступает, в частности, как критерий истинности каждого из доказа-

¹ В УПК БССР, УССР и ряда других республик аналогичная норма отсутствует, а в УПК некоторых союзных республик она формулируется иначе. Так, ст. 56 УПК Эстонской ССР гласит: «Показания обвиняемого, включая также признание им вины, подлежат проверке и оценке в общем порядке наряду с другими имеющимися в деле доказательствами». Аналогичные формулировки дают УПК Узбекской, Азербайджанской и Киргизской ССР. Такая формулировка, на наш взгляд, подчеркивает, что как сознание обвиняемого, так и другие доказательства, должны оцениваться по совокупности со всеми имеющимися в деле данными.

В свое время при обсуждении проекта УПК РСФСР против формулировки, ныне вошедшей в ч. 2 ст. 77 УПК, возражали, ссылаясь на то, что она «является попыткой ввести в наш процесс отрицательную форму теории формальных доказательств» (см. «Советская юстиция» 1958 г. № 6, стр. 61). Действительно, на первый взгляд, указанная формулировка как бы предопределяет заранее недостоверность данного вида доказательств по любому делу. Однако здесь следует иметь в виду, что это положение относится к любому виду доказательств, а не только к сознанию обвиняемого. Следовательно, любое единичное доказательство недостаточно достоверно для установления на его основе искомого факта или его отдельных элементов.

тельств. Данная норма положила конец порочной «концепции» А. Я. Вышинского по вопросу о значении сознания обвиняемого.

Однако, на наш взгляд, в интересах дальнейшего укрепления социалистической законности положение ч. 2 ст. 77 УПК целесообразно было бы распространить на все виды доказательств, не допуская установления искомого по делу факта или его элементов в положительной или отрицательной форме каким-либо одним изолированным доказательством.

Действительно, взятое изолированно показание обвиняемого (подозреваемого), в частности его сознание, нельзя признать достоверным без сопоставления с другими доказательствами, главным образом по соображениям, относящимся к моральным качествам обвиняемого — источника доказательств. Но таким же образом взятые изолированно показания свидетеля или потерпевшего не могут быть признаны достоверными¹, ибо факторов, влияющих на их достоверность, как правило, больше, чем у обвиняемых. Вот почему решить вопрос о достоверности рассматриваемых показаний только на основе их анализа невозможно. Для этого требуется привлечь совокупность остальных доказательств².

Достоверность заключения экспертов также нельзя определить окончательно в отрыве прежде всего от доказательств (вещественных доказательств, документов), бывших предметом экспертизы³, а затем и от всех остальных. Достоверность вещественных доказательств не может быть установлена в отрыве от процессуальных до-

¹ Указанное положение твердо проводится в нашей судебной практике, в частности, по делам об оскорблениях (ч. 1 ст. 131 УК) и побоях, не повлекших расстройства здоровья и утраты трудоспособности (ч. 2 ст. 112 УК). По таким делам наличие одних показаний потерпевших, не подтвержденных другими доказательствами, вообще влечет отказ в возбуждении уголовного дела. Однако некоторые судьи поступают неправильно: они вопреки закону (ст. 14 Основ) обязанность представления этих недостающих доказательств перелагают на потерпевших.

² См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 12 апреля 1958 г. по делу Г. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 5, стр. 40—42).

³ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 24 марта 1959 г. по делу Щ. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 5, стр. 11—15).

кументов, в которых фиксируется место и время получения этих доказательств и их признаки (протоколы осмотра и др.), и от всех других доказательств. Равным образом невозможно окончательно установить достоверность доказательственных фактов при изолированной их оценке. Об этом, в частности, свидетельствует отношение следственно-судебной практики к такому доказательственному факту, как опознание обвиняемого потерпевшим.

Пример 1: На С. было совершено разбойное нападение в районе ст. Подольск. Потерпевший немедленно заявил об этом в милицию, описав приметы нападавших, а на другой день среди граждан, находившихся на перроне ст. Подольск, он опознал одного из грабителей — Ч. Последний был задержан, привлечен к уголовной ответственности и осужден¹.

Пример 2: На М. в районе вокзала г. Фрунзе было совершено разбойное нападение. В тот день М. об этом факте в милицию не сообщил, а на другой день, увидев около вокзала А., заявил работнику милиции, что именно он является одним из грабителей, и А. был задержан. После этого А. вместе с К., задержанным по обвинению в другом преступлении, были предъявлены М., и последний «опознал» их. На этом основании А. и К. были привлечены к уголовной ответственности и осуждены. Однако Верховный Суд СССР отменил приговор и прекратил дело за недоказанностью обвинения. В определении от 21 января 1956 г. указано: «М. до задержания А. и К. в заявлении не описывал их внешность и особых примет, и об опознании их он заявил лишь после того, как ему уже стало известно, что они допрашиваются по обвинению его в ограблении. При таком положении дела опознание М. обвиняемых нельзя признать правильным и имеющим доказательственную силу².

В приведенных примерах, на первый взгляд, мы имеем аналогичные доказательства: факт опознания обвиняемых потерпевшими, однако в первом случае он признан достаточным доказательством для обвинения, хотя опознание было непроцессуальным, а во втором не признан таковым. Основной причиной различной оценки указанных фактов является то, что в первом случае факт

¹ См. «Следственная практика» 1956 г. № 28, стр. 172.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 1, стр. 16.

опознания был непосредственно подтвержден ранее данными потерпевшим показаниями о приметах грабителей, во втором — подтверждения не было. Поэтому один изолированный факт опознания не мог служить достаточным доказательством обвинения¹.

На первый взгляд некоторую особенность в этом отношении имеет алиби. Факт нахождения обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте, будучи доказан, как будто бы уже сам по себе дает основание установить невинность обвиняемого (по делам о преступлениях, совершение которых требует непосредственного, личного участия его). Однако для доказательства алиби, во-первых, нужно оценить совокупность других доказательств, непосредственно подтверждающих данный факт (показание обвиняемого и свидетелей, документы и т. п.), во-вторых, сопоставить доказательства, непосредственно подтверждающие алиби, с остальными. И только в случае, если доказательства, устанавливающие алиби, будут находиться в соответствии со всей системой доказательств по делу, этот факт может быть признан достоверным, а вместе с ним также установлена невинность обвиняемого².

¹ При этом следует различать доказательственное значение показаний потерпевшего об обстоятельствах нападения на него, в частности о приметах нападавших (средство доказывания), и факт опознания им одного из нападавших (доказательственный факт). Эти доказательства, бесспорно, связаны между собой, но не совпадают одно с другим, ибо потерпевший, дав показания, мог не опознать затем грабителя. Кроме того, необходимо иметь в виду, что не во всех случаях наличие предварительных показаний дает основание признать достоверным даже факт процессуального опознания. Это зависит от того, соответствует ли указанный факт другим доказательствам по делу. Так, по делу Д., обвинявшегося в ряде преступлений, Пленум Верховного Суда СССР отметил, в частности, в постановлении от 17 июня 1959 г., что «факт опознания потерпевшими Т. и П. обвиняемого Д. в данном конкретном случае при отсутствии в деле других доказательств, уличающих его в совершении преступлений, нельзя признать достаточным для осуждения Д...» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 5, стр. 16).

² Сторонники признания доказательствами только фактов утверждают, что в настоящее время из судебного лексикона должны быть исключены такие выражения, как «сомнительные доказательства», «противоречивые доказательства», «недоброкачественные доказательства», ибо такими могут быть лишь сведения о фактах, которые они не считают доказательствами. Так, М. А. Чельцов пишет: «Факты не могут быть сомнительными и недоброкачественными. Такими могут быть только сведения о них» («Советский уго-

Так, Верховный Суд СССР прекратил дело по обвинению Д. в разбойном нападении на П., нанесении из хулиганских побуждений удара по голове Т. и изнасиловании Н., так как признал доказанным алиби, причем оно не только непосредственно подтверждалось показаниями обвиняемого и свидетелей Л., М. и др., но и другими данными по делу, а также сомнительностью доказательств обвинения (в частности, опознание обвиняемого потерпевшей П. произведено с нарушением процессуальных требований)¹. В данном примере достоверность алиби была установлена на основе оценки всех доказательств в совокупности.

Рассмотрим понятие внутреннего убеждения. Внутреннее убеждение, на наш взгляд, следует рассматривать как метод и как результат оценки доказательств². Оба понятия тесно связаны между собой, но в то же время имеют и самостоятельное значение.

Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств означает прежде всего, что следователь, суд и другие органы свободны в выборе пути достижения истины по каждому конкретному делу.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает общие правила производства по любому делу (например, чередование стадий производства), а также общий порядок производства отдельных действий (допросов, обысков),

ловный процесс», М., 1962, стр. 155). С этим нельзя согласиться. Доказательственный факт, взятый изолированно (например, факт пребывания обвиняемого на месте происшествия), если даже он абсолютно достоверно установлен, может быть таким же «сомнительным доказательством» виновности обвиняемого, как, например, одно сознание обвиняемого в указанном преступлении. Иначе говоря, и средства доказывания, и доказательственные факты, чтобы быть «доброкачественными доказательствами», должны оцениваться по совокупности. Это важно еще потому, что нередко достоверность доказательственных фактов может быть окончательно установлена с установлением искомого факта. Так в приведенном ранее примере по делу С. факт пребывания его в Ташкенте в день убийства Б., мог быть достоверно установлен только в связи с установлением главного факта на основе всей совокупности доказательств.

¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 июня 1959 г. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 5, стр. 15—18).

² На двоякое значение понятия внутреннего убеждения как метода и как результата оценки доказательств правильно указывает А. Л. Ривлин в работе «Пересмотр приговоров в СССР», М., 1958, стр. 212.

но в то же время не устанавливает какой-либо последовательности в производстве указанных действий.

Направление расследования определяет соответствующий орган в зависимости от конкретных обстоятельств дела путем оценки некоторых фактических данных, послуживших основанием к возбуждению дела, и дальнейшей оценки доказательств, полученных при производстве отдельных действий.

В судебном заседании, в соответствии со ст. 279 УПК, после опроса подсудимых о признании или непризнании ими своей вины суд заслушивает предложения участников процесса о порядке исследования доказательств, а затем устанавливает его в зависимости от конкретных особенностей каждого рассматриваемого дела.

Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств означает также несвязанность суда и других органов при определении силы и значения доказательств заранее установленными в законе условиями. Часть 2 ст. 17 Основ устанавливает: «Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы». Следовательно, внутреннее убеждение как метод означает свободную оценку доказательств судом и другими органами.

Однако это не означает несвязанность этих органов вообще какими бы то ни было правилами, относящимися к доказательствам.

А. Я. Вышинский утверждал, что принцип действительно свободной судебской оценки доказательств в полном виде действует в советской доказательственной системе, которая не требует от суда соблюдения каких бы то ни было формальных условий не только при оценке доказательств, но и при их отборе, проверке.

Что касается отбора и проверки доказательств, то прочность приведенного утверждения, игнорирующего значение процессуальной формы собирания и исследования доказательств, очевидна. Но это утверждение порочно и в части оценки доказательств, в содержание которой входит разрешение вопроса о допустимости доказательств. Выводы следствия и суда не могут быть основаны на доказательствах, не соответствующих «формальным условиям» закона (например, на вещественных доказательствах, не оформленных надлежащим образом).

При решении остальных вопросов оценки доказательств: отнесимости их к делу, доброкачественности источника, достоверности, т. е. при определении силы и значения доказательств, следственные органы и суд не связаны формальными требованиями. Но и в данном случае они действуют по основе закона — ч. 2 ст. 17 Основ. Таким образом, свобода оценки доказательств вовсе не означает полной независимости от требования закона. Иное положение привело бы к произволу в доказывании, на что и ориентировал по существу нашу практику А. Я. Вышинский.

Метод свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению имеет ярко выраженный диалектический характер, который проявляется в том, что: а) имеет материалистическую основу, опираясь на практику доказывания как основу познания и критерий истины; б) требует конкретного подхода к каждому доказательству, совокупности доказательств по конкретному делу и в) требует рассмотрения доказательств в их взаимосвязи и взаимообусловленности между собой и с искомым фактом, а также учета возможных изменений, могущих происходить в доказательствах (например, частичное изменение следов на грунте в связи с различными явлениями), чтобы правильно установить их отношение к искомому факту.

Следственная и судебная практика неопровержимо свидетельствует, что только при таком диалектическом подходе к доказательствам есть реальная возможность установить их подлинное значение для дела, а следовательно, и истинную картину происшедшего события¹.

Остановимся на понятии внутреннего убеждения как результата оценки доказательств.

¹ Требованию закона об оценке доказательств по внутреннему убеждению не противоречит обязательное назначение экспертизы в ряде случаев (ст. 79 УПК РСФСР), ибо такое обязательное назначение не исключает оценки заключения эксперта в указанных случаях по внутреннему убеждению судей, следователей и других субъектов. Не противоречит ему и ст. 32 Основ, устанавливающая перечень обстоятельств и сведений (пп. 1—3), могущих быть основанием для задержания подозреваемого (указания очевидцев на данное лицо, явные следы преступления на нем, его одежде, в его жилище и т. д.). Эти данные должны опять-таки подлежать оценке по внутреннему убеждению.

Чтобы на основе собранных и проверенных доказательств судьи, следователи и другие субъекты могли бы сделать вывод о наличии искомых фактов, т. е. о доказанности их, они от предположения об этом, которое было у них в начале процесса доказывания, должны прийти к убеждению в этом. Если же такого убеждения у них не сложилось, то суд не вправе постановить обвинительный приговор, а следственные органы и прокурор не могут привлечь лицо в качестве обвиняемого и составить обвинительное заключение. «... Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана...» «ст. 43 Основ». Хотя прямо закон и не говорит, что обвинительный приговор постановляется, если судьи убеждены в доказанности виновности подсудимого, однако совершенно очевидно, что именно это имеется в виду, поскольку закон не допускает основывать приговор на предположениях.

Аналогичное требование подчеркнул Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу С. Он, в частности, указал, что «постановление обвинительного приговора вопреки убеждению судей при отсутствии с их стороны полной уверенности в виновности подсудимого в предъявленном ему обвинении представляет собой грубое извращение одного из основных принципов советского правосудия и социалистической законности...»¹.

Подобные требования, на наш взгляд, должны быть предъявлены к лицам, составляющим такие процессуальные акты, как постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого (согласно ст. 143 УПК оно должно быть составлено «при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения»), обвинительное заключение (прокурор, утверждая его, в соответствии со ст. 213, обязан проверить «обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами») и некоторые другие.

Таким образом, как результат оценки доказательств по совокупности внутреннее убеждение представляет собой вывод судей (следователей) в доказанности искомых по делу фактов и уверенность их в правильности такого

¹ «Социалистическая законность» 1947 г. № 3, стр. 22.

вывода. При оценке каждого доказательства отдельно внутреннее убеждение как результат оценки есть вывод судей и других субъектов о достоверности, истинности данного доказательства, а также уверенность в правильности его.

Итак, внутреннее убеждение как результат оценки доказательств означает, что суд и другие субъекты делают вывод об истинности каждого доказательства отдельно и об установлении на основе данной совокупности доказательств искомого по делу факта, будучи уверенными в правильности такого вывода, причем их уверенность должна исключать всякое сомнение¹. Поэтому внутреннее убеждение — явление не только гносеологическое, но и психологическое. В данном понятии заключается не только вывод следователя (суда) по результатам оценки доказательств, но и его отношение к таким результатам, уверенность, что они отражают истину. «Как правило,— отмечает А. А. Старченко,— чувство уверенности, убежденности, будучи психологической характеристикой состояния сознания, никогда не бывает беспочвенным», ибо в основе его лежит объективный, не зависящий от данного субъекта, истинный результат его познавательной деятельности².

Как результат оценки доказательств внутреннее убеждение играет двоякую роль в этой оценке. Во-первых, оно выражает отношение субъектов доказывания к результатам непосредственного познания или доказательств, являющихся исходными посылками для логической деятельности (уверенность в достоверности показаний свидетелей и других доказательств, воспринятых непосредственно). В указанном случае в основе внутреннего убеждения лежит диалектический анализ сущности исходных посылок. На первый

¹ См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 124.

² А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 219.

Однако автор, по нашему мнению, не прав, когда он понятие внутреннего убеждения сводит к психологической характеристике сознания, игнорируя его гносеологический элемент. Нельзя согласиться и с игнорированием психологического элемента этого понятия, сведения его только к логике, например к суждению о доказанности факта (см. «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР», изд. ЛГУ, 1962, стр. 80).

план здесь выступает содержательная сторона процесса мышления, подчиняющаяся непосредственно законам диалектической (а не формальной) логики. Во-вторых, внутреннее убеждение выражает отношение субъекта доказывания к результатам опосредствованного познания искомых фактов, в основе которого лежит как содержательная, так и формально-логическая мыслительная деятельность, опирающаяся на достоверность упомянутых исходных посылок¹.

Ф. Энгельс писал: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности»².

Таким образом, внутреннее убеждение субъектов оценки, являясь, с одной стороны, определенным психическим состоянием их, должно соответствовать объективно-истинному результату познавательной деятельности этих субъектов. Это, конечно, не исключает того, что в отдельных случаях в силу определенных причин (недостаточный опыт субъектов оценки, допущенные ими логические ошибки) данное психическое состояние не будет отражать объективно-истинного результата их познания. В этой связи еще раз подчеркнем, что объективным критерием истинности выводов суда и других органов об искомых фактах будет практика, доказательства, на которых основаны выводы³.

Понятие внутреннего убеждения как результата оценки доказательств органически вытекает из понятия его как метода оценки. Однако если внутреннее убеждение как метод оценки обязательно по каждому делу, независимо от его исхода, то внутреннее убеждение как

¹ В тех нередких случаях, когда опосредствованное познание самих искомых фактов осуществляется информационным путем (искомые факты устанавливаются показаниями свидетелей—очевидцев, потерпевших и др.), внутреннее убеждение суда и других органов имеет основой почти исключительно содержательную, а не формально-логическую сторону процесса мышления. Это положение, как будет показано далее, имеет большое значение для определения роли и значения внутреннего убеждения для установления искомых фактов по уголовным делам.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1951, стр. 317.

³ «Фактические обстоятельства дела, вся совокупность достоверно установленных доказательств,— пишет М. А. Чельцов,— объективный момент в образовании внутреннего убеждения» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 153).

результат оценки по закону необходимо лишь при решении вопроса о доказанности обвинения, т. е. о наличии инкриминируемых обвиняемому фактов (ч. 4 ст. 43 Основ). Это, разумеется, не исключает того, что судьи и другие субъекты могут быть убеждены в отсутствии таких фактов при постановлении оправдательного приговора или прекращении дела. Однако при аналогичном исходе дела названные субъекты могут быть и не убеждены ни в наличии, ни в отсутствии искомых фактов. Это, как известно, не препятствует постановлению оправдательного приговора (прекращению дела), а служит одним из оснований такого решения. Таким образом, находясь в тесной связи между собой, оба понятия внутреннего убеждения в то же время не совпадают одно с другим¹.

Рассмотренные понятия практики как основы познания и критерия истины, а также внутреннего убеждения как метода и результата оценки доказательств дают возможность установить правильную взаимосвязь и взаимообусловленность между объективным и субъективным факторами оценки доказательств. Эти факторы отдельные авторы рассматривают изолированно, в отрыве друг от друга, что приводит к недооценке одного и переоценке другого фактора.

Общую взаимосвязь их целесообразно проследить на непосредственной взаимосвязи, которая существует между: а) понятием практики как основы познания и внутренним убеждением как методом оценки доказательств и б) понятием практики как критерия истины и внутренним убеждением как результатом оценки доказательств.

Для решения вопроса о соотношении практики как основы познания и внутреннего убеждения как метода оценки доказательств большое значение имеет положение

¹ Поэтому нельзя согласиться с Л. Т. Ульяновой, утверждающей, что двоякое значение понятия внутреннего убеждения «ведет к противопоставлению внутреннего убеждения как критерия оценки доказательств и внутреннего убеждения как результата такой оценки». («Оценка доказательств судом первой инстанции», М., 1959, стр. 76). Между тем из сказанного видно, что различие двух аспектов понятия внутреннего убеждения отнюдь не ведет к их противопоставлению. Отметим также, что трактовка автором внутреннего убеждения как «критерия оценки доказательств» вообще несостоятельна, о чем будет сказано далее.

ние марксистско-ленинской гносеологии о роли субъективного фактора в практике. К. Маркс в первом тезисе о Фейербахе отмечал как недостаток предшествующего материализма (в том числе и феербаховского) то, что «предмет, действительность, чувственность, берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно...»¹. Таким образом, Маркс рассматривал практику не просто как внешнее, материальное воздействие на природу и общество, а как человеческую чувственную деятельность, субъективно, подчеркивая целесообразный характер ее (в отличие, например, от того воздействия, какое оказывают на природу своим поведением животные)². Отсюда практика выступает не только как основа (предпосылка) познания людьми окружающего их внешнего мира, но и как инструмент познания, активно и сознательно применяемый ими для познания интересующих их явлений.

Это положение характерно для всего общественно-исторического процесса человеческого познания и, в частности, для процесса познания в каждой конкретной области человеческой деятельности, в том числе судебно-следственной практике.

Суд и следственные органы в каждом деле должны найти правильный путь к истине, выдвинуть все возможные версии на основе имеющихся в их распоряжении фактических данных и наметить наиболее целесообразную систему действий для проверки их. Вот почему практика как инструмент познания лишь тогда дает надлежащий эффект, когда указанный инструмент правильно используют и направляют. Это относится ко всему расследованию по делу и, в частности, к производству отдельных следственных действий. Например, след-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 383.

² Ф. Энгельс подчеркивал, что «когда животные оказывают длительное воздействие на окружающую их природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к самим этим животным чем-то случайным. Чем более, однако, люди отделяются от животных, тем более их воздействие на природу принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее намеченных целей» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 78).

ственный эксперимент только тогда даст нужный результат, когда в соответствии с требованием закона он проведен в условиях, максимально приближенных к той обстановке, в которой происходили подлежащие установлению события.

Так, отменяя приговор по делу К. и направляя его на доследование, Верховный Суд РСФСР в определении указал: «Следственный эксперимент должен быть повторен с учетом времени происшествия, так как первоначально он проводился в дневное время, хотя событие произошло вечером»¹.

Изложенное о роли субъективного фактора отнюдь не умаляет роли практики в процессе познания как его первоосновы. Действительно, выдвигая версии по делу и устанавливая наиболее целесообразный путь их проверки, следственные органы и суд, хотя и действуют по внутреннему убеждению, но последнее основывается не на априорных данных, а на конкретных фактах (исходных данных или данных, полученных в результате следственных действий), а также на практическом опыте следователей и судей, т. е. на их обобщенной предшествующей практике. Практический опыт следователей и судей играет таким образом важную роль в установлении истины, способствуя правильной оценке доказательств, построению на этой основе следственных версий и проверке их².

Следовательно, непосредственная связь, существующая между практикой как основой и инструментом познания, с одной стороны, и внутренним убеждением как методом оценки доказательств — с другой, объединяет в конечном счете и иные значения указанных понятий — практику как критерий истины и внутреннее убеждение как результат оценки доказательств. Но чтобы выяснить

¹ «Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1957—1959 гг.», М., 1960, стр. 372.

² На наш взгляд, неправильно включать косвенный опыт в понятие практики как критерия истины (А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 103). Опыт расследования (рассмотрения) одного дела может быть использован при производстве по другому делу не более как своеобразный «ориентир», ибо путь установления истины в каждом конкретном деле специфичен. Таким образом, косвенный опыт является составной частью только понятия практики как основы и инструмента познания.

непосредственную связь, существующую между ними, нужно обратиться к другому важному положению — об относительном характере практики как критерии истины.

В. И. Ленин писал: «Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»¹. В. И. Ленин подчеркивал, что сама по себе практика как критерий истины дает полностью основание лишь для принципиального решения философского вопроса о познаваемости мира, о том, «обладает ли человеческое мышление предметной истинностью», как говорил К. Маркс во втором тезисе о Фейербахе. В этом отношении указанный критерий достаточно определен, но недостаточно определен, чтобы подтвердить или опровергнуть полностью наши представления о закономерностях развития природы и общества, о существовании в прошлом определенных фактов и т. п.

Относительность практики как критерия истины обусловлена в основном тем, что она, как и сама истина, представляет собой процесс², она развивается и совершенствуется. Так, уровень авиационной техники одно время давал основание считать невозможным полет со сверхзвуковой скоростью, но дальнейшее развитие техники опровергло эту теорию.

Указанное положение имеет прямое отношение и к уголовному процессу. Во-первых, в уголовно-процессуальном доказывании истина также устанавливается как процесс, и если, например, первоначальные данные при расследовании дела дают основание предполагать виновность одного лица, то в ходе дальнейшего расследования может быть установлена виновность другого. Во-вторых, значение рассматриваемого положения в уголовном процессе заключается в том, что сами по себе доказательства, являясь объективным критерием истинности искомых по делу фактов, не дают возможности на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 130.

² См. В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 174.

основе их просто констатировать наличие (или отсутствие) этих фактов, т. е. они сами по себе, автоматически не способны установить эти искомые факты. Последнее положение представляет сложность, и на нем следует остановиться подробнее.

Опосредствованное познание фактов в уголовном процессе связано в основном с содержательной стороной процесса мышления (анализ конкретных фактических данных и сведений о фактах). Она занимает важное место в доказывании искомых фактов, осуществляемом информационным путем (сознание обвиняемого, показание очевидцев и т. д.). Это и определяет большую роль субъективного фактора (внутреннего убеждения), связанного с данной стороной мышления.

Для сравнения обратимся к тем отраслям знаний, где основное место занимает формальная сторона процесса мышления, например к математике. В ней большинство задач любой сложности успешно может быть решено путем разложения их на простые, элементарные задачи, решаемые по несложным правилам: например, умножение и возведение в степень можно свести к правилам сложения соответствующего числа с самим собой и т. д. Таким образом, для решения математических задач определенного типа существует определенная система операций — алгоритм. Простые задачи по сложению и вычитанию, к которым сводятся с помощью алгоритма сложные задачи, могут быть выполнены не только с помощью умственных операций счета, но и механически, автоматически — специальными машинами. В настоящее время для сравнительно несложных счетных операций широко используют арифмометры, а для сложных — электронные вычислительные машины. Следовательно, благодаря возможности алгоритмирования решение многих математических задач связано исключительно с формальной, а не с содержательной стороной мышления и в настоящее время стало функцией созданных человеком машин.

Роль субъективного фактора в приведенных случаях состоит, во-первых, в конструировании таких машин, во-вторых, в наблюдении за тем, чтобы они работали в точном соответствии с заданной программой (электронные вычислительные машины). В решении же этих задач по существу непосредственную роль играет сама практика

в виде накопленного человечеством многовекового опыта простейших арифметических операций ($2+2=4$ и т. п.), а также экспериментальных данных техники, позволяющих автоматически производить такого рода операции.

Иначе решаются задачи, стоящие перед следственными органами и судом в уголовном процессе. Раскрытие и расследование каждого преступления — задача неповторимо своеобразная, в связи с чем установление фактических обстоятельств по уголовным делам не может быть уложено в определенную систему операций¹. Это обуславливает необходимость свободного искания истины по делу и неизбежность решения вопроса об окончательном установлении ее на основе собранных доказательств только по внутреннему убеждению. Иначе говоря, решить вопрос о том, установлена ли истина по делу, можно только убедившись в этом. Таким образом, роль субъективного фактора (внутреннего убеждения) в решении этого вопроса, поскольку оно связано в основном с содержательной стороной процесса мышления, возрастает.

При этом внутреннее убеждение не выступает в качестве какого-то критерия, дающего ответ на основной вопрос оценки доказательств. О внутреннем убеждении вообще неправильно говорить как о «критерии» (в том числе «субъективном»), ибо критерий (показатель) должен лежать вне субъекта, а не внутри его. В частности, на наш взгляд, нельзя говорить о внутреннем убеждении как «критерии оценки доказательств»², поскольку указанная формула выражает мысль, что правильность оценки доказательств проверяется субъектами через их же психическое состояние — внутреннее убеждение.

¹ Но это не является препятствием к достижению истины, а создает лишь особенности в установлении истины по уголовным делам. Это важно отметить в связи с тем, что среди определенной части зарубежных математиков бытует мнение, согласно которому только математические доказательства приводят к истине. Так, Д. Пойя пишет: «Математическое доказательство является доказательным рассуждением, а индуктивные доводы физика, косвенные улики юриста, документальные доводы историка и статистические доводы экономиста принадлежат к правдоподобным рассуждениям» («Математика и правдоподобные рассуждения», ИЛ, 1957, стр. 9). Такого рода претензии на «монополию» математики в установлении истины несостоятельны.

² М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 180—181.

Это противоречит точному смыслу понятия «критерий» и ведет в область субъективизма.

Как уже отмечалось, внутреннее убеждение судей и других субъектов в силу тех или иных субъективных причин в ряде случаев может и не соответствовать объективно истинному результату их познавательной деятельности. Таким образом, лишь доказательства как результат практических действий служат единственно возможным, объективным критерием истины, устанавливаемой по делу. Применительно к оценке доказательств, по нашему мнению, можно говорить о субъектах, задачах, содержании, форме оценки и т. д., но не о «критерии» оценки.

Итак, внутреннее убеждение как субъективный фактор производно от объективного фактора (доказательств), но будучи производно от них внутреннее убеждение не есть простое пассивное отражение доказательств, а является активным, творчески познавательным актом.

Активная, творческая роль внутреннего убеждения проявляется прежде всего в методе оценки, в активном воздействии на ход собирания и исследования доказательств, а также в получении ответа на основной вопрос оценки доказательств, ибо сами по себе доказательства не дают представления о том, истинны ли они или нет¹, и не способны автоматически установить истину по делу². Поэтому определить истинность каждого доказательства можно не иначе как путем убеждения в его истинности, убеждения, основанного не на априорных, иррациональных началах, а на учете объективных данных об источнике данного доказательства, способе его получения, со-

¹ В свое время С. А. Голунский отмечал, что, например, работникам технического контроля для оценки качества продукции не требуется внутреннего убеждения, а от них требуется знание утвержденного стандарта и проверки соответствия ему качества продукции. Такого рода «стандарт», соответствие которому свидетельствовало бы о качестве доказательства, создать в уголовном процессе невозможно. («О внутреннем убеждении в советском суде», «Социалистическая законность» 1936 г. № 5, стр. 28).

² Это положение, относящееся ко всем отраслям знания, подчеркивал В. Г. Белинский, когда писал: «В науке должно искать идеи. Нет идеи, нет и науки. Знание фактов только потому и драгоценно, что в фактах скрываются идеи; факты без идей — сор для головы и памяти» («Избранные философские произведения», т. 2, 1948, стр. 137).

держании, свойствах и т. п. Таким же образом ответ на вопрос, достаточно ли данная совокупность достоверных доказательств для того, чтобы считать установленным искомый по делу факт, может быть получен только путем внутреннего убеждения в этом судей и других субъектов, убеждения, основанного на учете силы и значения каждого из доказательств и всей конкретной их совокупности. И если внутреннее убеждение как метод оценки выражает единственно правильный диалектический подход к доказательствам (противоположный метафизическому легальному методу), то внутреннее убеждение как результат оценки доказательств выражает познание искомого факта с позиции прежде всего диалектической (а не только формальной) логики. Изложенное еще раз подтверждает положение советской теории судебных доказательств о недостаточности одной формальной логики для познания фактов в уголовном процессе¹, хотя и не дает основания для противопоставления формальной и диалектической логики, как это делал А. Я. Вышинский.

Таким образом, особенности предмета и задачи уголовно-процессуального доказывания — установления истинности индивидуально-конкретных фактов — приводит к тому, что роль субъективного фактора (внутреннего убеждения) в решении данной задачи значительна, что, однако, ни в коей мере не умаляет решающей роли практики (доказательств) как основы познания и критерия истины. Поэтому незаконным и необоснованным будет как обвинительный приговор, постановленный хотя и по внутреннему убеждению судей, но не основанный на доказательствах, т. е. без достаточного учета практики как объективного критерия истины², так и обвинительный

¹ Формально логические операции, подобно математическим, также поддаются алгоритмированию и сводятся к трем простейшим операциям: конъюнкции (логическое умножение), дизъюнкции (логическое сложение) и отрицанию, чем широко пользуется современная математическая логика. Возможность алгоритмического решения формально логических задач, в свою очередь, дало возможность использовать для этих операций электронные вычислительные машины. Здесь роль субъективного фактора сводится лишь к конструированию и оценке правильности работы машин, а не к решению этих задач по существу.

² Отменяя приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Литовской ССР по делу Ш. и П., Судебная кол-

приговор, основанный на доказательствах, которые не привели судей к убеждению в доказанности обвинения¹.

**
*

Вопрос о соотношении объективного и субъективного факторов в оценке доказательств можно считать основным вопросом теории и института уголовно-процессуаль-

легия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 27 июня 1959 г. указала, в частности, что «суд вынес Ш. и П. обвинительный приговор вопреки заключению экспертов и показаниям свидетелей...» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 5, стр. 28). Аналогичное указание дано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 24 ноября 1962 г. по делу С. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 1, стр. 28—29).

¹ Народный суд признал Д. виновным в занятии запрещенным промыслом (перевозке пассажиров на собственной автомашине). По делу был установлен лишь один случай такой перевозки. Но суд, сославшись на факт изъятия у Д. расписания прибытия в Москву автобусов дальнего следования, сделал вывод, что обвиняемый систематически занимался перевозкой пассажиров. Отменяя приговор по делу, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 26 марта 1960 г. указал: «Этот вывод суда в данном случае является не чем иным, как предположением, которое по закону не может быть положено в обоснование обвинительного приговора» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 5, стр. 9).

Народный суд осудил Е. за содействие Б. в убийстве Н. (Е. обвинялся в том, что, заметив во время драки между Б. и Н. нож в руках Б., он не дал Н. возможности отойти в сторону). При этом в приговоре суд указал: «Е., наверное, заметил, что у Б. имелся нож». Таким образом, у суда не было убеждения в наличии данного факта, а было лишь предположение об этом, в связи с чем Верховный Суд СССР признал неустановленным указанный факт, а все обвинение Е. в соучастии его в убийстве Н.—недоказанным («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 5, стр. 13—14).

Правильно поступил Горьковский областной суд, оправдав Р. по обвинению в умышленном повреждении средств сигнализации на железной дороге. Обвинение было основано главным образом на том факте, что Р. в день, когда было обнаружено повреждение, видели вблизи предупредительного диска. Кроме того, обвинение сошлось на наличие у Р. неприязненных отношений с бригадиром К., которые, по версии обвинения, и побудили Р. совершить преступление. Р. виновным себя не признал, хотя и не отрицал, что проходил в тот день мимо диска.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определением от 4 октября 1962 г. оставила оправдательный приговор в силе, а кассационный протест прокурора — без удовлетворения, указав, в частности, что «всякое сомнение должно ис-

ного доказывания, ибо именно от решения его зависит построение не только системы самой оценки, но и всей системы доказательств.

Так, если система доказательств розыскного процесса была построена на почти полном игнорировании субъективного фактора в оценке доказательств, то система доказательств буржуазного процесса строится на явном преувеличении его в ущерб объективному фактору. Все это не обеспечивает достижения истины по уголовному делу.

Только советский уголовный процесс, доказательственная система которого построена на основе марксистско-ленинской теории познания, установил правильное соотношение между объективным и субъективным факторами в оценке доказательств.

В середине 30-х годов по данному вопросу вели дискуссию. В основе ее лежали два противоположных, причем ошибочных, взгляда, а именно: а) упоминавшийся уже взгляд на практику, которую рассматривали только как эксперимент, в связи с чем отрицали объективный критерий истины в уголовном процессе, и «единственным мерилom силы доказательств» признавали «степень судебного убеждения, или вызываемого»¹ и б) некритически заимствованный из буржуазной науки взгляд на «объективизацию» оценки доказательств, в связи с чем отрицалась роль внутреннего убеждения в этом деле².

В дискуссии были неправы обе «стороны», и в дальнейшем ее участники (кроме А. Я. Вышинского) отказались от прежних взглядов. Однако рецидивы их все еще изредка встречаются в работах отдельных авторов.

К таким рецидивам следует, с одной стороны, отнести упоминавшийся уже взгляд на внутреннее убеждение как «критерий оценки доказательств». Такая трактовка

толковываться в пользу обвиняемого, ибо предположения не могут быть положены в основу обвинения» («Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 12, стр. 10).

¹ С. Голунский, О внутреннем убеждении в советском суде («Социалистическая законность» 1936 г. № 5, стр. 26).

² См. М. Строгович, Внутреннее убеждение и оценка доказательств в советском уголовном процессе, «Проблемы уголовной политики», кн. IV, 1937, стр. 49 и др.; Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе, «Советская юстиция» 1936 г. № 22, стр. 5 и др.

внутреннего убеждения даже при условии признания практики критерием истины ведет по существу к подмене этого объективного критерия внутренним убеждением как своеобразным «субъективным критерием». С другой стороны, признавая практику критерием истины, некоторые авторы пытаются «реабилитировать» прежние порочные взгляды на «объективизацию» оценки доказательств. Так, А. И. Трусов, правильно подчеркивая решающую роль критерия практики в установлении истины по делу, вместе с тем недвусмысленно упрекает М. С. Строговича и М. М. Гродзинского в том, что они отказались от своих взглядов на «объективизацию» оценки доказательств¹. При этом он не берет прямо под защиту указанные взгляды, считая, что последние были очень «абстрактными»². Между тем, порочность этих взглядов состояла прежде всего в том, что они сводили на нет роль субъективного фактора в установлении истины по делу и, вопреки закону, допускали установление обвинительного приговора независимо от убеждения судей в доказанности обвинения. Именно эту наиболее теоретически несостоятельную и весьма опасную для правосудия сторону указанной концепции А. И. Трусов по существу и воспроизводит, рассматривая внутреннее убеждение только как метод подхода к доказательствам (противоположный легальному), но не как результат их оценки. Указанное понятие внутреннего убеждения автор вообще игнорирует.

Аналогичную ошибку в оценке дискуссии тридцатых годов допускает П. Ф. Пашкевич, когда пишет: «Один из защитников этих взглядов (на внутреннее убеждение как критерий истины.— В. А.) С. А. Голунский сделал вывод, что «теорию об объективной оценке доказательств надо решительно отвергнуть... Однако в 1955 году он заявил об ошибочности такой субъективистской точки зрения и признал, что критерием истинности в уголовном процессе является практика»³. Таким образом, П. Ф. Пашкевич неправильно отождествляет

¹ См. А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 105.

² Там же.

³ П. Ф. Пашкевич, Объективная истина в уголовном судопроизводстве, М., 1961, стр. 63.

практику как критерий истины и порочную теорию «объективной» оценки доказательств.

Итак, одинаково ошибочной является как трактовка внутреннего убеждения в качестве «критерия оценки доказательств», так и попытка вообще игнорировать его значение в качестве результата такой оценки. В первом случае роль субъективного фактора в оценке доказательств явно переоценивается, во-втором — недооценивается. Причиной этих ошибочных взглядов является неправильный подход их авторов к рассмотрению роли и значения объективного и субъективного факторов, которые рассматриваются в отрыве один от другого.

§ 3. Роль уголовно-процессуального закона и социалистического правосознания в оценке доказательств

Устанавливая, что следователь, судьи и другие субъекты оценивают доказательства по внутреннему убеждению, ст. 17 Основ указывает вместе с тем, что данные субъекты руководствуются при этом «законом и социалистическим правосознанием». Какова же роль закона и социалистического правосознания в оценке доказательств?

Оценка доказательств как мыслительная деятельность происходит по объективным законам диалектики и формальной логики. Что же касается юридического (уголовно-процессуального) закона, то он, регулируя собирание и исследование доказательств, не может регулировать оценку доказательств в целом. Известно, к каким последствиям привела попытка законодательного регулирования содержания оценки доказательств в средневековом розыском процессе.

Однако не регулируя оценку доказательств по содержанию, закон регулирует ее по форме. При этом роль уголовно-процессуального закона, на наш взгляд, выражается в установлении:

а) общих правил самой оценки — в указанном смысле ст. 17 Основ предписывает, в первую очередь, руководствоваться правилами этой же статьи (оценивать доказательства по совокупности и т. д.);

б) особых правил оценки доказательств для отдельных стадий процесса: например при постановлении приговора суд оценивает только те доказательства, которые были рассмотрены в судебном заседании, и производит оценку только в совещательной комнате (ст.ст. 301, 302 УПК).

в) процессуальной формы предмета оценки доказательств: доказательства, полученные без соблюдения надлежащей процессуальной формы, не могут быть положены в основу выводов суда и других субъектов.

Нет необходимости доказывать, что строжайшее соблюдение перечисленных требований закона — необходимое условие для правильной оценки доказательств, причем уже не только по форме, но и по существу. Так, если суд вынес обвинительный приговор хотя и по своему убеждению, но вопреки закону и его убеждение основывалось не на всех рассмотренных в судебном заседании доказательствах в их совокупности, а лишь на отдельных, находящихся к тому же в противоречии с другими доказательствами или основывалось, хотя бы частично, на имеющихся в деле доказательствах, но не рассмотренных в судебном заседании, то в таких случаях приговор суда будет не только неправильным по форме, но и не обоснованным по существу¹. Следовательно, регулируя внешнюю, формальную сторону оценки доказательств, закон вместе с тем оказывает большое влияние на ее правильность по существу, чем и обусловлена важность соблюдения его требований при оценке доказательств.

Для уяснения и строгого соблюдения требований уголовно-процессуального закона большое значение имеет социалистическое правосознание судей, следователей и других субъектов оценки.

Оно, как известно, играет особо важную роль при применении уголовно-материального закона, т. е. при квалификации преступления и назначении меры наказания.

¹ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 13 марта 1962 г. по делу Р. («Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 8, стр. 12—18), определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 декабря 1962 г. по делу С. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 1, стр. 25—26).

ния. Правильность квалификации деяния во многом зависит от правосознания субъекта, который ее дает, от того, насколько правильно он понимает действующий закон и сущность того деяния, к которому применяет закон. «Судья, — писал К. Маркс, — обязан толковать закон, в применении к отдельному случаю, так как он понимает закон при добросовестном рассмотрении»¹. Что касается назначения наказания, то сам закон обязывает суд руководствоваться при этом социалистическим правосознанием (ст. 32 Основ уголовного законодательства).

Статья 17 Основ, устанавливая требование руководствоваться при оценке доказательств законом и социалистическим правосознанием, имеет в виду правосознание применительно к уголовно-процессуальному закону². Роль правосознания в данном случае заключается в том, чтобы те требования, которые процессуальный закон предъявляет к оценке доказательств, были точно соблюдены в каждом уголовном деле.

Важную роль социалистическое правосознание при оценке доказательств играет в случаях, когда нужно дать оценку не только соблюдению прямых требований закона при собирании и исследовании доказательств, но и тем тактическим и техническим приемам и методам, которые при этом использовались и которые прямо закон не регламентирует. К ним предъявляется требование, чтобы они, содействуя осуществлению поставленной законом задачи по раскрытию и наиболее полному и всестороннему расследованию преступлений, в то же время не нарушали иных требований закона, в частности законных интересов граждан. Поэтому, придя, например, к выводу, что сознание обвиняемого на предварительном следствии (от которого обвиняемый затем отказался) следователь получил приемами, противоречащими закону (обман и т. д.), суд не должен использовать его в качестве доказательства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 67.

² Эту мысль по существу высказывает и М. А. Чельцов, который в качестве примера тех законов, которыми руководствуется суд и другие субъекты при оценке доказательств, указывает на ст. ст. 17 и 43 Основ уголовного судопроизводства («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 151).

Таким образом, основанное на законе правосознание судей и других субъектов оценки, а также основанный на правосознании вывод о правомерности или неправомерности, с точки зрения уголовно-процессуального закона, того или иного следственного действия и его результата — доказательства способствует правильной оценке доказательств судьями и другими субъектами по существу.

В связи с вопросом о роли закона и социалистического правосознания остановимся еще на одном, ранее не рассматривавшемся значении понятия внутреннего убеждения. Последнее может означать уверенность судей и других субъектов в правомерности (или неправомерности), т. е. в соответствии (или несоответствии) закону того или иного факта, действия. Действительно, чтобы решить вопрос о том, что данное деяние следует квалифицировать по такому-то уголовному закону или что доказательство получено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, судья, следователь и другие субъекты должны быть убеждены в этом. Здесь, как и при установлении наличия (отсутствия) искомых по делу фактов, невозможно просто констатировать то или иное положение, в данном случае — соответствие установленному деянию той или иной уголовноправовой нормы или соответствие полученного доказательства требованиям уголовно-процессуального закона. Таким образом, внутреннее убеждение необходимо не только при оценке доказательств, но и при правовой оценке общественных явлений, являясь результатом как той, так и другой оценки.

При этом внутреннее убеждение как результат правовой оценки может быть составной частью внутреннего убеждения как результата общей оценки доказательств¹. Действительно, решая вопрос о достоверности доказательства (совокупности доказательств), мы должны ре-

¹ Общая оценка доказательств является также и правовой в том смысле, что предусмотрена законом (ст. 17 Основ). Однако, когда мы говорим здесь и в других местах о «правовой оценке», то имеем в виду оценку предмета и явления (в частности, доказательства) с точки зрения соответствия (или несоответствия) его определенным требованиям закона. Иначе говоря, если общая оценка лишь основывается на законе, который при этом никак не связывает ее, то правовая оценка состоит в точном и неуклонном применении закона к данному явлению, факту.

шить, в частности, правовой вопрос о допустимости доказательств. Его мы решаем по внутреннему убеждению как результату правовой оценки доказательств (совокупности доказательств). Решение указанного вопроса дает уже основание решить по внутреннему убеждению более общий вопрос — о достоверности доказательств (совокупности доказательств). Так, оценивая вещественное доказательство, суд должен убедиться сначала в его правомерности (допустимости), исходя из того, насколько соблюдены были законы при получении и исследовании доказательства, а затем уже с учетом этого решить вопрос о его достоверности.

Тесная связь между понятиями внутреннего убеждения как результатами правовой и общей оценки доказательств не дает основания смешивать их.

Внутреннее убеждение как результат общей оценки доказательств, выражая уверенность судей и других субъектов в наличии или отсутствии искомых фактов по делу, имеет объективной основой доказательства и исходит из социалистического мировоззрения судей и других субъектов (диалектического материализма)¹.

Внутреннее убеждение при правовой оценке доказательств, выражая уверенность в правомерности или неправомерности их с точки зрения уголовно-процессуального закона, имеет своей объективной основой закон и исходит из социалистического правосознания судей и других субъектов. Смешение этих двух понятий внутреннего убеждения ведет к серьезным ошибкам.

Так смешение А. Я. Вышинским указанных вопросов привело его к неправильной трактовке роли социалистического правосознания в оценке доказательств, подмене по существу правосознанием марксистско-ленинской теории познания². Еще в 1937 году он писал, что правильный приговор — это такой приговор, который соответствует имеющемуся в данном обществе правосознанию. Позднее он указал, что значение социалистического правосознания и внутреннего убеждения

¹ На это правильно указывает М. А. Чельцов в учебнике «Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 155.

² На это правильно указывали А. А. Пянтковский и В. М. Чхиквадзе («Некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса», «Советское государство и право» 1956 г. № 4, стр. 36).

состоит в связи не с задачей установления фактов, а в связи с задачей оценки этих фактов, особенно там, где речь идет о социально-классовой стороне дела, об общественной опасности трактуемого действия, о допустимости или недопустимости этого действия с точки зрения интересов социализма.

Таким образом, вопрос об оценке доказательств А. Я. Вышинский перенес в плоскость оценки уже установленных фактов с точки зрения правосознания, не раскрывая значения внутреннего убеждения и правосознания для самого установления фактов. Поэтому установление фактов А. Я. Вышинский подменял правовой оценкой их, рассматривая вопрос о правильности приговора лишь с точки зрения соответствия его имеющемуся в обществе правосознанию, а не закону. При этом он полностью игнорировал разрешение данного вопроса с точки зрения соответствия установленных в приговоре фактов объективной деятельности. Такая трактовка роли правосознания и внутреннего убеждения и служила теоретическим «обоснованием» произвола в период культа личности, ибо любой факт даже заведомо необоснованного привлечения к ответственности мог быть оправдан тем, что такого рода действие соответствовало социалистическому правосознанию, было «в интересах социализма».

В литературе указанные порочные взгляды А. Я. Вышинского частично уже подвергались критике¹. Однако и после этого в той или иной мере их продолжали развивать отдельные авторы. Так, М. С. Строгович указывал, что внутреннее убеждение судей при оценке доказательств «связано с их социалистическим правосознанием, опирается на него, основано на нем»². Между тем внутреннее убеждение и как результат общей оценки доказательств, и как результат правовой их оценки не основывается на правосознании. В первом случае оно основывается на самих доказательствах, во втором — на законе. Социалистическим правосознанием судьи и другие субъекты по точному смыслу ст. 17 Основ руководству-

¹ См. С. А. Голунский, Об оценке доказательств в советском уголовном процессе («Советское государство и право» 1955 г. № 7, стр. 71).

² М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 178.

ются наряду с законом¹, оно помогает им уяснить требования процессуального закона к оценке доказательств.

Неправильные взгляды на роль правосознания в оценке доказательств развивает Л. Т. Ульянова, по мнению которой эта роль состоит:

«1) в уяснении при анализе доказательств особенностей совершенного преступления, общественно-политической обстановки, в которой преступление было совершено, и связи данного преступления с причинами, его породившими;

2) в правильной оценке действий подсудимого с точки зрения требований закона и интересов коммунистического строительства;

3) в правильном определении меры наказания на основе совокупности данных о деянии и личности преступника, собранных по делу»².

В результате вопрос о роли правосознания в установлении определенных фактов она подменяет вопросом о роли правосознания в оценке уже установленных фактов.

Наконец, П. О. Недбайло, подвергая справедливой критике взгляды А. Я. Вышинского по указанному вопросу, сам впадает, по нашему мнению, в серьезную ошибку. В понятие внутреннего убеждения он включает одновременно как «уверенность... в правильности и справедливости норм советского права», так и «уверенность в достоверности фактов, к которым эти нормы применяются»³. Отсюда внутреннее убеждение выступает у

¹ В этой части формулировка ст. 17 Основ требует, на наш взгляд, уточнения, ибо правосознание не может рассматриваться как нормативный фактор наряду с законом, а оно является лишь фактором, способствующим применению закона. В связи с этим мы полагаем, что из ст. 17 Основ следует исключить указание на правосознание, поскольку, руководствуясь законом при оценке доказательств, судьи и другие субъекты должны, разумеется, как и в случаях применения закона, исходить, в частности, из своего правосознания.

² Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 77

³ П. О. Недбайло, Внутреннее убеждение судей и социалистическая законность, МГУ, межвузовское научное совещание на тему: «Дальнейшее развитие советской демократии и укрепление социалистической законности», секция уголовного процесса, М., 1958, стр. 33.

него не только как средство обнаружения связи нормы с конкретными фактами жизни, но и «в качестве критерия правильности оценки доказательств по конкретному делу»¹. На несостоятельность такого утверждения мы уже указывали ранее. При этом автор прямо выступает против утверждения о том, что практика является критерием истинности выводов суда и других органов об обстоятельствах дела. Он лишь оговаривается, что «внутреннее убеждение судей, выступая в качестве критерия оценки доказательств, вбирает в себя общественную практику человека»². Следовательно, П. О. Недбайло рассматривает практику лишь как практический опыт судей, который, как уже указывалось ранее, не является критерием истины.

Возражая против тезиса о самой непосредственной практике как критерии истины, П. О. Недбайло, включая, подобно другим авторам, в содержание понятия истины правовую оценку деяния, утверждает, что следственная и судебная практика не может быть критерием правильности такой оценки, поскольку она не имеет необходимой формальной определенности, а таковым критерием может быть, по его мнению, лишь закон³. Таким образом, объединив в содержании понятия истины факты и их правовую оценку, а в понятии внутреннего убеждения — уверенность в наличии фактов и в соответствии последних определенным правовым нормам, он пришел к неправильному выводу о неприменимости критерия практики к установлению фактов в уголовном процессе. Его он подменяет законом, между тем как закон может быть лишь критерием правильности правовой оценки деяния, а не критерием истинности его фактических обстоятельств⁴.

¹ П. О. Недбайло, Внутреннее убеждение судей и социалистическая законность, МГУ, межвузовское научное совещание на тему: «Дальнейшее развитие советской демократии и укрепление социалистической законности», секция уголовного процесса, М., 1958, стр. 34.

² Там же, стр. 37.

³ Там же, стр. 44.

⁴ Более серьезную ошибку в этом вопросе допускает, на наш взгляд, Л. М. Карнеева, которая утверждает, что «объективным критерием оценки собранных доказательств с точки зрения их достаточности для предъявления обвинения должно являться не только

В данной работе мы рассмотрели лишь некоторые основные вопросы общей теории доказательств. Правильно решить их, на наш взгляд, возможно лишь при условии четкого разграничения гносеологических и правовых (особенно уголовноправовых) вопросов, ограничения предмета теории доказательств установлением фактических обстоятельств дела.

Решение же вопроса о правильной юридической квалификации деяний и правильном применении мер наказания при всей его тесной связи с вопросами о фактической стороне деяния находится вне пределов теории доказательств и должно исследоваться наукой уголовного права. Только при этом условии, руководствуясь марксистско-ленинской методологией и в точном соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, можно правильно решить основные вопросы теории доказательств в советском уголовном процессе.

правосознание следователя, но и закон» («Привлечение в качестве обвиняемого», М., 1962, стр. 4).

Таким образом, автор утверждает, что в нашем законе содержится критерий, по которому можно судить о достоверности собранных доказательств для предъявления обвинения. Между тем закон (ст. 143 УПК) ограничивается лишь указанием на то, что предъявление обвинения должно иметь место «при наличии достаточных доказательств». Никакого критерия такой достаточности закон не устанавливает. На это правильно указывает В. М. Савицкий («Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием», М., 1959, стр. 190). Если бы закон содержал такой критерий, то это противоречило бы принципу оценки доказательств по внутреннему убеждению и вело бы к возрождению системы формальных доказательств.

Более правильно вопрос о критерии достаточности доказательств применительно к моменту окончания предварительного следствия решает Н. А. Якубонич, которая рассматривает в качестве такового «доказанность существенных обстоятельств дела» («Окончание предварительного следствия», М., 1962, стр. 14).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава I. ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ, ЕГО ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ	5
§1. Понятие уголовно-процессуального доказывания	5
§2. Предмет уголовно-процессуального доказывания	19
§3. Задачи уголовно-процессуального доказывания	36
Глава II. СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ, ИХ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ	50
Глава III. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ИХ ИСТОЧНИКИ	78
§1. Понятие уголовно-процессуальных доказательств	78
§2. Содержание и форма уголовно-процессуальных доказательств. Вопрос об относимости и допустимости доказательств	102
§3. Источники доказательств. Вопрос о критериях классификации доказательств	115
Глава IV. ОЦЕНКА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	130
§1. Содержание и форма оценки доказательств	130
§2. Значение практики и внутреннего убеждения в оценке доказательств	137
§3. Роль уголовно-процессуального закона и социалистического правосознания в оценке доказательств	170